

Маркелов Владислав

Ригиторум. Эра разлома

Ригиторум — великое королевство людей, построенное на обломках древней цивилизации. Могучее государство объединило под своим флагом большую часть изведанных земель, однако не все согласны с растущими аппетитами короля Десмоса, помешанного на единении человечества.

Страна трещит по швам, распывая силы между внешней экспансией и внутренними конфликтами. Простым гражданам Ригиторума предстоит найти собственный путь, чтобы уцелеть в жерновах великой войны. Прислужник в дорогом районе столицы, успешный контрабандист, солдат королевской армии и ревнитель солнечного света, — как сложатся их судьбы в период великого кризиса?

Рональд, сын Даррена

Громкий скрип подъемной кабины неприятно резал по ушам. Я перегнулся через борт и вытянул голову как можно дальше от гигантской шестеренки, что перетирала толстенный канат. Сильный ветер попытался распутать волосы, с таким трудом собранные в пучок на затылке, а из глаз потекли слезы. Утерев их рукавом, я сильно прищурился, окидывая взглядом предгорный район Минакса.

Прямо подо мной начинали свой разбег Большой и Торговый проспекты. Они протянулись от станции канатной дороги у подножия вплоть до Закатной стены, перекликаясь друг с другом многочисленными переулками и рукавами. В этих хитросплетениях могли с легкостью заплутать даже местные жители.

Солнце начало клониться к зубчикам городских укреплений. Привыкнув к сумеречному освещению, я смог различить немыслимое число людей и повозок. Они без конца сновали по проспектам в обе стороны, занимаясь своими “приземленными” делами.

Я усмехнулся собственному высокомерию. Да, работа на Горе — отличная возможность когда-нибудь покинуть город, однако это “когда-нибудь” было слишком расплывчатым понятием. Отец отслужил наверху чуть больше двадцати пяти лет, да так и помер в хибаре за городской стеной, не нужный никому из “высокородных” людей. Тьфу!

В чувствах я смачно харкнул вниз, хотя и знал, что плевков просто рассеется в воздухе — слишком высоко.

Подъемник неумолимо тянул меня к первой станции, расположенной на высоте чуть больше полукилометра над уровнем города. Там я и проводил большую часть своей жизни в качестве третьего помощника распорядителя. Принеси то, подай это — одним словом, мальчик на побегушках, а ведь не так давно мне уже третий десяток пошел. Боюсь, если жизнь продолжится в том же духе, нам с Мариссой никогда не видать собственного домика хотя бы на Сотом метре предгорья.

Я оторвался от бортика и обернулся, встретившись взглядом с крепким мужчиной. Он презрительно отвел глаза в сторону, после чего как будто задремал, хотя при шуме работающего подъемника уснуть мог разве что глухой. Всего в кабине насчитывалось чуть больше семи человек. Это заступала на службу вечерняя смена гвардейской кухни. Мужчина, молчаливо осудивший меня за плевков, наверняка был первым поваренком. Впрочем, я не знал его имени, ведь на кухню меня пускали редко.

Бросив грустный взгляд на пахучий сверток, я чуть было не поддался порыву и не выбросил его за борт, вдогонку к своей густой слюне. Впрочем, это стало бы действительно верхом кретинизма. За подобную провинность меня в ту же секунду погонят с Горы поганой метлой, и остаток своих дней я проведу внизу, с остальными. Придется мириться с добрососедством работяг Минакса, чего я уж точно не хотел для своей Мариссы.

Я тяжело вздохнул и рухнул на протертую до дерева сидущку, понемногу сходя с ума от оглушительного скрипа проржавевших насквозь шестерней.

Вскоре кабина прибыла на станцию. Не дожидаясь полной остановки, я на ходу отбросил деревянные дверцы и соскочил на платформу под неодобрительный крик зрителя. Подмигнув поваренку на прощание, я припустил по крытой галерее к зданию управления.

Дорога вела меня по краю крутого уступа, и по левую руку зияла пропасть, на дне которой Минакс готовился ко сну. Тут и там в редких просветах облаков еще мерцали слабые лучи света, но вскоре погаснут и они.

Миновав казармы гвардейцев и пару сторожевых башен, я прошел восточным коридором и прибыл в вестибюль здания распорядителя.

— Рональд, пошевеливайся! — недовольно крикнул Ван, вскочивший со своего поста у входа. — Фицер уже рвет и мечет!

— Разве он хоть раз был в другом настроении? — буркнул я в ответ и побежал на второй этаж по парадной лестнице.

— Не приведи тебя Солус сказать такое ему в лицо! — проворчал дежурный и вновь уселся на табурет.

Мигом покрыв три пролета низеньких ступеней, я постучал в кабинет главного распорядителя.

Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял бледный как молоко Давва, который смотрел перед собой потухшими глазами. Впрочем, встретившись со мной взглядом, парень тут же оживился, а на его правом виске начала задорно пульсировать жилка.

— Рон! — заверещал Давва и тут же схватил меня за локоть, потянув внутрь помещения. — Он здесь, господин! Здесь!

Просторный кабинет первого распорядителя был заполнен тревожными людьми, которые копались в расчетных свитках, переписывали что-то в маленькие карманные клочки пергамента и тихо перешептывались друг с другом, еле слышно бормоча под нос. Воздух был насыщен книжной пылью и запахом хорошего дерева, а единственным звуком, нарушавшим покой местного начальника, был скрип десятков перьев. Удивительно, как столь многочисленная толпа, собранная под сводами необъятного зала, умудрялась вести себя столь тихо.

Впрочем, пронзительный визг Даввы вызвал настоящий переполох. Помощники распределителя, управляющие первых трех звеньев, казначеи и счетоводы Пятисотого метра — все они разом подпрыгнули, создав угрозу обрушения здания. А от совместного испуганного вздоха в комнате поднялся сквозняк.

Лорд Фицер вскочил из-за роскошного стола, вырезанного из цельного куска мрамора, и оглушительно хватил по нему кулаком. Подобный маневр мог стоить ему нескольких переломов, однако в рабочую поверхность гигантского монолита была встроена деревянная столешница, на которой и лежали письменные принадлежности и аккуратные рулоны свитков.

— Рональд! — взревел распорядитель, мигом побагровев от корней взъерошенных волос до ногтей на мизинцах. — Где ты шляется?!

— Виноват, господин распорядитель! — вытянулся я по струнке. — На улицах было людно, и...

— Мне не нужны оправдания! — Фицер всплеснул руками. — Принес?!

— Конечно! — я протянул вперед сверток, и Давва тут же выхватил его у меня из рук. Пробежав несколько шагов по каменному полу, составленному из мозаичных камней в форме цветка лотоса, парень положил бумагу на стол.

— Чего стоишь, болван? — рыкнул на него Фицер. — Открывай!

Давва, который уже начал отходить от неестественной бледности, принялся разворачивать обертку дрожащими руками. В ноздри всех собравшихся тут же ударил

крепкий колбасный дух.

— Дай сюда! — не вытерпел распорядитель и одним движением бесцеремонно разорвал бумагу. Большой батон густого красного цвета упал прямиком на развернутый документ, заляпав его жирными пятнами, но Фицеру не было до этого дела. Он крепко вдохнул пьянящий аромат фальдейской колбасы с добавлением крови и чеснока, с трудом удержавшись от покушений на ее целостность.

— Отлично, отлично, — тихо прошептал он, запрокинув голову. — Аврел!

— Да, господин? — отозвался дородный мужчина в высоком белом колпаке.

— Тащи ее на кухню, к подавальщикам, и быстро на стол! Дай Солус, чтобы он еще не пришел, — произнес он тихо, после чего повернулся ко мне. — Ладно, Рон, на сегодня свободен. Вывезешь дерьмо из восемнадцатого данскера, и иди... Так, я не понял! — вдруг вскинулся распорядитель, а по лицу вновь начала разливаться краска. — А где икра?!

— В... В свертке... — просипел я и медленно проследил глазами за Аврелом, который чуть было не вышел за пределы кабинета. Остановившись в дверном проеме, повар аккуратно заглянул в бумагу и пошарил там рукой несколько долгих секунд. Посмотрев на меня, он сочувственно покачал головой.

Икры не было.

— Твою мать, Рон! Ты хоть представляешь, как ты попал?! — заверещал Фицер, который все же вышел из-за стола и неумолимой поступью двинулся в мою сторону. — Да я тебя сгною в самом нищем квартале Минакса!

— Но, господин...

— Будешь милостыню собирать и вылавливать крысиные тушки из канализации!

— Господин, я...

— В жопе колея! — прикрикнул Фицер, после чего обхватил голову руками, выпучив на меня глаза. — Рональд, я... Я обещаю, ты никогда больше не увидишь Гору, ты меня понял?!

— Я все исправлю, господин Фицер!

— Как, сукин ты сын?! Посыльный полчаса назад принес весть, что Велизар начал спуск в расположение гвардии!

— Я мигом, я... Я сейчас прибегу! — крикнул я, прорвавшись через толпу счетоводов, которые загородили путь к выходу.

— Можешь не возвращаться! — орал мне в спину распорядитель, да так, что его голос эхом отражался от высоких каменных стен вестибюля.

Гребаная икра! Чертов Фицер со своими угрозами! Так и знал, что ничего хорошего от визита придворного чародея к гвардейцам ждать не приходилось. Эх, да чего там. Ведь я и сам знатно лопухнулся. Решил, что хватит времени после порта, где я и взял продукты у купца из вольных городов, забежать к Мариссе, провести ее самочувствие. После собирался впопыхах, а сверток с икрой скорее всего так и остался дома! Пока спущусь на подъемнике, найду эту треклятую жижу из рыбьих потрохов, а потом наверх... К тому моменту с Фицера уже спустят три шкуры, и он не постесняется с лихвой отыграться на мне. Впрочем, затеряться в Минаксе я всегда успею. Было бы глупо сдаваться без боя, даже не попытавшись исправить ситуацию! А вдруг Велизар не сразу потянется к своей любимой икорке? Все же он не пожрать туда поехал, а какие-то дела обсудить. Наверное... А уж к тому времени, как проголодаются, я буду тут как тут. Главное не отчаиваться!

Галерея, по которой я изначально и пришел к зданию управления от подъемников, уже почти закончилась, как вдруг из-за угла мне навстречу выбежал человек. Сбив незнакомца с

ног, я и сам повалился на мощеную булыжниками дорожку, стукнувшись головой о деревянный бортик над пропастью.

— Да чтоб у тебя яйца лопнули, олух! — прорычал я и замахнулся кулаком на упомянутую часть анатомии незнакомца, но вовремя остановился — у дальней от обрыва стены сидела девушка с рыжими волосами, один в один, как у моей Мариссы. Она одной рукой уперлась в землю, пытаясь выпрямиться, а другой прижимала к себе рулон бумаги, от которого ощутимо пахло рыбой.

— Простите меня, — прошептала девушка и жалобно шмыгнула. Я тут же подскочил к ней и, положив два пальца на подбородок, поднял лицо к себе.

— Привет, глупышка, — сказал я и легонько щелкнул Мариссу по ее крохотному носу.

— Ой! — пискнула она и отдернула голову, однако в светло-зеленых глазах девушки уже промелькнуло узнавание. — Рон, ты?

— А кто ж. Зачем ты здесь? — удивился я, помогая ей встать. — Неужели?..

— Да, — гордо протянула она мне сверток. — Ты забыл свою невероятно важную икру для какого-то там...

— А ну ш-ш! — прижал я ее к стене, прислонив указательный палец к губам. — Не дай Солус тебя кто-то услышит!

— В чем дело? — выгнула она бровку.

— Не какого-то там! А магистра Велизара! Я ведь много раз про него рассказывал, ты чего?

— Извини...

— Ладно уж. Как себя чувствуешь? Все хорошо? — я прислонил руку ко лбу невесты. Она все еще была очень горячей.

— Не сказала бы. Но это ничего, я крепкая.

— Как же ты добралась сюда в одиночку? — удивился я и крепко обнял девушку. — Ладно, если принесу эту клятую икру вовремя, Фицер отпустит меня домой. Только сделаю еще кое-что, — уклончиво махнул я рукой. — А потом отведу тебя обратно в город. Договорились? Подождешь меня тут?

— Нет, я хочу с тобой, — тихо, но уверенно сказала Марисса.

— Хорошо. Тогда нужно немножко поспешить, дорогая, — ответил я и взял в одну руку сверток с икрой, а другой поддержал подругу.

Повернув от галереи на тропинку для прислуги, мы с Мариссой двинулись в сторону кухни, где Аврел уже наверняка отправлял служек в зал для пиршества. Это ничего, главное, чтобы мы успели выставить деликатес к столу до прихода делегации гвардейцев. Я подгонял девушку как мог, но, измученная болезнью и долгим подъемом на станцию, она почти никак не реагировала на мои понукания.

С горем пополам мы все же добрались до небольшого сквера, в который работники кухни частенько выходили покурить. Они смолили длинные деревянные трубки, если это повара, и жуткие “козьи ноги” в случае подмастерьев и разносчиков. Помимо устоявшегося табачного запаха, который не могли выдуть даже сильные горные ветра, сквер переполняли исключительные ароматы большой готовки — жженое масло, дым от десятков и сотен печей, пробирающая до желудка смесь трав и пряностей и многое, многое другое. Все это великолепие щедро изливалось в сквер из вентиляционных отверстий, которыми была испещрена вся западная стена исполинской трехэтажной кухни.

— Что за кошмар? — крикнула Марисса и зажала нос свободной рукой. — Как ты тут

работаешь?

— А мне и не нужно тут работать, — пожал я плечами. — Я ведь по всему Пятисотому мотаюсь туда-сюда, смотря что прикажут. Нет, бывает, и на кухню забегу, конечно. Но надолго здесь не задерживаюсь. Не представляю, как эти бедолаги там целый день, у жара очагов, — кивнул я на мокрых от пота поварят, которые прятались в тени раскидистого дуба.

— Всем встать! Смирно! — рявкнул грубый голос слева и позади. — Обернувшись, я увидел рослого воина в бронзовых доспехах под яркой пурпурной накидкой. На нагруднике солдата было выгравировано изображение Горы с символическим замком на вершине — дворцовая гвардия. Наплечник, покрытый позолотой, выдавал в человеке офицера.

— Что сл... — начал говорить дежурный по кухне, как ему в грудь тут же прилетел удар закованным в броню кулаком.

— Молчать, когда отдана команда смирно! — рявкнул боец и гордо выпрямился над поверженным поваренком, который безуспешно ловил воздух губами. — Всем стоять и не издавать ни звука! Не отвешивайте, чернь, — презрительно сплюнул он рядом с дежурным, который начал с трудом подниматься на ноги.

Мы с Мариссой не замедлили подчиниться приказу. Работники кухни, увидев, что стало с их менее везучим товарищем, побросали недокурные самокрутки в траву и застыли, как каменные изваяния.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул солдат и повернулся к парадной дороге, которая проходила десятью шагами левее здания кухни. По выточенной из златолита мозаике желтого цвета степенно вышагивала целая процессия.

Конвой из двух десятков дворцовых гвардейцев следовал за двумя хорошо одетыми людьми, которые явно чувствовали себя хозяевами положения. Слева и на полшага впереди держался статный мужчина средних лет с редкими морщинами, которые с опаской, как бы нехотя тронули его лицо. Идеальные пропорции, высокий лоб, прямой и широкий нос сильно контрастировали с тонкими губами, которые сжимались в еле заметную ротовую щель. Одет мужчина был в расшитую золотой нитью колдовскую мантию, которую удобно прихватывал дорогой пояс.

Умирающие лучи заходящего солнца в последний раз разбились о драгоценные камни колец мужчины на десятки бликов, после чего наступили сумерки. Впрочем, на Горе всегда было достаточно света за счет фонарей, которые заранее зажигались расторопными слугами.

По правую руку от человека в мантии чеканили шаг сапоги из крепкой, но явно деликатной кожи коричневого цвета. Обладателем сапог был атлетически сложенный мужчина, носивший парадный доспех командира гвардии. Его волевой подбородок, отмеченный глубокой ямкой, был задран высоко вверх. Настолько, что человеку едва ли было видно дорогу, по которой он ступает.

Солдаты сопровождения несли штандарт с символом дворцовой гвардии. Белая гора на пурпурной ткани колыхалась в такт ритмичным движениям бойцов. Правая рука крайних гвардейцев лежала на оружии — солдаты никогда не теряли бдительность, даже на родном для них Пятисотом метре.

Приглядевшись внимательнее, я заметил, что за спиной колдуна несколько солдат были одеты в цвета рекситоров — их глубокие синие плащи терялись в вечернем полумраке.

Колонна не спеша двигалась к штабу гвардии, на первом этаже которого расположился обеденный зал. Двое во главе шествия тихо переговаривались, наверняка обсуждая предстоящий ужин. Нам с Мариссой оставалось дожидаться, когда августейшие особы

скроются из глаз, и тогда мы сможем передать посылку одному из прислужников. Только бы успеть до начала торжественной части!

Внезапно человек во главе колонны бросил небрежный взгляд в нашу сторону.

И остановился.

— Погоди-ка, господин Клин, — вдруг поднял он руку. Бойцы сопровождения немедленно отреагировали, синхронно топнув левыми ногами и встав наизготовку.

— Что случилось? — недовольно сморщился старый солдат, при этом лицо его стало похожим на печеное яблоко. — Сколько можно ждать?

— Успеешь ты к своему ужину, толстяк, — хмыкнул мужчина и сошел с мощеной златолитом дороги прямо на газон. Рекситоры последовали за ним, многозначительно сжимая рукояти составных алебард.

— Если ты что-то сделал... — прошипел мне сквозь сжатые зубы офицер, который ударил поваренка в грудь, — я тебя на лоскуты порежу, понял?!

Я проглотил вязкую слюну, пытаясь игнорировать нависшего над ухом гвардейца. Колдун продолжал приближаться, однако на лице его застыла любезная улыбка, а походка была расслабленной.

Марисса крепче сжала мою ладонь.

— Доброго вечера вам, молодые люди! — Маг склонил голову в легком поклоне. Я понимал, что нужно что-то сделать, но тело как будто окоченело — руки-ноги отказывались мне подчиняться.

— На колени! — рявкнул вставший позади офицер и сильно потянул нас с Мариссой за уши, заставив припасть к земле.

— Ну-ну, к чему эта суровость? — Колдун чуть нахмурил свои прямые брови. — Я ведь с самыми благими намерениями. Верно, моя прелесть? — пальцы мужчины легли на подбородок девушки. Нежным, но твердым движением он повернул ее лицо к себе. — Как тебя зовут, солнце?

— Марисса, дочь Хэмфри, — сказала девушка, отведя глаза в сторону.

— Очаровательно, — проворковал колдун. — Не бойся, посмотри на меня.

— Что вы делаете? — возмутился я, грозно посмотрев на мужчину. — Она моя невеста!

— А ты кто? — со скучающим видом перевел он глаза на меня.

— Рональд, сын Даррена!

— Где ты работаешь, Рональд?

— Третий помощник распорядителя Пятисо...

— Закрой рот, — хмыкнул колдун и выпрямился, потянув Мариссу за собой. Испуганная девушка безропотно поднялась на ноги.

— Велизар, долго ты еще? — пробухтел командир гвардии, который стоял на обочине парадной дороги. — Я умираю с голода!

— Я начинаю терять терпение, Клин! Умолкни! — внезапно рявкнул мужчина, и старый солдат вдруг как-то сдулся и потускнел, словно даже уменьшился в размерах до ничего не значащей мошки. — Мне предстоит ужин, Марисса, после чего я обязательной тобой займусь. До тех пор посидишь в гостевой комнате.

— Да что здесь происходит?! — крикнул я и вскочил на ноги, но в ту же секунду моя голова будто взорвалась. В глазах потемнело, а когда я снова получил способность видеть, то понял, что лежу на спине, а надо мной стоит рекситор с бельмом на глазу и длинным сабельным шрамом от виска до кончика подбородка.

— Я не хочу... — пискнула Марисса, но Велизар вдруг крепко схватил ее за лицо.

— У меня нет на это времени! — шикнул он ей на ухо. — Утри слезы, глупышка. Не порть свою красоту. Вы, — кивнул он личным рекситорам в синих цветах, — отведите юную госпожу в мои покои.

— А с этим что? — спросил человек со шрамом, показав на меня обратной стороной секиры.

— Мне какое дело, Берт? — Велизар пожал плечами. — Выбросьте.

— Марвин, ко мне, — сказал рекситор. Вместе с напарником они взяли меня под руки и потащили прочь.

— Остановитесь! — просипел я, все еще оглушенный богатырским ударом Берта. — Марисса! — попытался я повернуть голову, но рекситоры держали крепко.

Кулак, врезавшийся мне в солнечное сплетение, сделал меня еще более сговорчивым. Я окончательно потерял волю к сопротивлению, сосредоточив все силы на том, чтобы вдохнуть.

Вскоре солдаты притащили меня к скалистому уступу, откуда открывался вид на покрытый сумерками город. Рекситоры уверенно вошли в выступающую над обрывом башню восемнадцатого данскера, после чего подвели к одному из отхожих отверстий и рывком выдрали деревянную доску, предназначенную для сидения.

— Мужики, вы чего, — прошептал я, пытаюсь крепко встать на ноги. — За что?!

— У нас приказ, — равнодушно ответил Берт, после чего размял шею и вновь подошел ко мне. — Готов?

— Готов, — кивнул Марвин.

— Разве ж это справедливо?

— Берем! — приказал старший рекситор. Могучие солдаты без труда подхватили меня на руки и подвесили над убегающим в темноту тоннелем.

— Пожалуйста, не надо! Я нужен Мариссе!

— Ей уже никто не нужен, — хохотнул Марвин.

— Счастливого пути, — подмигнул Берт и разжал руки.

Я на полной скорости ухнул вниз, по длинной шахте данскера, нырявшей во мрак.

Вскоре труба, выложенная кирпичами, начала изгибаться, повторяя склон Горы. Я крепко приложился руками и левым плечом, после чего продолжил падение, ударившись затылком о торчащий уступ на противоположной стене. Я бы наверняка кричал, как никогда, однако легкие до сих пор не справлялись после побоев. С моих губ срывался лишь едва слышимый хрип, который то и дело прерывался, когда тело вновь сталкивалось с препятствиями на пути.

В конце затянувшегося падения я с головой ухнул в зловонную жижу, скопившуюся под данскером за прошедшие несколько дней. Зловоние нечистот с легкостью проникало не только в ноздри, но и через закрытый рот. Оно буквально наполнило мое существо до кончиков ресниц.

Поднатужившись, я оттолкнулся от каменного пола выгребной ямы и вынырнул на поверхность. Рой мух тут же облепил мое грязное лицо. Насекомые мешали дышать, мешали смотреть. Жужжание тысяч и тысяч крохотных крылышек в этом крохотном помещении оглушительно било по ушам. Я тщетно пытался отогнать их не менее грязными руками, однако их это нисколько не огорчало. В конце концов, желудок не выдержал, и меня обильно стошнило.

Что ж, я должен быть благодарен судьбе за то, что остался жив. Если бы по поручению Фицера я очистил восемнадцатый данскер вместе с рабочими Пятисотого, то уже наверняка был бы мертв.

Впрочем, мое нынешнее состояние мало чем отличалось от смерти.

Отплевываясь от рвоты и дерьма, я с огромным трудом выполз из служебного тоннеля на свежий воздух. Многие мухи решили не оставлять меня в одиночестве, а потому последовали за мной.

С трудом сориентировавшись в темноте, я понял, что все еще нахожусь на Горе. Если гвардейцы обнаружат меня здесь в таком виде, они наверняка не постесняются выстрелить по такому страшилищу из арбалета, а уже потом будут разбираться. Лучшим решением было как можно скорее спуститься вниз и скрыться на улицах Минакса. Сбравшись с мыслями, я медленно поковылял вниз, избегая дорог и построек.

Больше всего на свете я боялся думать о том, что будет дальше, когда я вернусь домой и отмоюсь. Я не мог оставить Мариссу в беде, однако я нисколько не сомневался, что стоит мне лишь показаться Велизару на глаза, он тут же прикажет меня убить, теперь уже наверняка. Верховный маг Ригиторума обладал беспрекословной властью. Ни один человек в мире не мог бросить вызов его воле.

Стоит ли мне обратиться к городской страже? Или гвардии дворца?

Хах, и что они сделают, интересно? Поверят никчемному третьему помощнику распорядителя, или придворному колдуну Велизару? Кто осмелится поставить под сомнение непогрешимость самого уважаемого чародея королевства?!

Моя голова взрывалась от вопросов, и я понял, что попал в кошмар. Рассудок стремился оставить меня, однако каким-то невиданным усилием воли я заставлял себя держаться.

Неужели Марисса обречена? Готов ли я с этим смириться? Даже если от этого зависит мое собственное выживание?

Так и не найдя ответов, я просто отключил сознание, чтобы сохранить хоть какие-то остатки разума.

У меня еще будет время об этом подумать.

Пакмут Боуен

На заляпанном жиром столе оставалась лишь моя тарелка с недоеденным овощным рагу да пара кружек местного пива. Пит лениво ковырялся острием складного ножа в зубах, поглаживая левой рукой набитое до отвала брюхо. Я откинулся на спинку отчаянно скрипнувшего стула и сделал еще один глоток хмельного.

— Ну как? — ехидно осведомился напарник.

— Стол роскошный, ничего не скажу, — сказал я, после чего все же подался вперед и понизил голос: — Так сколько раз ты тут бывал?

— Да уж никак не меньше пяти, — задумчиво промычал Пит, почесав затылок. — Да, точно. Пять.

— И все проходило как по маслу?

— Кончай придуриваться, — поморщился бывалый контрабандист. — Сказано же тебе, покупатель надежный, лишней шумихи не любит.

— Тогда за каким хреном мы приперлись сюда посреди бела дня? — недоумевал я.

— Ну, ты, — пробурчал Пит, убирая нож в карман. — Совсем ничего в этом деле не смыслишь, что ль?

— Чегой-то! — вскинул я подбородок. — Ходок не меньше твоего!

— Так а че телишься? Если хочешь что-то спрятать — положи на самое, что ни на есть, видное место, усек? Вот мы и засели в “Жокее”. Тут никому не придет в голову выискивать нашего брата.

— А если...

— Сука, дашь пивка попить спокойно? — навис надо мной здоровяк. — Сказано тебе не париться! Если ты всегда будешь так себя вести, в свой караван больше не возьму, и точка. Как дитё малое, ей-богу!

— Ладно, Пит, не кипятись, — примирительно поднял я руки. — Ты меня успокоил. Че сразу угрозы кидать? — пожал я плечами.

— Потому что нехер!..

— Я тебя слышал, брат, — ткнул я напарника в плечо. — Кстати, раз уж мы заговорили о дитях — ты доволен Натаном?

— А почто мне не быть довольным? Парень молодец. В седле держится крепко, силушки ему не занимать. Да и народ его слушает, а это, Пакмут, не каждому дано. Тебе так уж точно нет.

— Иди ты, — беззлобно усмехнулся я.

— В общем, теперь я спокоен. Натан меня заменит, тут никакого вопроса нету.

— Наш путь нелегок, Пит. Может, накажешь ему в честные торговцы пойти?

— А я тут при чем, братец? Вот подкоплю себе на старость, а там пусть забирает животных, работников, да и чешет куда самому захочется. Солус в помощь.

— Ах, такого бы отца, да в каждую семью, — мечтательно проговорил я, потягиваясь.

— Надеюсь, ты не хочешь всерьез это обсуждать, — пробормотал Пит и залпом допил свое пиво.

— Да Солус упаси! — вскинул я брови в притворном ужасе. — Кто я вообще такой,

чтобы говорить о воспитании?

— То-то же, — хрюкнул Пит. — Сам-то не думал еще связать себя узами брака?

— Я только за, — хлопнул я ладонью по столу. — Назови дату, и я весь твой.

— Только в твоих мечтах, дурила.

Какое-то время мы просидели молча, погружившись в свои мысли. Остатки кислого напитка не вызывали у меня ни малейшего желания, однако рука нет-нет, да тянулась к кружке. В конце концов, я отдал за это пойло свои кровные, а, значит, во что бы то ни стало его употреблю.

— Ну и где твой знакомый? — первым не выдержал я и уперся в стол локтями.

— Пес его знает. Должен был прийти.

— И долго мы еще будем тут сидеть?

— Ты задолбал ныть, Пакмут!

— Я просто хочу сказать, что на севере мы так не работаем.

— Заикнешься еще хоть раз про свой треклятый север, и я вышлю тебя в твой обожаемый Рочестин первым почтовым дилижансом!

— А ведь в Рочестине у людей еще оставалось какое-то понятие о взаимоуважении, — скорбно вздохнул я, смахнув невидимую слезинку.

— Пак...

— Меня ждете? — на единственное свободное место за нашим столиком в углу “Жокея” внезапно приземлился тучный мужчина в потрепанном деловом костюме. На жирной переносице толстяка из последних сил держались крохотные очки в серебряной оправе.

— Наконец-то, — буркнул Пит. Его кулаки медленно разжались. — Почему опаздываешь, Вилли?

— Крутился тут какой-то хрен, — неопределенно махнул он ладонью в воздухе. — Безопасность превыше всего, верно я говорю?

— Давай ближе к делу, — сказал я, после чего осушил свою кружку.

— Погодите, только сделаю заказ.

Оставив нас наедине с нашими обалдевшими от такой наглости лицами, толстопуз вспорхнул к длиннющей стойке, которая пересекала немалых размеров зал заведения, и бодренько стал тараторить что-то приемщику. Прождав несколько минут, грузный мужик вернулся к столу с подносом, заваленным снедью.

— Приятного аппетита! — промямлил Вилли с набитым жареной курицей ртом.

— Типа... Угощаешь? — вскинул я бровь.

— Э, сам купишь, черт! — обиженно нахмурился толстяк. — Я же к вам в тарелки не лезу!

— Скажешь тоже, Пак, — заржал мой напарник. — Чтоб Вилли едой поделился? — Впрочем, посмотрев на чрезмерно здоровый аппетит заказчика, Пит вдруг почувствовал себя неуютно. — Вилли, ты б это... Кончал жрать. Небось, собственного хрена уже не увидишь.

— А чего я там не видел? — пожал плечами толстяк, причем с его комплекцией это простое, казалось бы, движение вызвало обильные колыхания по всему телу.

— Может, поговорим наконец о работе? — прервал я их болтовню.

— Ты вообще кто такой есть, мужик? Я тебя раньше не видел, — вдруг насторожился Вилли. — Первый раз в Крэнстауне?

— Все пучком, брат. Это Пакмут, помнишь, я рассказывал? Он раньше в северном направлении работал, но там настали тяжелые времена. Синие активизировались по всему

Рочестинскому феодеу.

— Как же, слышал, — печально вздохнул мужчина. — Наши говорят, барону каюк скоро настанет. Доплясался.

— Пока рано судить, — поднял я руку ладонью вперед. — Мадред мужик волевой. Не без странностей, конечно, но так просто его не задушишь.

— Рекситоры и не таких душили, — покачал головой Пит. — Как бы то ни было, север для нас закрыт, и я предложил этому недоноску поработать со мной. Рынок он хорошо знает.

— Раз Харман тебе доверяет, то и я тоже, — кивнул Вилли. — Как добрались? Все на месте?

— Лучше не бывает, — кивнул я. — Все, как договаривались. “Сахара” даже с лишком положили, в качестве бонуса.

— Хорошо, хорошо, — проговорил толстяк после того, как проглотил черствую корку хлеба практически не жуя. — Где расположились?

— В районе Берсианского, за каналом, — проговорил Пит. — Давай монеты, если хочешь точный адрес.

— Ах, да. Насчет этого, — замялся Вилли.

— Даже не пытайся, — вкрадчиво прошептал я и демонстративно напряг кулаки. — Только попробуй сказать, что денег у тебя нет.

— Нет-нет, что вы. Они есть, просто...

— Нихрена не просто, Вилли, — рыкнул и Пит, наклонившись вперед. В глазах моего напарника сверкнули недобрые огоньки. — Думаешь, мы зря рисковали своими задницами, пока тащились через весь Ригиторум, чтобы услышать твое бляение?

— Да дайте же закончить! — всплеснул руками мигом вспотевший жиртрест. — Деньги у меня, но я не могу их отдать сейчас. Не в городе.

— Что значит не в городе, сукин ты сын?! — взорвался я и прыгнул на стол, схватив Вилли за грудки.

— Пит! Скажи ему, что так дела не делаются, — промямлил заказчик, чьи очки не удержались на сальном носу и полетели на пол. — Или вы хотите разорвать сделку? Поташите свое барахло обратно? Много прибыли вам это принесет?

— Оставь его, брат. — Напарник положил ладонь мне на плечо. — Давай хоть выслушаем.

— Да пожалуйста, — фыркнул я и оттолкнул мужика, после чего вернулся обратно на свой стул. — Но учти, я с этой тушей церемониться не буду. Лучше ему меня не расстраивать.

— Учтем. Ну что, Вилли? Я весь внимание.

— Слава Солусу, — прошептал толстяк и водрузил свои телеса обратно за стол, помахивая перед лицом платочком. — Так вот, о чем я... Планы изменились. Люди Гильберта хотят встретиться на Артанском плоскогорье к юго-востоку от Крэнстауна. Вам нужно вывезти товар из города, где и будет произведен обмен.

— Это шутка? — сказал Пит, широко улыбнувшись.

— И правда, Вилли. Признай, что на тебя напал приступ неуместного остроумия, — добавил я, чувствуя, как кровь опять приливает к лицу.

— Боюсь, что нет. Гильберт говорил абсолютно серьезно.

— Да какого черта?! — злобно зашипел мой напарник. — Ты хоть представляешь, какому риску я подвергал своих людей, чтобы попасть *внутри* города? Думаешь, у ворот

сплошь болваны, которые только и делают, что щелкают клювом?

— Я понимаю, но...

— Говно! — передразнил я толстяка. — Нихрена ты не понимаешь, Вилли. Ты хоть раз пытался пронести “сахар” через ищеек Ригиторума?

— Он бы точно обоссался, — сплюнул на дощатый пол Пит. Поймав недовольный взгляд трактирщика за стойкой, он еще и смачно высморкался туда же, после чего показал тому непристойный жест.

— Мои страхи не имеют к делу никакого отношения, — насупился заказчик. — И на Гильберта я влияния не оказываю. Предупреждаю последний раз: хотите увидеть деньги — сделаете все так, как он сказал. Иначе сделка не состоится. Карту для вас его люди передают со мной.

— Я бы этому мятежнику долбаному уши-то бы пооткручивал, — проворчал я, задумчиво дергая себя за ус. — Вернее, начал бы с ушей, а там видно будет, насколько глубоко он раскаивается.

— Лучше держите языки за зубами, — недовольно скривился Вилли, который как раз закончил поесть свою снесь и теперь вытирал сальный рот белоснежным платочком. — В городе много людей, которые сочувствуют восстанию. Рекситоры делают все возможное, чтобы заткнуть недовольные голоса. Но идеи Гильберта так и витают в воздухе.

— Да брось. Все это быстро кончится, когда Десмос возьмется за местное отребье всерьез. Рочестин тому лучшее подтверждение.

— Разве ж это хорошо? — пожал плечами Пит. — Пока одни уроды с другими грызутся, мы можем золотишко на этом поднимать. Так что типун тебе на язык, Пакмут.

— Не отвлекайтесь, господа, — вытянул вперед руку Вилли. — Насчет Артанского плоскогорья-то решили? Доберетесь туда?

— Что нам еще остается? Не тащить же добро обратно в Минакс, — покачал головой напарник. — Давай сюда карту. Но учти, Вилли, — поднял он палец, — я это запомню.

— С меня выпивка, брат. Уверен, мы еще поработаем вместе.

Сказав это, толстяк поднялся из-за стола и скоренько убежал. Пожалуй, даже слишком быстро для человека столь внушительных габаритов.

На столе остался лежать небольшой клочок бумаги.

— Что скажешь? — повернулся я к напарнику.

— Дерьмо, — флегматично пожал он плечами. — Но опять же — что нам остается? Бизнес есть бизнес. Надо быть готовыми ко всему.

За это люди из теневого мира королевства и уважали Пита Хармана. У меня с первого дня знакомства сложилось ощущение, что его просто невозможно вывести из душевного равновесия. Нет, погневаться он может, да и морду разобьет на раз, стоит только нарваться. Однако несмотря на крутой нрав, Пит славился своей способностью всегда оставаться в трезвом уме, когда речь заходила о работе. Какие бы испытания и неожиданные трудности не подкидывала ему жизнь, он никогда не поддавался панике и не сетовал на свою тяжелую судьбинушку. Планы изменились — ну что ж, значит, мы приспособимся к новым условиям во что бы то ни стало.

Напарник высморкался в грязную салфетку и потер выдающийся нос с огромной горбинкой, что говорило о Пите как об уроженце Приморья. Затем он развернул послание Вилли.

На крохотном фрагменте пергамента поместилась набросанная вручную карта,

предлагавшая добраться от южных ворот Крэнстауна до места встречи. Ориентирами выступали несколько крупных деревьев, большой раздвоенный валун на перекрестке и прочие видные элементы окружения. Вилли, а, скорее, сам Гильберт не поленился даже отметить на карте посты городской стражи, а также места наиболее вероятного появления их патрулей. Почмокав губами, я мысленно представил, сколько времени займет дорога.

— Если выдвинемся сегодня же ночью, к утру сможем быть там.

— Не, брат. Ночью я товар через посты не повезу. Дозор на воротах наверняка будет настороже.

— Предлагаешь выдвигаться перед рассветом? — хмыкнул я.

— А почему нет? — сказал напарник и рукой попросил трактирщика налить ему еще пива. — Верный путь на волю. Смешаемся с толпой утренних путешественников, да и у охраны глаз будет замылен. Только о кроватке солдат и думает в собачью вахту, я-то знаю.

— Тогда решено. Расходимся?

— Иди первым, — кивнул Пит. Подавальщица поставила на стол еще одну кружку пива и тут же исчезла.

— Я бы на твоём месте это не пил, — осторожно заметил я, глянув на хитро прищурившегося хозяина заведения.

— Будто я собирался, — захохотал Пит. — Встретимся на рассвете в Смольном переулке. Лады?

— Лады.

Я крепко пожал Харману руку и направился к выходу. Набросив на голову капюшон, вышел на улицу, под капли промозглого дождя.

Конечно, я мог вернуться на постоянный двор, где остановился отдельно от каравана. Подремать несколько часов, попросив мальчика-служку разбудить после полуночи, а затем отправиться на встречу отдохнувшим. С другой стороны, валяться в постели мне совершенно не хотелось, да и заспанный погонщик янитов будет смотреться убедительнее в глазах привратников.

Решено — потрачу этот вечер с пользой!

В моем понимании слово “польза” имело несколько иное значение, близкое по своей сути к “веселью”. Пит не обрадуется, если я приду на встречу пьяным в хлам, но пропустить пару стаканчиков еще никогда не было лишним. Да и кто знает, какие чудные знакомства сулит мне этот вечер?

Обрадовавшись самой мысли, что следующие несколько часов я проведу в компании прелестной незнакомки, я пошел по улице.

Далеко на горизонте, с северной стороны Крэнстауна, ввысь поднималось алое зарево, будто сами облака горели красным огнем. Там крупнейшие оружейные цеха королевства использовали жар действующего вулкана в своих плавильнях, выдавая тысячи единиц вооружения каждый день. Да, лучшим инженерам Ригиторума вместе с магами Школы удалось подчинить себе земные недра, направить раскаленные потоки магмы в специально прорытые каналы и бассейны, где тепло остывающих пород идет на нагрев воды в паровых машинах и на плавку металла.

Я принялся бесцельно слоняться по улицам города, пока судьба не укажет мне на нужное заведение. В такие моменты я целиком и полностью доверял своему нутру, которое безошибочно указывало наиболее подходящий вариант для вечернего кутежа.

Впрочем, на этот раз чутье меня подвело. Не прошло и получаса, как я забрел в

кварталы мясников. Справа и слева от меня тянулись скотобойни и ряды лавок, где в окружении свор бродячих собак шла оживленная торговля продуктами. В глубине кварталов расположились скотобойни, откуда то и дело доносились визги животных.

По грунтовой улице весело бежали ручьи дождевой воды, щедро сдобренной свежей кровью. В разрыве домов по левую руку я разглядел гигантский котлован, занимавший большой двор убойной фермы. Туда сбрасывали отходы мясного промысла, причем уже довольно долго. Из ямы торчали выбеленные временем кости и порченые потроха, на которых пировали голодные птицы.

— Свали с дороги! — крикнул мне мужик. Он шел навстречу, с трудом волоча по земле свиную тушу.

— Прошу прощения, — кивнул я, освободив проход. Эх, надо отсюда сваливать. Мясо я люблю, спору нет. Но процесс превращения весело похрюкивавшей животинки в сочную котлету меня никогда не привлекал. Да и какие приличные кабаки могут оказаться в такой дыре?

Покачав головой, я резко свернул в сторону, держа курс на шпиль южного храма. Этот собор было прекрасно видно почти из любой точки города, ведь жрецы Темплум Луцис не могли себе позволить потушить огни в честь Солуса ни на секунду. Всю ночь на острие его высочайшей башни горели костры, отчего в Крэнстауне не заблудишься даже при очень большом желании.

Вид грандиозного сооружения, которое возвышалось над остальным городом как исполинское дерево посреди пустыни, пробудил давно забытые образы из детства. Помнится, когда-то давно, будто в прошлой жизни, мы с отцом жили в предместьях Крэнстауна. Старик часто брал меня в город, чтобы я помогал ему убираться в домах богачей и прочищать печные трубы. По вечерам, на пути к дому, мы частенько заходили в Берсианский храм, который в народе еще называют южным. В огромном зале, где с легкостью уместилась бы вся моя деревня вместе с полями, мы выстаивали третью службу и возносили Солусу свои молитвы.

Собор воистину был местом упокоения, надежным пристанищем, куда мог обратиться любой человек. Темплум Луцис никогда не отказывал просящим, и даже самый распоследний доходяга мог найти в его стенах слова утешения, равно как и что-нибудь съестное. Сияющий Ватари, первосвященник и настоятель Берсианского храма, истово верил в великую миссию Темплума, и по совести исполнял заветы верховного служителя. По мнению Сияющего, жрецы были опорой для всего человечества в этом суровом, недружелюбном мире. Несмотря на все страдания и боль, которую наш народ испытал в начале времен, с помощью Солуса и его великого дара, мы смогли преуспеть. Теперь Ригиторум крепко стоит на ногах, однако служители Темплума не теряют бдительности — они в любой момент готовы поддержать ослабшего духом, направить его на нужный путь и дать все возможности, чтобы реализоваться в этой жизни.

Глядя на роскошное убранство Берсианского святилища; на арочные стены, которые изящным каскадом уносились в небеса; на далекий, едва различимый на таком расстоянии потолок храма, расписанный сценами из истории нашей страны, — я понял, что хочу провести жизнь в служении Солусу. Меня ошеломил разительный контраст между нашим убогим домишкой в окрестностях Крэнстауна и величием священного места, между скудной пищей, добытой отцом, и изысканными кушаньями, от которых ломились столы жрецов Темплума. Казалось, ни один здравомыслящий человек не упустит возможность изменить

серую мирскую жизнь на роскошь храмовых покоев.

Впрочем, моим мечтам не было суждено сбыться. Когда я поделился с отцом желанием уйти в служители Солуса, он рассказал мне, что духовенство Ригиторума на самом деле состоит из трех ветвей. Сам Темплум Луцис занимается проведением обрядов и молитвами, его жрецы проводят миссионерство за дальними рубежами Ригиторума, и в целом являются опорой королевской религии. Орден Луцис — отдельная группа, куда более военизированная. Ее адепты проводят изнурительные тренировки, упражняются во владении холодным оружием и подавлении непокорной магии. Главная задача членов ордена — следить за чистотой веры. Искоренять инакомыслящих глупцов, которые проповедуют выдуманные истины о ложных богах, а также бороться с отступными колдунами и сектантами. Все эти еретики любой ценой пытались заполучить власть над умами простого люда, и король Десмос, равно как и верховный служитель Солуса, благословил убийство нечестивцев и полное уничтожение любых упоминаний о запретных культах.

Наконец, речь зашла о Матернитас Луцис — специальной организации, в которую входили все женщины, что служат Солусу. Каждая мать ордена с тех самых пор, как становилась пригодной к деторождению, и до самого конца этого периода, была обязаны либо вынашивать, либо вскармливать дитя. Производство новых адептов служителей Солуса не прекращалось ни на день. Всех мальчиков, переживших полное болезней детство, в зависимости от их личных качеств и успехов в обучении распределяли между орденом и Темплумом Луцис. Девочки были обречены оставаться среди Матернитас, чтобы продолжать нелегкое дело своих родительниц.

Вот и выходит, что попасть в ряды Темплума или ордена Луцис было решительно невозможно. Жрецы Солуса не нуждались в свежей крови со стороны — им хватало собственных отпрысков, которые с лихвой перекрывали потребности распорядителей в готовых к служению новичках. Глядя на себя сейчас, я не мог не задуматься, как сложилась бы моя судьба, окажись я среди священников. Сытое, безбедное существование, помощь ближним и вера в то, что завтрашний день будет только лучше.

А что сейчас? Жалкий стареющий контрабандист без семьи, детей и любых других привязанностей. Без гроша за душой, без собственного дома — лишь погоня за звонкой монетой через сплошную полосу препятствий и преград. Зачем, для чего? Чтобы очередные мятежники вновь попытались свергнуть власть Ригиторума, но неизбежно потерпели крах? Можно сказать, что в какой-то степени я сам был виноват в гибели сотен и тысяч людей. Этими самыми руками я продавал им оружие и порох, ласково называемый “сахаром”. Я давал этим глупцам средство к осуществлению заведомо обреченных планов, чем напрямую вел их к гибели. Ясное дело, что я лично не заставляю бедняков идти на погромы и сражаться против королевских войск. Но не будь у них возможности вооружиться, кто знает, скольким из них удалось бы прожить под этими небесами еще хоть несколько лет?

Тьфу, черт! Ненавижу такие моменты, когда от легкого подпития сознание уносится в неведомые дали. Нужно срочно накатить, да побольше, чтобы миновать “грустную” стадию опьянения и сразу же переметнуться в “веселую”. А ну расступись, честной народ, я иду кутить! После размышлений о никчемности жизни, что еще мне остается, как не заливать шары в местных объедаловках?

Кстати, о жрецах — посередине просторной Лайтвурской улицы мне навстречу двинулась процессия молчаливых мужчин в бело-золотых облачениях. Прохожие расступались перед шествием, прикладывая правый кулак к груди — отдавали почести

Солусу. Последователи Темплум Луцис смиренно принимали знаки уважения, однако шага не сбавляли.

Подобные вечерние освящения городов давно стали традицией по всему Ригиторуму. Жрецы несли в руках ярко пылающие лексианты, которые вбирали в себя лучи солнца, а по ночам возвращали энергию светила. Мягкое сияние этих фонарей со священным камнем внутри, вкупе с еле слышным молитвенным речитативом, должно было очистить жителей королевства от тревог и тоски, придать сил для свершения новых деяний, угодных Солусу.

Оставив процессию за спиной, я поднялся по живописной каменной лесенке на площадь, заключенную в объятия массивных каменных строений. На первом этаже одного из них я увидел то, что так отчаянно искал — достойную таверну, в которой можно было пропустить пару кружек крепкого эля. Бросив взгляд на гигантские башенные часы, возвышавшиеся над площадью, я молча кивнул и стремительно ворвался в распахнутые двери “Свежее пиво. Сегодня и всегда”.

Приглушенный свет от камина с трудом пробивался через густую тьму, царившую в небольшом зале. Длинная дубовая стойка с десятками высоких табуретов тянулась через весь зал, однако я не увидел ни одного свободного места. Потолкавшись в очереди к разливалу, я взял себе напиток и аккуратно пристроился в дальнем от камина углу, за крохотным столиком, приколотенным прямо к стене. К счастью, нашелся и небольшой стульчик. Усевшись на грубой доске, я позволил себе расслабить ноги, забросив их на чей-то вещевой мешок, небрежно валявшийся неподалеку. Красота!

Потихоньку потягивая кисловатый эль, я внимательно обшаривал наполненный разномастной толпой зал “Свежего пива”. Конечно, кружка пенного в руке это уже хорошо, но для полноты ощущений от вечера мне еще нужно было раздобыть порцию женской ласки. Не хотелось отправляться на какое-то плоскогорье, после которого придется долго и нудно гнать караван обратно в Минакс, так и не найдя подходящую девчонку.

Как назло, именно в этот вечер, именно в этой пивнухе огромная толпа потных мужиков решила начать шумное празднование. Сдвинули столы, освободили пространство для танцев и плясок, и грянула музыка. Брага текла рекой, а пьяные крики разбушевавшихся рабочих запросто могли разогнать целую ораву медведей. Боюсь, теперь в “Свежем пиве” мне ловить нечего — ни одна барышня в поисках легкого заработка не будет околачиваться рядом с настолько разгоряченным сбродом — чревата проблемами. Да и у меня у самого голова разболится, если останусь тут подольше. Не терплю слишком громких гулянок.

С сожалением выдохнув, я уже собирался опорожнить кружку одним последним глотком, как вдруг рядом со мной оказался тщедушный мужичок в потрепанной шапчонке и дрянном пальто. Бледное лицо, бегающие глазки, тонкие губы и длинный крючковатый нос. Пахло от немолодого гостя соответствующе.

— Не занято? — проямлил мужик, однако так и не дождался ответа и плюхнулся на принесенный с собой табурет.

— Тебе чего, дядя? — раздраженно ответил я, сложив руки на груди. Да, я собирался уходить, но наглость мужика буквально приковала меня к месту. Хоть лопну, а за столик его не пушу! — Гуляй отсюда!

— Кого-то ждешь? — весело подмигнул он мне и присосался к своей кружке.

— Не твое дело, фуфлыга! Сказано тебе — занято, значит, вали к едреной бабуш…

Договорить мне не дали. Чьи-то крепкие руки стальной хваткой сдавили мне горло, так что я подавился ругательством, выдав лишь неразборчивый хрип. Душили меня умело —

неизвестный грамотно сложил руки в замок, поэтому беглое ощупывание и попытки освободиться ни к чему не привели. В глазах начало темнеть, легкие горели огнем, требуя хоть глоточек воздуха. Я несколько раз взбрыкнул ногами, надеясь опрокинуть стул и повалить засранца, однако он держал меня крепко, прижимая мою задницу к стулу, отчего подошвы сапог лишь бессильно скользили по полу. Когда я уже всерьез был готов попрощаться с жизнью, ублюдок смилостивился.

Руки исчезли.

Получив возможность дышать, я тут же набрал полную грудь воздуха, после чего сильно закашлялся. Слюни и слизь брызнули из носа и рта, испачкав мне лицо. Сидевший напротив мужичок услужливо протянул мне чистый носовой платок.

— Ну? — серьезным голосом спросил он. — Еще будешь ругаться?

— Как-то уже не хочется, — прошипел я, вытирая лицо и забрызганную столешницу. В это время я внимательно наблюдал за собеседником, в облике которого произошли разительные перемены. Из опустившегося забулдыги он словно по волшебству превратился в собранного и холодного профессионала, в глазах которого читался лишь холодный расчет. — Скажи лучше, чего тебе надо? И пусть собачонка твоя выйдет на свет, — кивнул я в сторону темного угла позади, откуда появился внезапный душитель.

— Руби будет стоять там, где я хочу, — покачал головой собеседник. — Итак, тебя зовут Пакмут Боуен. Промышлял в Рочестине, а затем связался с Питом Харманом. Теперь везешь груз местному смутьяну и зачинщику восстаний по имени Гильберт. Ничего не упустил?

— Что за бред? — искренне удивился я, вскинув брови и откинувшись на спинку стула. — Слушай, мужик, я не знаю, о чем вы говорите вообще. И ни о каком Хартене в жизни не слышал! Ясно? — поднял я руки ладонями вперед. — Меня зовут Вальди, сын Роланда, я обычный рабочий.

— Вот как? И где же ты работаешь, Вальди? В Крэнстауне?

— Ну да, в Крэнстауне. На мануфактуре Милиции Арма, той, что на севере.

Черт! Я не бывал в родном городе с двенадцати лет, но вряд ли крупнейший производитель вооружения для королевской армии мог закрыть здесь свое отделение. Быть может, еще удастся соскочить...

— А живешь здесь, в верхнем Лайтвуре? — гаденько усмехнулся мужчина.

— Да куда там! — в притворном ужасе округлил я глаза, после чего перешел на доверительный шепот: — Вы знаете, какие тут цены на квартирки? Любой горожанин хотел бы жить в тени Берсианского! Будь я хоть главой цеха покраски, а не простым трудягой, — жалобно протянул я, после чего глубоко вздохнул. — В общем, я точно не тот, кто вам нужен, друзья. Наверняка обознались. Давайте я допью свой эль и пойду домой...

— Неплохо, Пакмут, неплохо, — кивнул мужчина, несколько раз беззвучно сведя ладони вместе. — Когда мы с тобой закончим, обязательно попробуй себя в среде уличных трубадуров. Всяко безопаснее, чем твоя нынешняя работа. Да и денег наверняка поднимешь, с твоим-то талантом.

— Что вы себе позволяете?! — вскинулся я, но крепкая ладонь Руби пригвоздила меня обратно к стулу.

— Хватит. Хорошую легенду ты сочинил, Боуен, даже интересно послушать. Но у меня нет времени сидеть тут с тобой целый день. Где остальной караван?

— Да какой караван?! Что ж вы, люди, делаете, а? Честного работягу, да...

— Захлопни пасть, — твердо проговорил мужчина напротив, в то время как Руби

приставил мне к спине острый стилет. — Хоть одно слово до того, как я позволю тебе говорить, и твое тело скормят свиньям. Не думай, что ты наша единственная зацепка. Не пытайся набивать цену. С тобой мы потратим меньше усилий, и нас это целиком устраивает. Радуйся, что Руби не заколол тебя в мясницких кварталах, хотя руки у него так и чесались, — хихикнул собеседник и отхлебнул крепкого пива. — Но я настоял на том, чтобы мы сперва поговорили. Если от тебя будет толк — отправим тебя обратно в Рочестин, или Минакс, там видно будет. Впрочем, до этого нам предстоит повернуть одно дельце, и я крайне рассчитываю на сотрудничество с твоей стороны. Ты как, согласен?

Я молча кивнул.

— Вот и хорошо. Думаю, ты и сам в курсе, какой здоровенной занозой стал Гильберт. Десмосу не по душе, что рядом с главной военной кузницей королевства неспокойно. Он отправил нас разобраться с этой проблемой, и приказ предельно ясен: Гильберта необходимо убрать. Вилли мы уже взяли, но жирный ублюдок помер от разрыва сердца, как только увидел моих людей. Информации о том, где искать смутьяна, в его халупе не нашлось. Остаетесь только вы, контрабандисты. Так что, Пакмут? Где мне искать изменника короны?

Памятуя о приказе, я до боли в челюстях сжимал зубы и не произнес ни звука.

— Можешь ответить, — раздраженно добавил мужчина.

— Я не знаю, где Гильберт. Осведомитель оставил нам карту, но...

— Давай сюда, — протянул он руку.

— Не могу, она осталась у Хармана. Да и не карта это вовсе, скорее указания, как добраться до места встречи. Ну вроде как в поиске сокровищ, слышали о такой игре?

— Допустим. Когда назначена встреча?

— Выдвигаемся на рассвете, так что на следующий день должны быть на месте.

— Я тебя понял. Значит, слушай сюда. Руби отправится с тобой, вместе с караваном. Скажешь своим дружкам, что это твой личный помощник.

— Какой у меня, к черту, личный помощник? Массажист, чтоль?

— Да пусть хоть прыщи тебе на заднице давит, мне все равно. Придумаете что-нибудь. Главное, чтобы Руби был в составе каравана. Увидел людей, которые будут на встрече, дал наводки ищейкам. Задача ясна?

— Яснее некуда, — буркнул я, опасливо оглядываясь через плечо. — Меня твой Руби не удавит во сне?

— А на кой черт ты ему сдался? — пожал плечами мужчина. — Не ссы, Пакля. Делай, что тебе говорят, и все кончится как нельзя лучше. Все понял?

— Понял. Я понял, что вы корчите тут из себя бог весть что, но вряд ли у вас двоих есть реальная власть. Хотите примазаться к нашему “сахару”, а? — широко улыбнулся я. — А что, если я выйду отсюда и тут же отправлюсь к начальнику Лайтвурского отделения стражи?

Мужчина ничего не ответил. Вместо этого он бросил на стол блестящий жетон. На кругляшке из серебра размером с крупную монету была сделана особая инкрустация: бриллианты складывались в форму короны с крупным рубином в центре, а под ней скрещивались два коротких изумрудных клинка.

Знак рекситоров.

Такая “побрякушка” стоила баснословных денег. Ни один человек в здравом уме не оставил бы у себя их медальон. Слишком опасно хранить при себе нечто настолько ценное. Если жизнь в обществе контрабандистов чему-то меня и научила, так это тому, что когда

плешивый мужичок в дрянном пальто показывает тебе знак рекситоров — значит, он на самом деле один из них.

Иначе и быть не может.

Улыбка на моем лице пропала, как робкий огонек свечи, задутый резким порывом ветра.

— Еще вопросы?

— Никак нет, — по-военному отрапортовал я, разве что честь не отдал. Мне и раньше не хотелось спорить с этими ребятами, но теперь любые попытки к сопротивлению не имели никакого смысла. Рекситоры обладали беспрекословной властью, и ни городская стража, ни королевская армия не могли им препятствовать. Крепко же я влип! Вот и повеселился с девчонкой перед делом, б...

— Тогда чего расселся? Вперед, Пакмут. Родина тебя не забудет!

Руби больно ткнул меня под ребро, и мне пришлось подняться из-за стола. Допив вызвавший лишь тошноту эль, я громко стукнул кружкой. Бросил последний взгляд на мужичка-командира, который уже совершенно потерял ко мне интерес, а затем направился к выходу, с трудом отыскав путь в толпе шумных выпивох.

Молчаливая собачонка-рекситор не отставала от меня ни на шаг.

Ханнар Вирс

Порывистый ветер трепал скудную траву и лишайники. Последние густо облепили массивные валуны, разбросанные по всей лесотундре за северным рубежом. По времени солнце уже должно было взойти на небосвод, однако низкие свинцовые тучи не давали его лучам пробиться к земле. Царивший вокруг полумрак пробуждал какой-то древний, первобытный страх перед неизвестностью. Встряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, я сосредоточился на том, что я солдат королевской армии.

Солус защитит.

Очнувшись от своих мыслей, я будто бы спросонья посмотрел по сторонам. Мой взгляд встречали другие бойцы регулярного формирования. Каждый из них по-разному относился к ситуации: кто-то безучастно пялился в пустоту, кто-то бормотал проклятия и злобно шурился. Несколько парней из западного Грунгора, местности, известной своими диковатыми обрядами и суевериями, собрались в кружок и растирали в руках благовония. Шепот на их чуждом наречии вместе с ароматом незнакомых мне трав вызывал странный эффект, будто слегка дремлешь наяву. Быть может, именно из-за них я и впал в уныние, которое раньше никогда не терзало меня перед боем.

Давур, сидевший в паре метров от меня, ковырялся в зубах коротким ножом. Он то и дело проверял пальцем, все ли вычистил, и громко причмокивал.

— Ты задолбал уже, Дава, — неприязненно выпятил губу Леандр. Хороший солдат, однако чересчур чистоплотный для бойца регулярной армии. — Дай посидеть спокойно!

— Я тебе чем-то мешаю? — удивился молодой парень, на секунду прекратив свои манипуляции.

— Еще как! Чавкаешь тут, скребешься. Сколько можно?

— Ну, извини, — хмыкнул Дава и продолжил ковырять острием кинжала где-то за клыком. — Я что, виноват, что у меня зубы стоят далеко друг от друга?

— Мозги у тебя далеко стоят, осел, — сплюнул Леандр.

Я довольно хихикнул. Легкие словесные перепалки перед боем — хороший знак. Чтобы немного взбодриться, я оперся на каменный столп, вокруг которых расположился наш отряд, и встал на ноги. Затеckшие колени громко хрустнули.

— Куда намылился, Ханнар? Ты нам всю маскировку попортишь, старик, — весело усмехнулся Дава. Новобранец не отслужил в войсках и одного года, однако чувство юмора и легкий характер быстро сделали его душой полка.

— Ну тебя, — вяло отмахнулся я и пошел к окраине временной стоянки. — Дай хоть ноги размять.

— Понимаю. Суставы-то уже не те, что прежде, — сочувственно вздохнул семнадцатилетний пацан. Барли и Ноланд прыснули.

Шутка про то, что старику Ханнару давно пора на пенсию, порядком затянулась. Да, мне уже не двадцать, как большинству бойцов в Восьмом. Ну и что? Это лишь означает, что я в свои тридцать семь прослужил Десмосу Семнадцатому в несколько раз больше, чем кто либо другой в отряде! Однако вместо уважения к старшему товарищу, можно сказать, ветерану Единения, я слышу только дурацкие остроты про теплое молоко, хрустящие суставы

и мою любимую подушку под шею. Да, мне по душе удобства, не желторотый ведь юнец! Считаю, что заслужил. А без подушки этой с утра головы не повернуть, особенно после той травмы в Мальтере...

Тьфу!

Опять чертов оболтус заставил меня исходить на желчь. Надо спокойнее к этому относиться. Уверен, он не со зла. Просто хочет выпустить напряжение, расслабить нервы. Нам предстоит тяжелая битва, от которой многое зависит. Но что еще важнее — жизнь солдата хрупка. Она может с легкостью оборваться даже в незначительной пограничной стычке. Именно поэтому нужно обязательно давать волю воображению, позволять себе отвлечься на что-то приземленное и простое. Иначе этот спазм в сознании, это сковывающее чувство страха сделает так, что тело подведет тебя в самый ответственный момент. И здравствуй, похоронное письмо матери, да деревянная коробка, в которой тебя сожгут во славу Солуса.

Пусть лучше посмеются, черти. Мне не убудет.

Тем временем ноги привели меня к восточной границе лагеря. Сосредоточенные бойцы сидели плотными группками в ложбинах между валунов, прячась от ветра и рассказывая друг другу солдатские байки. Сразу за крайним столпом начинался высокий, метра в три, уступ, откуда город эрветов виднелся как на ладони. Дикари этих северных племен ни в какую не шли на контакт. Все попытки Ригиторума отправить к ним послов для мирных переговоров оканчивались тем, что верные подданные короля были найдены распятыми на деревьях. Без кожи и с отрезанными гениталиями.

Лорду-командиру Таннеру ничего не оставалось, кроме как развернуть против агрессивных эрветов полномасштабную военную кампанию. Десмос XVII ратовал за мир во всем мире и безопасность жизни каждого человека, кто проживает на территории Ригиторума. Это означало, что дикари, которые совершают набеги на пограничные земли и отказываются входить в состав королевства, сами подписали себе смертный приговор.

Прошло уже два года, как армии Таннера, при поддержке графов и баронов северо-восточных феодалов королевства, проводили зачистку лесотундры. Дикари избегали открытых столкновений, предпочитая партизанскую войну, засады и диверсии. Мы шарили по необъятным просторам северного зарубежья в поисках мест их обитания, но удача все никак не поворачивалась к нам приятным местом. Наконец, разведчики лорда Герберта, командующего полками регулярной армии с пятого по десятый, случайно набрали на гнездо. Так они окрестили первый найденный нами рассадник эрветской заразы, этих проклятых вездесущих аборигенов, которые всеми силами пытались запутать следы и отвести нас от родного города.

Однако Солус навел нас на истинный путь, и вот гнездо лежит перед нами. Гигантское поселение, которое состояло из сотен и тысяч ровных рядков убогих лачуг. Они убежали далеко за пределы видимого горизонта и вмещали в себя невесть сколько дикарей.

Но сколько бы их ни было, я точно знал, что королевская армия при поддержке графских отрядов с легкостью раздавит эрветов в честном бою. Нам нужен был лишь шанс навязать сражение на наших условиях.

Вот он, этот шанс. Раскинулся прямо у наших ног. Нужно было лишь наклониться и взять его.

По правую руку от стоянки Восьмого расположились Хищники Ангрета — элитный полк барона Ангрета, хозяина Сминского феодала. Этот грязно богатый, невероятно

влиятельный барон мог позволить себе содержать идеально вымуштрованных бойцов, которые ежедневно и еженощно тренировались во владении своим необычным оружием — трезубцами на длинном древке, чьи лезвия загибались вовнутрь, как когти. Хищники бились в смешанном строю, где ряд щитовиков сдерживал натиск врага, в то время как мастера трезубца вносили опустошение в отрядах противника, орудуя своими устрашающими орудиями поверх голов первой линии.

Пара дозорных, одетых в крепкие металлические доспехи поверх кольчуг, кутались в темно-зеленые плащи, под цвет густых Сминских лесов. Один из Хищников приветливо махнул мне рукой, и я с удовольствием ответил ему на приветствие.

Дело в том, что многие графские полки считают себя самой настоящей элитой, а потому относятся к бойцам регулярной армии хуже, чем к грязи у себя под ногами. Мол, мы достойны быть лишь смазкой для их клинков. Наша задача — пасть смертью храбрых, чтобы пробить брешь в обороне врага, куда победоносно войдут Варнийские Рубилы или Щиты Короля.

И только по-настоящему мудрые солдаты понимают, что поле боя уравнивает всех. Будь ты хоть трижды сын барона, или властитель всех земель от Минакса до восточного рубежа, в сражении тебя запросто может найти арбалетный болт или вражеское колдовство. Старушка смерть свое возьмет, и лучше не испытывать капризную судьбу, мешая простых солдат с дерьмом. А то ведь и среди них хватает мстительных ребят, кто не упустит возможность всадить клинок союзному гвардейцу. Поди потом докажи хоть что-нибудь в горячке боя!

В этот момент по моим ушам ударил громкий звук. Я сперва не понял, что произошло, и ошалело посмотрел в сторону гнезда.

С западной стороны деревянного частокола появился большой столб пламени, который разметал хлипкие укрепления и приземистые домики эрветов. Не успел огонь от первого взрыва опасть, как тут же появились еще две вспышки — слева и справа от места прорыва. С небольшим запозданием раздался сдвоенный грохот разрядов.

— Восьмой полк регулярной армии! В боевое построение становись! — услышал я надрывный крик командира. Сэр Линфорт выглядел ошарашенным, однако голос его оставался таким же крепким, как и всегда. Со стороны Хищников послышались похожие приказы — все полки, окружавшие гнездо, пришли в движение.

Я поспешил занять свое место в строю. Оказавшись в левой части третьей линии между Давуром и Барли, я крепче ухватился за рукоять одноручного меча. Мы стали ждать, когда в центре полка окажутся боевые колдуны из Школы Инкантации. Заспанные волшебники Экцизес как всегда опоздали, и теперь лениво разбредались по позициям.

— И кто мне объяснит, какого черта мы атакуем сейчас? — шепнул из четвертой линии Ноланд, стоявший прямо за моей спиной.

— Почему нет? — пожал плечами Давур. — Мы могли сделать это еще вчера. Неужели вы считаете, что эрветы смогут дать нам отпор?

— Тогда на кой черт мы провели всю ночь без сна, ожидая рыцарей? — не унимался Ноланд. — Если лорд-командир Таннер посчитал, что нам нужно подкрепление Башен, зачем мы идем в атаку без них?

— Тебе какое дело? — шикнул Барли справа от меня. — Быстрее начнем — быстрее закончим! А придут эти топотуны зассатые или нет, меня вообще не колышет.

— Кончайте, парни, — прошептал я, глядя на Линфорта, который встал перед строем с высоко поднятым мечом.

— Бойцы Восьмого полка! Наши войска вступили в схватку с противником, который долгие годы терроризировал простых граждан Ригиторума! Мы накажем этих проклятых дикарей и принесем мир родному королевству! За мной, солдаты! В бой!

— На штурм! — в унисон прорычали сотни глоток, и Восьмой сорвался с места, трусцой двигаясь к южной границе гнезда.

— Ух, сейчас пойдет потеха! — в предвкушении проговорил Давур, хищно скалясь на бегу. Я покосился на него, но вскоре вспомнил самого себя в начале военной службы. Да, раньше и меня накрывала жажда крови, и я готов был нестись вперед и рвать врагов короля голыми руками.

С опытом начинаешь сильнее ценить собственную жизнь. Да и внутренний огонь, что раньше придавал сил, быстро затухает. Теперь я думал лишь о том, что нужно выдержать строй, вовремя отбить удар неприятеля, лишь бы пережить этот треклятый день.

Чем ближе мы подходили к высокому частоколу эрветов, тем мягче становилась земля. Вскоре сапоги начали проскальзывать в толстой жиже, которая скапливалась в естественном углублении, образовавшемся от тяжести вражеских укреплений. Передние линии Восьмого полка крепко увязли в грязи, однако разгоряченные началом схватки бойцы не могли стерпеть промедления. Они чуть ли не ногами пинали собственных сослуживцев лишь для того, чтобы самим занять их место в топкой слякоти.

— Чего встали, доходяги?!

— Вперед, вперед! Не медлите!

— Да тут болото самое настоящее, идиоты! — надрывался из первой линии Хелькаст, мой земляк. Его семья жила в той же деревне к востоку от Гецборга, что и мои родители.

— Эй, а ну-ка заткнулись! Смотрите туда!

Когда наша атака захлебнулась, над деревянной стеной выросла целая шеренга эрветов. Решительные воины вовсе не были похожи на испуганных остолопов, которых застали врасплох. Складывалось ощущение, что жители тундры прекрасно знали о готовящемся вторжении, и теперь спокойно приводили в исполнение собственный план.

— Щиты вверх! — заорал Линфорт, срывая голос до хрипоты. Солдаты поспешили исполнить приказ, однако в смешавшемся строю не всем удалось надежно прикрыться от вражеского огня.

Стрелы, на которых вместо оперения использовалась шерсть местных животных, туго хлестнули передние ряды Восьмого полка. Из ран несчастных резво побежали струйки крови, которые быстро примешались к жидкой слякоти под ногами.

— Откуда они здесь?!

— Ублюдки знали, что мы придем! Они все знали! — верещал боец в десяти корпусах от меня.

— Заткните паникера! — рявкнул я раздраженно, как вдруг сосед справа крепко толкнул меня в плечо.

Повернувшись, я увидел Барли. Он зарычал, как разбуженный посреди зимы медведь-шатун, когда камень из эрветской пращи стукнул солдата прямо в лоб. Хотя снаряд и прошел по касательной, его острые грани содрали с лица воина внушительный лоскут кожи. Барли прижал открытую рану и глухо бранился, пока по щекам его бежали кровавые ручейки.

Отважный боец будто плакал красными слезами.

Я поднял прямоугольный щит пехотинца повыше и беззвучно шевелил губами, моля Солуса о защите. Несколько камней и пара стрел вонзились в дерево, однако им не удалось

пробить его насквозь.

— Цельсь! Пли!

Слева от меня раздался оглушительный грохот — то стрелки Восьмого полка наконец наладили свои аркебузы и совершили ответный залп. Их мощные ружья, установленные на подставки для стоячей стрельбы, изрыгнули яркие клубы огня.

Пламя без труда разогнало предрассветную тьму. В ослепительных вспышках поочередных выстрелов я видел, как свинцовые пули выбивают эрветов из шеренги. Пробитые крупными снарядами тела падали по ту сторону частокола, порой увлекая за собой соседей.

— Так их, гадов!

— Стреляйте, молодчики! Стреляйте, родимые!

Осознав, какую угрозу составляют аркебузиры, лучники и пращники противника сосредоточили огонь на них, однако в этот момент раздался мощнейший взрыв — будто под стеной эрветов проснулся вулкан. Осколки деревянных укреплений, большие комья земли и крупные камни разлетелись на несколько метров окрест. Звуковая волна ударила и по моим барабанным перепонкам, а ярчайший столб пламени, выросший из-под земли, чуть не лишил меня зрения.

— Не останавливаться! Вперед, вперед! — отчаянно рубил перед собой воздух Линфорт, подгоняя бойцов к образовавшейся брешу.

Что ни говори, как ни относишься к этим зазнайкам, однако даже я признаю: маги Школы Инкантации не зря едят свой усиленный паек. За короткое время разобраться в ситуации и снести столь могучую преграду в считанные секунды дорогого стоит! Простым пехотинцам пришлось бы вырыть под ней подкоп, заложить взрывчатку, подвести запал. Так еще и все это под колючим дождем из стрел. Сейчас же всю работу сделали боевые заклинатели, и пехоте Восьмого полка оставалось только воспользоваться полученным преимуществом.

Большая часть лучников погибла от взрыва, но на уцелевших участках стены по бокам от брешу еще оставались стрелки. С полнейшим безразличием к собственным жизням они продолжали обстреливать наши ряды, невзирая на огонь аркебуз.

— Вот долбят, черти! — крикнул Давур, поймав еще одну стрелу в изрядно потяжелевший щит. — Все равно всех перебьем!

— Это верно! Вперед, вперед! — поторапливал нас Ноланд.

Продравшись через топкую грязь, первые линии Восьмого начали собираться в колонну с Линфортом во главе. Забыв о вражеских стрелах, которые густо усыпали землю прямо у его ног, командир отважно повел людей за собой, в еще пылающий проем в укреплениях эрветов.

— За Ригиторум! — крикнул командир, после чего таки поймал выстрел грудью.

— За Десмоса! — заорали солдаты, которые резво понеслись через раскаленный воздух. Краем глаза я заметил, как пара войсковых лекарей оттащили Линфорта в тыл. Впрочем, офицер отчаянно сопротивлялся, намереваясь продолжить сражение.

Мы с Давуром и Барли не отставали от сослуживцев, и вскоре тоже оказались внутри поселения. Ровные ряды лачуг, убежавшие до горизонта, казались заброшенными. Внутри не было ни жителей, ни мебели — лишь голые остовы с небрежно накинутыми на них шкурами. Центральная улица, которая вела вглубь городища, оказалась довольно просторной — по крайней мере, Восьмой полк мог разместиться на ней в виде колонны шириной в десять человек.

Первые шеренги Восьмого молниеносно растоптали жалкое сопротивление, которое попытались оказать эрветы. Тела нескольких десятков аборигенов были втоптаны в грязь, после чего солдаты, не найдя врагов, остановились для перегруппировки.

— Когда-нибудь видели такое? — показал в сторону хижин Ноланд. — Неужели тут кто-то живет?

— Твою мать, Барли! — глаза Давура полезли на лоб, когда он увидел залитое кровью лицо сослуживца. — Ты как, живой вообще?

— Более-менее, — ответил боец, оттирая глаза.

— Это как тебя угораздило?

— Камень задел, — ответил я, помогая другу намочить тряпку. — Мимо пролетел вроде как, но подрал знатно.

— Меня теперь родная мать не узнает, — причитал Барли, нетвердой рукой ощупывая повисший на лбу кожный лоскут.

— Ты бы не трогал его, а? Пусть лекари пришьют на место!

— Верно, Барли. Может, выйдешь из строя?

— Ну уж нет, — мрачно усмехнулся солдат. — Эти сукины дети мне за все заплатят!

Тем временем первый сотник Кармайн, взявший на себя командование полком после ранения Линфорта, вышел перед строем и повернулся к бойцам. За спиной офицера то и дело возникали красные вспышки и раздавался шум ожесточенного сражения.

— Солдаты! Слышите это? Нашим братьям в центре городища нужна помощь! По приказу командира Герберта, мы продолжим штурм эрветского поселения и истребим эту заразу раз и навсегда! Вперед! Марш!

Солдаты отсалютовали сотнику и в ногу пошли вверх по улице, в сторону единственного высокого сооружения во всем городище. Отсюда здание было похожее на какой-то религиозный храм, выполненный в форме приземистой башни с пятью округлыми навершиями. Аркебузиры полка тем временем вскарабкались на уцелевшую часть деревянной стены, чтобы прикрыть пехоту сверху. Благо, их вооружение позволяло вести прицельный огонь на довольно большом расстоянии.

— Эй, Ноланд? — шепнул я товарищу, не ослабляя при этом бдительности.

— Чего?

— Что ты там говорил насчет того, что... Ну, действительно ли здесь кто-то живет?

— А. Так ты сам посмотри, — пожал он плечами и кивнул на ветхие лачуги. — Это разве похоже на обитаемые дома?

— Не особо, если честно, — покачал я головой.

— Вот именно. Где мебель? Понятное дело, дикари они и есть дикари. Но должны ведь они где-то спать? Где-то сидеть? Готовить и жрать, в конце концов? Домики эти абсолютно пусты, ни в одном еще не увидел следов присутствия человека.

— Да и планировка самого городка странная донельзя, — поддакнул Давур. — Не похоже, что поселение развивалось годами. Больше похоже на военный лагерь какой-то, — буркнул солдат.

— Точно, — кивнул Ноланд. — Его будто построили военные. Ровные линии, одинаковые бараки. Ни места для базара, ни стойл для скота. Военный лагерь или... Солус меня побери! — вскрикнул парень.

— Чего орешь?! — чуть не подпрыгнул я от неожиданности.

— Это не поселение! Это место построили специально!

— Чтобы жить в нем? Ну, удивил, — хмыкнул Леандр, который шел спереди и слева от нас.

— Нет же! Эрветы построили этот гигантский город только для того, чтобы заманить войска Ригиторума внутрь! Нужно сказать сэру Кармайну!..

Однако в этот момент произошло то, что окончательно подтвердило догадку Давура. Из всех наспех сколоченных лачуг вдоль вытянувшегося змейкой Восьмого полка появились воины эрветов. Дикари в накидках из шкур были вооружены топорами, булавами и даже челюстями местных хищников.

Умело наточенная кость могла резать не хуже металлического лезвия.

Стремительный натиск противника сопровождался первобытными воплями и улюлюканьем. Безумцы, в чьих глазах горел огонь дурмана, набросились на людей королевства как хищник на беззащитную жертву. Кровь щедро полилась на грязную улицу искусственного города. Солнце наконец взошло, и его сияющие лучи осветили жуткую картину смерти.

— Мерзкие твари! — заорал Давур, бросившись в атаку на выскочивших из ближайшего домика эрветов. Смуглые бойцы, ростом чуть выше среднего жителя королевства, с готовностью вступили в схватку. Они с легкостью обвели молодого бойца вокруг пальца и опрокинули наземь.

Я поспешил на выручку и прыгнул вперед, широко махнув перед собой мечом. Оба дикаря с немислимой прытью увернулись от удара, однако им пришлось оставить Давура в покое. Воспользовавшись моментом, молодой боец перекатился поближе ко мне и быстро встал на ноги.

— Спасибо, Ханнар.

— Сочтемся, — процедил я сквозь зубы, не выпуская противника из виду. Справа и слева от нас творился настоящий хаос, дикари собирали кровавую жатву, пробираясь в самый центр строя.

Однако наш фланг еще держался.

— Вперед, вперед! — заорал вдруг Барли и ринулся на противников. На его перекошенном от ярости лице сверкала яркая улыбка, будто он только о том и мечтал, чтобы храбро погибнуть в неравном бою.

— Не отставайте от него! — толкнул меня в спину Ноланд. — В атаку!

— В атаку!!! — надрывался Кармайн из центра строя. Офицер понимал, в каком ужасном положении мы оказались, но другого выхода не было. Мы должны были дать бой эрветам, иначе они просто вырежут нас всех до единого.

Насколько я знаю, дикари никогда не брали пленных.

Воодушевившись поступком Барли, бойцы Восьмого ринулись на врага, выставив вперед щиты. Я не отставал от товарищей и тоже побежал вперед, хотя и не поддавался боевому безумию — лишь холодная голова и трезвый рассудок могли сохранить мне жизнь. Я не отводил глаз от топора противника, и в тот момент, когда ближайший ко мне эрвет прыгнул вперед и замахнулся, я был готов.

Подняв щит над головой, я жестко блокировал удар, даже не попытавшись отвести его в сторону. Плечо отозвалось острой болью, однако щит выдержал. Дикарь будто натолкнулся на каменную стену и отдернул руку назад, оставив грудь незащищенной.

Этим я и воспользовался, выбросив клинок вперед. Острие меча с легкостью нашло дорожку между ребер человека и выскочило у него из спины. Эрвет заорал как бешеный и

дернулся в сторону, лишь расширив рану.

Я выпрямился и рванул меч на себя и вниз, распоров врагу брюхо. Содержимое разрезанных кишок растеклось у дикаря по ногам, а он, не прекращая верещать, медленно осел на спину.

Впрочем, у меня не было времени добить крикуна — другие эрветы продолжали насаждать, без остановки нанося удары по щитам моих товарищей. Поднырнув под руку очередного противника, я заколол его в бок, метя в сторону сердца. Клинок достиг цели, и разъяренный дикарь мигом потух, словно задутая свеча. Вырвав меч из уже мертвого тела, я бросился на помощь Барли, который рубился сразу с тремя дикарями и уже начал сдавать позиции.

Прыгнув в центр схватки, я ошеломил группку эрветов и отвлек внимание двух из них на себя. Барли у меня за спиной без труда зарезал своего противника, пока я обменивался ударами с рослым бойцом и еще одним воителем, который на поверку оказался женщиной. Впрочем, появление девушки в рядах дикарей меня не удивило. Я знал, что местные не остановятся ни перед чем, и скорее заставят собственных женщин воевать с ними на равных, чем признают поражение и сложат оружие перед мощью Ригиторума. Сами виноваты!

Я отбил очередной удар заточенной кости с помощью щита и изо всех сил пнул женщину в колено. Дикарка вскрикнула и припала к земле, где Барли ее и заколол одним отточенным движением, как свинью. Никаких колебаний — или она, или мы.

На его месте я бы тоже предпочел второе.

В ожесточенной схватке было сложно разобрать, где свои, где чужие, и насколько плохо у Восьмого идут дела. Где-то на задворках сознания я понимал, что полк до сих пор не смяли исключительно благодаря поддержке аркебузирова, которые заняли выгодное положение наверху. Гром их выстрелов то и дело бил по ушам, и я знал, что от каждого слаженного залпа наших стрелков несколько десятков эрветов падают замертво. Вот и сейчас голова стоявшего передо мной противника лопнула, как арбуз, забрызгав все вокруг густой кровью вперемешку с мозгами. Я вовремя зажмурился и отвел глаза, однако острый осколок черепа все равно резанул меня по щеке.

Впрочем, я получил долгожданную передышку, и посмотрел направо, за спины своих сослуживцев.

В дальних рядах врага я увидел безоружных дикарей, с ног до головы увешанных птичьими перьями и самодельными оберегами. Их лица были испещрены целой сетью шрамов, явно нанесенных специально. Из щек этих сумасшедших торчали клыки каких-то хищников, а перегородку носа пронзали стальные прутья. Чуть опустив взгляд, у ближайшего шамана я разглядел металлическую сетку, которая впивалась в кожу от шеи до середины живота и как будто защищала его грудную клетку. По краям крючьев расползались фиолетовые пятна гниющей плоти, и даже на таком расстоянии я почувствовал запах разложения.

Не обращая внимания на царивший вокруг хаос, шаман уселся на колени и начал методично разделять тело погибшего солдата, с легкостью рассекая ему ребра.

Мощный удар чуть не выбил щит из моей руки, а последующий за ним пинок отбросил меня назад, на бойцов третьей линии.

— Держать строй! — заорал над ухом Кармайн, чей отряд оттеснили поближе к нам. В порыве чувств он толкнул меня в спину, и с полученным ускорением я вновь ворвался в группу наседавших на нас врагов.

Удар нижней кромкой щита в корпус передового эрвета, отскок назад, чтобы избежать взмаха бронзового топора. Затем стремительный шаг вперед и укол!

Отлично, выпад достиг цели. Эрвет булькнул разрезанным горлом и упал на колени, однако паскудник смог вцепиться скрюченной рукой в мой щит и потянуть его вниз. Я зарычал и рубанул ублюдка сверху-вниз в плечо. Хорошо наточенный клинок не почувствовал сопротивления ключицы и с легкостью сломал несколько ребер, пронзив сердце, однако другие эрветы не стояли без дела. В тот момент, когда я был вынужден открыться, один низкорослый крепыш хорошенько размахнулся тяжелым молотом. Его каменное навершие начисто вышибло из меня дух, и хотя доспехи всего лишь треснули, я понял, что получил серьезный ушиб внутренних органов.

Из глаз брызнули слезы, а поле зрения заволочла кровавая пелена. Легкие сжались, и воздух не мог протиснуться через спазмированное горло.

Отступив на шаг назад, я выронил оружие и обеими руками обхватил корпус, пытаюсь как-то унять жгучую боль.

Тщетно.

В глазах начало темнеть, однако я успел заметить, как эрветы усилили натиск, смешав ряды Восьмого полка в бесформенную кучу.

Передо мной вырос противник с занесенным для удара каменным молотом.

Тарон Прайд

— Тарон, кончай ворон считать, а? — обиженно проговорил Милтон. Бросив беглый взгляд на напарника, я увидел, что он обиженно насупился и сложил руки на груди.

— Прошу прощения, — сказал я и отлип от угла скобяной лавки.

— Не спи давай. Думаешь, мы просто так тут стоим? Мне одному никаких глаз не хватит выискивать в толпе этого паскудника. А ну помогай!

— Да понял я, не гунди.

Милтон был прав — я должен собраться, иначе все наши усилия пропадут впустую.

Подчиненные ординария Девиса смогли определить цель. Молодой мужчина со шрамом на губе и длинными черными волосами, собранными в хвост, буквально этим утром обошел нескольких травников в поисках экстракта панрелеи кустистой. Снадобье это, помимо очевидной помощи при ожогах, частенько применялось и для проведения неких магических обрядов. Простым бойцам ордена Луцис такие подробности не нужны, однако примас Валиант намекнул, что большие партии панрелеи с завидной регулярностью поставлялись в Школу Инкантации. Очень может быть, что обряды эти связаны с эскорпальным колдовством.

Как только информация о крупной покупке панрелеи попала в Темплум Луцис, ординарий моего звена, Амилен Строгий, поставил патрули по всему юго-восточному району Минакса. Приказ был прост — найти этого человека на улицах и не спускать с него глаз, пока мы не узнаем его место жительства и возможную точку сбора остальных членов организации. Примас Валиант недвусмысленно заявил, что дозорные не уйдут с улиц, пока подозреваемый не будет обнаружен, и никто из послушников не осмелился ему возразить.

Прошел целый день, солнце уже давно скрылось за горизонтом, а мы с Милтоном только-только сменили предыдущих соглядатаев и теперь сами стояли на углу Валлийской и Стекольной, тщательно вглядываясь в лица прохожих.

— Одного не пойму, — нарушил я тишину, подойдя поближе к напарнику, — как мы вообще его узнаем? Как будто в Минаксе больше нет людей с длинными черными волосами!

— Собранными в хвост, — добавил Милтон, многозначительно подняв палец кверху.

— И что с того? Он их давным-давно распустить мог. Или вообще остричь.

— Так-то оно так, — тяжело вздохнул напарник и почесал вечно ноющие колени. Милтон был уже не молод, и обычно в его возрасте члены ордена Луцис как минимум занимали управленческие должности. Либо устраивались инструкторами для свежего пополнения наших рядов. Не все ж по улицам на морозе шастать! Для хороших результатов в нашем деле обязательно нужна сила молодости и горячая кровь, чего Милтону, увы, уже не хватало. По какой-то причине старого бойца ордена не хотели повышать в ранге, а сам он неохотно разговаривал на эту тему. Впрочем, скверный характер Милтона давно стал притчей во языцех, и вытерпеть его на патрульной службе только мне и удавалось. А я что? Я человек простой, лишь бы дело было сделано. А кто там со мной в напарниках стоит, меня особо никогда и не беспокоило.

— Слушай, Тарон, но есть ведь еще и шрам? По шраму на губе мы можем его распознать? — с надеждой в голосе сказал напарник.

— В такой тьме его особо не разглядишь, — медленно проговорил я, наблюдая, как последние лучи заходящего солнца мазнули по верхушке Горы. Наступала ночь.

На самом деле я любил ночи в Минаксе. Эта невероятных размеров метрополия, которая вполне могла занимать территорию целой страны в докоролевские времена, была невыносимо шумной. Миллионы людей слонялись по улицам, торговали чем попало, ходили на базары и в бани, сопровождая любую деятельность оживленными разговорами и оглушительными взрывами смеха или брани. Так еще и к этому реву неисчислимых толп присоединялся грохот работы тысяч мануфактур и механизированных фабрик, которые выпускали все необходимое для существования столь необъятного города. Гигантские молоты разбивали руду, ископаемую из недр Горы, в мелкую крошку, чтобы затем расплавить ее в тиглях и направить на изготовление все новых и новых товаров.

Из-за развитого шахтерского промысла прямо под столицей и большого количества заводов, почти все районы Минакса утопали в удушливом смоге, который не могли развеять даже самые крепкие равнинные ветра. Лишь приближенные к Десмосу XVII семьи, большие чиновники и маги из Школы Инкантации, равно как и члены дворцовой гвардии, могли позволить себе поселиться на Горе. Конечно, жизнь там тоже не сахар, однако свежий воздух и настоящее солнце, не ослабленное густыми клубами грязного смога, позволяли их детишкам расти здоровыми. Продукты первой необходимости, а также услуга для поддержания порядка в домах, регулярно доставлялась на верхние километры с помощью сложной системы подъемников. Их движение не останавливалось ни на минуту даже в ночное время, однако богачи могли себе это позволить. Многие горожане мечтали о том, чтобы бросить высокую должность в городе и стать хоть самым последним поломоем на Горе, лишь бы изредка вырываться из душного Минакса.

Почему бы не уехать из города насовсем? Это очень сложный вопрос, и мало кто из местных мог на него ответить. Сложно бросить свой дом, свою семью и родных. Сложно накопить состояние достаточное для переезда, ведь домики из неблагополучных районов Минакса и задаром не были никому нужны, так что люди буквально становились заложниками своих жилищ.

К тому же среди горожан частенько ходили разговоры о том, что при изрядной толике везения даже какой-нибудь никчемный поваренок, получивший работу на Горе, со временем сможет выбиться в люди и наскрести себе на собственный дом. Пусть и не на верхних уровнях, так хотя бы на ее восточном склоне. Он очень пологий, и ближе к подошве до сих пор оставалось немало места для строительства. Воздух там все еще оставался грязным, но все же почище, чем в самых тесных кварталах Минакса.

— Тарон, ты, никак, опять отвлекся? — хлопнул меня по плечу Милтон. — Сам говоришь, не видно в потемках ни черта, и одного меня за этим делом бросаешь!

— Да что ж такое, — покачал я головой и хлопнул себя по щекам. — Извини, приятель. Не выспался сегодня.

— Соберись уж, — хмыкнул напарник и отвернулся.

В опустившихся на город сумерках вездесущий смог почти перестал быть заметен. Если тусклый шарик солнца постоянно напоминал о том, насколько отвратительный тут воздух, то в ночи как будто и дышать становилось легче. Подумаешь, не видно луны и звезд! Они теперь светят только для жителей Горы, но и Солус с ними. Нам и так неплохо живется.

Время шло, а мы с Милтоном продолжали всматриваться в лицо каждого горожанина, что проходил мимо поста, и пытались разглядеть треклятый шрам. Что за глупость! С куда

большим желанием я бы сейчас отправился в Найросен. Среди членов ордена Луцис только о том и говорят, что тамошним борцам с ересью удалось накрыть гигантскую ячейку отступных магов Экцизес. Были тяжелые бои, и много наших полегло в ночных стычках с мятежными колдунами. Однако эти люди действительно занимались чем-то полезным, приносили Ригиторуму неоценимую пользу. А что я? Битый час торчу здесь, в вонючем переулке Стекольной улицы и таращусь на толпу. Впору завывать от тоски!

— Кстати, Милтон! — вдруг опомнился я и ткнул напарника в бок. — Я не успел на речь ординария. Напомни-ка, с каких это пор покупка целебных трав стала поводом для общегородского розыска?

— А что делать, Тарон? — пожал он плечами. — Мы цепляемся за любой, даже мало-мальски призрачный шанс выйти на культистов. Ты ведь слышал о тройном убийстве на Ореховой?

— Семья Барстена?

— Они самые. Мне довелось побывать на месте преступления, и знаешь, братец... — Милтон сокрушенно покачал головой, после чего продолжил: — Я, может, не образцовый член ордена Луцис, но я клянусь: жизни не пожалею, а этих ублюдков найду.

— Неужели настолько плохо?

— Не то слово. Все стены измазали кровью, выродки. Письмена свои чудные выводили за каким-то хреном. А ребенок... Забудь, — бессильно махнул он рукой и отвернулся. — Не хочу вспоминать.

— Я тебя понял, брат, — медленно кивнул я и подошел поближе. — Как скажешь. Если придется землю носом рыть, значит, будем рыть.

— И это правильно. Такая у нас работа, — угрюмо кивнул мужчина. — А кстати, Тарон, ты хоть знаешь, для чего эта травка нужна? Панребеля или как ее там?

— Панрелея. От ожогов помогает. У меня знакомый из звена ординария Девиса как раз лечился этой мазью после того дела, ну, в западных пригородах, помнишь?

— У Виадуга?

— Ага. Там один из сектантов вылил на него целый котел кипятка. Лицо, слава Солусу, не задело, а вот на руках и на груди ожоги будь здоров! И ты знаешь, поправился он очень быстро. Хотя и не без помощи лекарей-инкантатов.

— Понятно. Ну, либо у этого мужика дома вся семья дружно бросилась в кипящую воду, либо он на самом деле тот, кто нам нужен. Так что будем смотреть в оба.

— Как скажешь, Милтон.

Город окончательно погрузился во тьму, и в окнах домов медленно разгорелись еле заметные огоньки масляных ламп или свечей. Однако ночное бдение в Минаксе не приветствовалось — свет стоил больших денег, и большинство семей торопились поскорее отправиться в постель, чтобы начать работу с первыми лучами солнца.

Впрочем, город был настолько густонаселенным, что даже при не таком уж большом числе ночных дельцов, столичные улицы никогда не пустовали. Даже в столь поздний час по Стекольной перетекали толпы целеустремленных людей, которые молча вышагивали по своим заботам. Наружные фонари, которые как раз зажигал дежурный, не могли надежно разогнать мрак из-за высокой задымленности улицы. В эти часы город обретал особый, загадочный вид, и мне захотелось поглубже вдохнуть прохладный ночной воздух, чтобы острее прочувствовать момент.

Какова жизнь! Плевать, что орден Луцис порой действительно подбрасывает столь

нелегкую работу. Меня с детства так учили, и я до сих пор в это верю, что наша служба делает окружающий мир лучше. Если примас и ординарии в самом деле считают, что этот приказ имеет смысл, то кто я такой, чтобы их послушаться? Да, я не могу изменить необходимость своего присутствия здесь, но я могу приложить максимум усилий, чтобы добиться результата! Не торчать тут безучастно, ожидая конца смены, а в самом деле постараться отыскать нужного человека, пускай это будет нелегко!

Отбросив все сомнения и жалость к тому, что я не участвую в карательных операциях в Найросене, я гордо расправил плечи и повернулся к Милтону.

— Дружище, мы с тобой привлекаем тут много внимания. Оставайся сторожить перекресток, а я пройду по дороге вперед-назад. Постараюсь послушать улицу.

— Сдурел, что ли? — непонимающие покачал головой напарник. — Куда ты намылился? Сбежать решил?

— Не носи чепуху! — обиженно поднял я голос. — И в мыслях не было! Просто я не хочу торчать тут у всех на виду. Да любой преступник нашу засидку распознает в два счета!

— Приказ был патрулировать конкретно на углу Стекольной и Валлийской!

— Вот и патрулируй себе на здоровье! А я погуляю немного и вернусь, понял? И нечего так сердиться!

— Амилен все узнает! Я ему обязательно скажу, что ты прямого приказа послушался!

— Ты в своем уме вообще, Милтон? — взбесился я, и вместо того, чтобы смешаться с толпой, развернулся и угрожающе навис над немолодым мужчиной. — Хочешь Строгому наябедничать? Я и раньше слышал, что народ тебя не особо любил, но никогда значения не придавал. А ты, видать, и правда с гнильцой!

— От гнилого и слышу! — сплюнул напарник.

— Вот что, Милтон, — выдохнул я и придвинулся еще на шаг, так близко, что чуть не коснулся его носом. — Вбей это себе в самую глубь черепушки — я не какой-то там Вальмеер или Драз! Ни разу в жизни я не пытался “откосить” от своих обязанностей или отсидеться в стороне. Я прекрасно понимаю, как важно ордену отыскать этого парня, и я хочу, чтобы ты ни секунды не сомневался — я наизнанку вывернусь, а работу сделаю. В общем, когда решишь в следующий раз составить для Строгого отчет — вспомни об этом разговоре, договорились?

— Черт с тобой, — стушевался Милтон и отвел взгляд. — Иди, быть может, и правда сможешь что-то разузнать. Но чтобы к пересменке был тут как штык!

— А как же, — хмыкнул я и незамедлительно вышел на Стекольную. Пройдя по мощеной дороге около двух десятков шагов, я накинул теплый капюшон своего коричневого плаща и мигом смешался с толпой заводских рабочих, которые направлялись по домам после тяжелой смены.

Улицы ночного Минакса дышали своей жизнью, которая, как ни странно, и не думала утихать. Несмотря на то, что я плохо спал сегодня, а голова трещала от усталости, прогулка все же придала мне сил. Я как будто совсем забыл о собственном теле и думал лишь о том, как выполнить задачу.

Сперва я бесцельно побродил по кварталам юго-восточного Сагуарка. Этот район славился своими мастерскими ручного труда, и по пути мне то и дело попадались лавки всевозможных ремесленников. В ночное время многие витрины были закрыты, однако порой даже в это время мне попадались подсвеченные фонарями островки, где до сих пор шла оживленная торговля. Стражники не отходили далеко от этих мест, чтобы отслеживать

незаконные сделки, однако местным торговцам скрывать было нечего — честный товар за честные деньги, никакого обмана.

Я до рези в глазах вглядывался в лица прохожих, однако никого похожего на описание так и не встретил. Или встретил, но от круговорота лиц, проносющихся перед моим взором, у меня попросту закружилась голова, и увиденные люди смешались в неопределенную кашу. Решив, что такой способ не принесет плодов, я отошел к краю дороги и решил отдышаться, чтобы привести мысли в порядок.

Прямо напротив меня оказался небольшой магазинчик с яркой вывеской “Снадобья Джорни”. Входная дверь, как ни странно, была все еще открыта. Улыбнувшись своим мыслям, я бегом забежал внутрь.

— Доброй ночи! Есть тут кто?! — громко закричал я, едва переступив порог. В слабо освещенном помещении, пропитанном запахами календулы и спирта, стояло несколько круглых столиков, на которых громоздились пучки трав и склянки с разноцветным содержимым. В углу комнаты мирно сопел хозяин — низкорослый мужичок с длинными седыми волосами. От моего крика он подскочил на месте и чуть не плюхнулся на пол, но все же смог удержать равновесие.

— Солус милостивый! Зачем же так надрываться? — негодуя пробормотал мужчина, после чего расправил помятый передник и выпрямился передо мной во весь свой невеликий рост. — Чем могу?

— Добрый человек, помогите мне, пожалуйста! — принялся я причитать, складывая руки в молящем жесте. — У меня сын за горящую головню ухватился! Прямо из очага вырвал, дуралей эдакий! Спасите, ради Солуса!

— Погодите, погодите! — взмахнул хозяин руками и отошел к высокому шкафу в углу. — Не нужно паники! Сейчас сообразим чего-нибудь... Так, за головешку, говорите?

— Угу! — с жаром подтвердил я.

— Очень болит?

— Ужас как! Плачет, бедняга, уже и сил никаких нет у него плакать!

— Картофель пробовали? — вопросительно поднял брови продавец, повернув ко мне голову.

— Картофель?..

— Разрезать сырую картофелину на две половинки и прикладывать к ожогу! Верное средство.

— Никогда не слышал, — покачал я головой, после чего подошел к хозяину поближе. — А как насчет... Панрелеи? Нет ли у вас этой травы?

— Как раз ищу, — пробурчал мужичок, копаясь в выдвижных ящичках. — Вот вы представляете, как назло сегодня всю партию и распродал.

— Неужели ничего не осталось?! — в притворном ужасе вскинул я руки к лицу. — И кто ее скупил-то?

— Да заходил вот один... Очень уж она ему была нужна, прям позарез. Выкупил все остатки, а новый сбор еще не скоро мне завезут.

— Господин... э...

— Воркис.

— Господин Воркис, не могли бы вы мне подсказать, кто это был? Как зовут, где живет?

— Молодой человек, понимаете, я...

— Господин Воркис, вы даже представить себе не можете, в каком я отчаянии. Без панрелеи мой мальчик может погибнуть! И это будет на вашей совести, господин Воркис! А ну как заражение у него пойдет от этого ожога? Мне ведь не так много нужно, я найду вашего покупателя и возьму у него самую малость! Вдруг он сжалится над моей бедой? Как вы считаете?

— А, почему бы и нет? — пожал плечами хозяин лавки, глядя себе под ноги. — В конце концов, дело-то серьезное... В общем, я этого человека частенько тут вижу, Мортед его имя. Кожевенник, если я правильно понял. Где живет не могу сказать, но точно знаю адрес мастерской — сам нередко пользовался их услугами, а там ведь целая команда работает. Настоящие специалисты! И рюкзак подшить, и кошелек для бумаг сделать. А какие там чудесные сумки для флаконов!..

— Господин Воркис! — перебил я увлекшегося травника.

— Тьфу, простите, простите, уважаемый. Так вот — идите сейчас вниз по Ольховой до ремесленного квартала, поворачивайте налево, а потом у пивной со смешной вывеской в форме рыбки сразу направо. Улица... Восьмая Кожевенная улица и называется, да. Мастерская чуть ли не сразу же за поворотом, приземистый такой барак с дубильными станками под длинным навесом, не перепутаете.

— Спасибо вам огромное, господин Воркис! Да осветит Солус ваш путь!

— Всегда рад, — скромно улыбнулся старик, после чего вернулся на свое место в углу и задремал.

Следуя инструкциям травника, я за несколько минут оказался в нужной мастерской. Ворота были закрыты, однако рядом с дубильней ковырялись в грязи несколько беспризорников. Громко переругиваясь, они пытались выковырять из щели между напольными досками какую-то блестяшку.

— Эй, детвора! — тихонько позвал я их. Смерив меня презрительным взглядом, самый рослый из парней выпрямился и подошел ко мне. Как оказалось, он был лишь на голову ниже меня, хотя годков ему стукнуло едва ли больше двенадцати. Рыжие волосы, высокий лоб, веснушки на впалых от недоедания щеках.

— Чего надо? — недружелюбно осведомился мальчишка, спрятав руки в глубоких карманах штанов.

— Вы здесь часто бываете, парни? В этом районе?

— А тебе какое дело? Ты из стражи?

— Нет.

— Вот и я думаю, не похож ты на стражника, — усмехнулся ребенок. — Этих чурбанов я мигом узнаю, даже если не по форме одеты.

Друзья мальчика дружно захохотали, однако от работы не отрывались — уж больно им хотелось добыть камешек, который вполне мог оказаться утерянной драгоценностью.

— Так вот, — оборвал я их веселье, вытащив из кармана две медные монеты. Глаза паренька алчно блеснули, но он сохранял спокойствие. — Тут мужик один в мастерской работает. Высокий, темные волосы. Шрам на губе, — ткнул я пальцем на свой рот.

— Мортед, что ли? — кивнул пацан. — Конечно, видели. Хороший человек, его вся округа уважает.

— Да! Мортед, именно. Не подскажите, где мне его искать?

— Зачем он тебе? — хитро прищурился паренек. — Если ты не стражник, то кто?

— Вам это знать необязательно, — хмыкнул я и потряс кулаком с монетами.

— Че гремишь-то? — хохотнул мальчишка. — Чтоб мы своего друга за два медяка продали? Нашел дураков!

— Ага!

— Еще чего! — поддержали его другие беспризорники.

Я глубоко вздохнул и полез в карман. Отыскав среди мелкого сора еще несколько монет, я вытащил их на ладони и пересчитал. Три медяка и одна серебряная.

— Вот это уже другой разговор! — повеселел пацан и мигом выхватил деньги из моих рук, я даже моргнуть не успел. — Мортед живет в доходном доме Карсенникова, на набережной Обводного канала.

— Ну спасибо, ребятня, — покачал я головой, пожалев свой последний серебряник. — Вы поаккуратней ночью на улицах.

— Нашел, кого учить, — сплюнул пацан и пошел к своим, однако на полпути развернулся.

— Только ты это, дядя — не трожь его, лады? — вдруг нахмурился он. — Мортед и правда отличный мужик.

— С ним все будет в порядке, — бросил я на ходу, направляясь к Обводному.

Главным производством в Сатуарке, одном из самых густонаселенных районов Минакса, был металлургический комбинат Ройдена. В бесконечной веренице его цехов как раз и перерабатывали добытую на Горе руду. Плавильни Ройдена не затухали ни днем, ни ночью, и для обслуживания этого промышленного монстра давным-давно был прорыт Обводный канал от реки Итерии. По каналу доставляли руду из шахт и уголь для работы печей, и по нему же люди с фабрики сплавляли отходы производства ниже по течению.

Набережная Обводного канала считалась не лучшим местом для жизни. Грязь, шум от работы комбината, так еще и не самые приятные соседи, что могут позволить себе местечко лишь в одном из многочисленных доходных домов по обе стороны от водной глади.

Я долго шел по левому берегу канала, выискивая глазами дом Карсенникова. Узнав у прохожих, что дом этот был построен из красного камня, нетипичного для этого района, я надеялся, что поиск не займет много времени.

Наконец, я дошел до высокого пятиэтажного строения с красивым алым фасадом, хотя и изрядно выцветшим. Выходящие на улицу окна группировались по парам — два окна для каждой комнаты в гигантской общинной квартире, обычно занимавшей целый этаж. У жителей общин была одна кухня и один нужник, куда по утрам выстраивались бесконечные очереди. Меня Солус миловал, я вырос в храме Луция Светлого в пригородах Минакса. Условия в ордене были не то чтобы королевскими, однако вполне сносными. Боюсь, дети в местных доходных домах ютились в куда более тесных и мрачных комнатухах, чем будущие бойцы ордена Луцис.

Покачав головой, я отогнал непрошеные воспоминания о юности. Арка, залитая непроницаемой чернотой, вывела меня во внутренний двор. Ноги тут чавкали в толстом слое подмоченной грязи, смешанной с сеном — на первом этаже дома располагались конюшни, чьи ворота как раз выходили во двор. Запах животных и свежего навоза дополнял насыщенную картину местной жизни.

Отыскав глазами вход на главную лестницу, я прочавкал по двору к затворенным створкам и вошел внутрь. Тут было гораздо теплее, чем на улице — в углу прихожей стояла

высокая печь, в которой лениво тлели старые угли.

Скинув плащ, я запалил свет и стал аккуратно подниматься по стертým ступеням. Время позднее, и подавляющее большинство жильцов уже давно смотрело десятый сон. Дом погрузился в сплошную тьму, которую с трудом разгонял лишь крохотный огонек моей лучины. Времени до пересменки оставалось не так много, а я до зарезу должен был узнать, что нужно этому Мортеду. А вдруг он и правда купил панрелею для кого-то из домашних? Не стоит исключать этот вариант.

Прочитал таблички на первом этаже. Обычно тут указывались имя и фамилия главы семейства, соответственно, мне нужен был именно Мортед. Не найдя нужной, я выругался, после чего быстренько пошел наверх, однако и там удача мне не улыбнулась.

Наконец я добрался до третьего этажа, и у двери, ведущей к комнатам, увидел заветную надпись: “Мортед Льюис, кожевенник. Пятая комната”.

Слава Солусу!

Бить в колотушку на общей двери было бы верхом неприличия, так что я аккуратно отодвинул защелку ножом и вошел внутрь. Передо мной протянулся коридор с дверными проемами с левой стороны, который упирался в кухню. Пройдя по голому полу с разохшимися досками, я легонько постучал в дверь с цифрой “пять” над коробом. Сперва было тихо, и я уже решил повторить попытку, как она вдруг распахнулась.

На пороге стояла взволнованная молодая женщина в ночной рубашке, однако по ней было видно, что она еще не ложилась — красные глаза, отеки от слез, уж точно не были заспанными. У женщины были темные волосы, стройная фигура и приятные черты лица, однако губы были сжаты от напряжения в тонкую полоску.

Увидев меня, она сильно испугалась и дернула дверь на себя, но я успел просунуть в проем ботинок.

— Кто вы такой?! Что вам нужно?

— Успокойтесь, я всего лишь хотел задать пару вопросов!

— Я буду кричать! Вас мигом отсюда вышвырнут!

— Не нужно бояться! Мне просто надо найти Мортета!

Услышав это имя, женщина перестала тянуть дверь и громко всхлипнула.

— Вы его знаете? С ним что-то случилось? — прислонила она ладонь к губам.

— Пока нет, но мне обязательно нужно выяснить, где он.

— Ах, если бы я сама знала, — сокрушенно покачала головой женщина.

— Вы думали, что это он пришел? — участливо спросил я, сделав шаг навстречу.

Она молча кивнула, пролив еще несколько слез.

— Ну-ну, будет, — попытался я успокоить собеседницу, положив руку на плечо. — Как вас зовут?

— Астрид, — вновь всхлипнула женщина. — Астрид Льюис. Я швея, обслуживаю соседей, а они нам помогают детей растить, — кивнула она вглубь комнаты, где я увидел широкую кровать, на которой мирно сопели трое ребятишек. — Кто яиц принесет, кто мясными обрезками поделится, хлебом. Так и выживаем. Зарплата у Мортета вся на оплату жилья уходит, да другого пути нету — свой домик мы точно не купим. А теперь он совсем пропал!

— Как давно его нет?

— Второй день не приходит, — проговорила Астрид, сдерживая рыдания. — А вдруг он погиб? Ужас, я боюсь представить, как мы без него...

— Не беспокойтесь, я обязательно выясню, куда он запропастился, — ответил я, поглаживая женщину по спине, хотя сам прекрасно понимал, что шансов практически никаких. По всей видимости, Мортед стал жертвой сектантов, и теперь от него мало что осталось.

Боюсь, больше я ничего здесь не узнаю.

— Астрид, послушайте. Мы будем искать вашего мужа столько, сколько понадобится. Если вам будет нужна помощь — не стесняйтесь, обязательно приходите в Темплум Луцис. Солусу служат лишь самые светлые, самые благородные люди королевства. Уверен, они не оставят вас в столь бедственном положении. Скажите, что вас направил Тарон Прайд, что служит ординарию Амилену. Они все поймут.

Сказав это, я вышел из дома отчаявшейся женщины, которая не перестала плакать.

Чертовы культисты! Еще одна поломанная семья, еще одна несчастная жертва их злых, извращенных намерений. Впрочем, теперь я узнал, что сам Мортед Льюис ни в чем не виноват. Нужно найти того, кто не побрезговал воспользоваться его личностью, чтобы привести его к правосудию Солуса.

Вскоре доходный дом Карсенникова окончательно скрылся из виду, растворившись в окружающем смоге.

Рональд, сын Даррена

Я не имел ни малейшего представления о том, сколько времени прошло с момента моего никчемного падения в яму данскера. Я медленно тащился вниз со склона, пока не погрузился в густые клубы едкого дыма, что покрывали жилые кварталы Минакса и доходили до предгорья. Мрак нижнего города не прорезывали лучи светила, а значит, ночь пока не кончилась. Удивительно, ведь по моим ощущениям прошла целая вечность.

По бокам от тропы, которую я собственноручно прокладывал через заросли жухлых кустарников, тянулись бесконечные ряды технических сооружений, что обслуживали канатную дорогу. Хотя в темное время суток пассажирский подъемник работал гораздо реже, тысячам грузчиков все равно приходилось пользоваться бесчисленным количеством кранов и лебедок, которыми Гора оцетинилась во все стороны света.

Ригиторум щедро делился своими богатствами с правящей верхушкой королевства. Вся необъятная страна, чья территория раскинулась от океана на западе до лесотундры эрветов на северо-востоке, работала не покладая рук, чтобы доставить сюда все лучшее, что только могли предложить ее жители. Мимо оголодавших обитателей Минакса ежедневно проходили тонны отборных продуктов: говяжья вырезка, свежие фрукты и экзотические ягоды прямиком из Артайского взморья, редчайшие морепродукты и дорогие вина из Садервейла. Все это благодаря труду сотен мужчин и женщин непрерывно поднималось наверх, чтобы наполнить ненасытную утробу Горы. Лишь на время притупить незатихающий голод дворца и окрестных дворянских имений, чья жизнь состояла из бесконечных пиров.

Уж я-то это точно знал, и даже мечтал стать частью этого праздника изобилия, да только всем моим стремлениям настал конец. По мимолетной прихоти придворного колдуна я буквально оказался лишен собственной жизни. То, что я пока могу ходить, еще ничего не значит.

Допустим, я все же спущусь с Горы, не растеряв костей. А что будет дальше? Куда мне пойти? Где искать справедливости в мире, где помощник первого распорядителя имеет влияния не больше, чем надоедливая мошкара? Нисколько не сомневаюсь, что гвардии дворца будет куда проще закопать меня где-нибудь на склоне, чем предъявить официальное обвинение самому Велизару. В общем-то, рекситоры именно так и поступили.

Проще самому удавиться!

Придя к этой мысли, я не смог сдержать нервный смех. Он раскатился по длинному коридору, составленному из глухих задних стен складских помещений. Не думаю, что меня кто-то услышал — быть может, одинокий сторож, который сейчас дремлет где-то за этой стеной, подумает, что ему приснился дурной сон.

Как бы мне хотелось сейчас проснуться.

Покачав головой, я крепко ударил себя ладонью по щеке. В ноздри тут же ударил запах потревоженных экскрементов.

Некогда себя жалеть! Некогда плакать! Слезами горю не поможешь. Я должен поступить так, как подобает мужчине, который не может вытерпеть нанесенного оскорбления. Вот только доберусь до дома, и сразу в петлю!..

Внезапно мой мозг пронзила мысль, будто пуля, выпущенная из аркебузы.

Если меня не станет, что будет с Мариссой?

— Солус Великий, как же так?! — вскричал я, потрясая кулаком в небеса. После чего обхватил голову руками и принялся плакать, как маленький ребенок.

Как же легко было бы бросить все и спрыгнуть со скалы! Не нужно ничего решать, не нужно предаваться горестным мыслям о судьбе своей возлюбленной.

Можно набросить удавку на шею и отправиться к Светилу навсегда.

Но неужели я позволю себе быть таким эгоистом? Разве я смогу бросить ее здесь, на этой земле, совсем одну? Да, я прекрасно понимаю, что такие люди, как я — вошь, а не человек! — не чета придворному магу. Но, быть может, мне удастся забрать Мариссу с собой? Проникнуть в гостевые покои штаба стражи и выкрасть ее, чтобы вместе рвануть в сторону моря. Пусть преследуют, пусть ищут — вряд ли Велизару будет дело до еще одной пропавшей наложницы, которых, я уверен, у него и так в избытке. Но даже если сбежать не удастся, я помогу Мариссе самой сделать выбор — захочет ли она остаться на этом свете в качестве рабыни, либо уйти со мной на Солнечный престол.

Пожалуй, так будет правильно.

Ободренный этой мыслью, я ускорил шаг, чтобы быстрее добраться до дома. Во-первых, мне стоило отмыться, иначе ни один здравомыслящий стражник меня на пушечный выстрел не подпустит к штабу на втором уровне Горы. А во-вторых, мне нужны припасы и какое-никакое снаряжение. Мы должны протянуть хоть несколько дней на тот случай, если план побега все же удастся. Плевать, что шансы на успех не то что были призрачны, они в принципе равнялись нулю. Но в конце концов, лучше умереть, пытаясь сделать хоть что-то, чем безвольно наложить на себя руки, как заведомо проигравший.

В своих размышлениях я и сам не заметил, как пешком прошел долгий путь от восемнадцатого данскера к подножию, где до сих пор кипела оживленная работа. Не рискнув приближаться к погрузочной площади, откуда начиналось несколько маршрутов канатки, я свернул чуть левее, в предгорные трущобы северного Сатуарка. Тут обитали строители и разнорабочие, готовые за минимальную плату мостить новые дороги, перекладывать кровлю на домах богачей, а также ремонтировать виадуки, которые с каждым годом становились все дряхлее и опаснее.

Я аккуратно продвигался в нагромождении ветхих лачуг и самодельных пристроек, которые неведь как удерживались друг у друга на головах, угрожающе нависая над дорогой. Освещения в этой части города отродясь не было, но я часто ходил к подъемнику по этому пути. Мне не составляло труда ориентироваться даже в скудном сиянии слабой луны, что едва пробивалась к земле через плотное одеяло смога. Прохожие в этот час мне не попадались, в трущобах у людей не оставалось времени на ночные делишки. Люди пахали от рассвета до заката, и те жалкие несколько часов отдыха, которые у них оставались, они тратили исключительно на сон. Шанс повстречать разбойника или вора также сводился к нулю — ну кто в здравом уме будет устраивать засады на разнорабочих, у кого денег отродясь не водилось? Кроме сегодняшней зарплаты в пару медяков или, что куда вероятнее, краюхи хлеба, с них взять было решительно нечего. А народ позажиточнее сюда не совался. Вот почему я шел без страха, с высоко поднятой головой.

Ну и потому, что окружающее меня зловоние могло отпугнуть даже свирепого упыря.

Впрочем, когда я окончательно поверил, что никого не встречу до самого дома, путь мне преградил рослый мужчина с длинными черными волосами. Незнакомец уверенным

движением выставил руку вперед, и мне пришлось остановиться.

— Доброй ночи, путник! — проговорил он слегка отрешенным голосом, после чего склонил голову набок и приветливо улыбнулся. — Что случилось? Я могу чем-то помочь тебе?

— Боюсь, мне сейчас не до этих глупостей, — грубо ответил я и хотел пройти мимо, однако настырный прохожий не дал мне этого сделать.

— Почему же ты отвергаешь мою помощь? — искренне удивился он. — Думаешь, я не вижу, в какой тяжелой ситуации ты оказался? Подумай, быть может, сам Солус направил меня к тебе, чтобы облегчить твою ношу?

Что-то в его словах заставило меня задуматься. Нет, этот человек определенно был очень странным, а его манера говорить даже пугала. Однако он точно не походил на разбойника, который ни в коем случае не пристал бы к измазанному дерьмом проходимцу в самых бедных трущобах Сатуарка.

Чего он от меня хочет?

— Что ты хочешь от меня? — в лоб спросил я и на всякий случай сжал кулаки, готовясь к схватке.

— В этом нет нужды, — покачал он головой, указывая пальцем на напрягшиеся мышцы моих рук. — Я всего лишь смиренный слуга господина нашего Солуса, и мое призвание — помогать несчастным, которых обошла стороной милость покровителя. Восстанавливаю баланс, если можно так выразиться.

— Разве этим не Темплум Луцис должны заниматься?

— Ах, если бы достойнейшие мужи Церкви, да пошлет им Солус долгих лет жизни, принимали в свои ряды новых братьев!

— Разве не принимают? — включился я в разговор, хотя всего-то несколько секунд назад твердо намеревался уйти.

— К несчастью. Только дети, рожденные в среде адептов Солуса, имеют право получить ранг в ордене или в Темплум Луцис. Нам же, простым смертным, приходится брать дела в свои руки. Хочешь жить праведно — будь праведником, и этим все сказано! Итак, я повторяю вопрос — могу ли я чем-то помочь тебе?

— Я просто хотел поскорее добраться до дома, — неловко проговорил я, опустив глаза к земле.

— Дабы омыть плоть свою? Хорошо. Как я могу к тебе обращаться?

— Меня зовут Рональд.

— Очень приятно, Рональд. Симеон Ренс, к вашим услугам, — поклонился праведник. — Далеко ли ты живешь, Рональд?

— В Греттинге, на берегу Канала-охладителя.

— Долгая дорога! — нахмурился Симеон. — Не сочтешь ли за грубость, если я предложу тебе свое скромное жилище?

— Не знаю... Будет ли вам удобно?

— Ах, обо мне не беспокойся! Солус завещал нам делиться с нуждающимся. Только так люди смогут устоять перед кошмарами небытия.

— Не то чтобы я нуждающийся, — протянул я, однако праведник поспешил меня перебить.

— Прости, Рональд, у меня и в мыслях не было тебя оскорбить. Скорее уж “не оставлять других людей в беде”. В общем, тут совсем недалеко, буквально пара кварталов. Следуй за

мною!

Я позволил праведнику подхватить себя под локоть и повести по пустынной ночной улице. По всей видимости, Симеона на самом деле не смущал смрад, который запросто мог свалить лошадь. Сперва мне не очень понравилась мысль тащиться в дом к незнакомцу, но праведник действительно создавал впечатление очень набожного и правильного человека, близкого к Солусу. К тому же от прилипшего к телу дерьма моя кожа начала дико зудеть, и я просто мечтал поскорее сорвать с себя засохшую корку грязи. Если в доме Симеона окажется хоть немного воды и чистые тряпки, я буду безумно благодарен.

— Так что с тобой приключилось, Рональд? Не говори, если не хочешь! — поспешно вскинул он руку. — Но мне было бы очень интересно узнать.

— Это... Сложно, — покачал я головой. — Я работаю помощником распорядителя на Горе, и сегодня придворный маг увидел мою невесту. Видимо, она ему понравилась, и он решил взять ее себе.

— Что значит “взять”? — не понял спутник.

— То и значит, — вздохнул я, с трудом сдержав подступившие к горлу рыдания. — Он приказал рекситорам увести ее в свои покои, а меня скинуть в данскер! А рекситоры... Я не понимаю, почему они выполняют поручения Велизара? Он что, король Ригиторума?!

— Звучит ужасно, — прошептал Симеон. — Разве мог он так поступить?

— Видишь? — ужаснулся я. — Даже ты мне не веришь, праведник! Этим они и пользуются там, наверху. Считаю, что раз они живут на Горе, мы для них хуже скота! Будто можно пользоваться нами ради своего удовольствия!

— Все образуется, Рональд. Главное верить в это. — Симеон энергично закивал. — Солус защитит. Он не оставит хорошего человека в беде, вот увидишь.

— Скорее бы, — всхлипнул я и замолчал.

— Вот мы и пришли, — вдруг весело объявил праведник, будто всего этого разговора не было. — Мое скромное жилище!

Мы остановились перед высоким двухэтажным домом, который стоял на границе между трущобами и обычными жилыми кварталами, где обитали ремесленники и торговцы. Сам домик был построен из дерева, а не из камня. Однако это были добротные, крепкие бревна, сложенные без использования гвоздей и распорок. Щели между стволами хозяин дома аккуратно заделал глиной, так что внутри наверняка было тепло и уютно.

С трудом распахнув толстую дверь, Симеон сделал приглашающий жест внутрь. Поблагодарив его кивком, я переступил высокий порог и оказался в широком коридоре, откуда вели несколько дверных проемов. На полу лежал красный домотканый ковер, и я испугался, что испачкаю его своей одеждой.

— Эй, Симеон? — нерешительно остановился я на пороге, но хозяин легонько подтолкнул меня в спину.

— Не переживай, друг. Я не боюсь грязи, — улыбнулся он и провел меня к центру коридора. В середине красивого ковра оказалась широкая прорезь, сквозь которую я увидел люк, ведущий в подпол. В темноте подвала я не смог ничего разглядеть, и как раз хотел спросить, что хранится внизу. Впрочем, повернувшись к праведнику, я столкнулся с пронзительным взглядом его синих глаз и замер на полуслове.

— А теперь засыпай, — мягко проговорил Симеон и провел ладонью по моему лицу. Мои веки потяжелели, будто кто-то щедро сыпанул в них песка. Последнее, что я увидел перед тем, как провалиться во тьму, была ухмылка на лице праведника. В свете лампы,

которая горела в доме, я успел разглядеть уродливый шрам, который вертикально пересекал его нижнюю губу.

* * *

Внутри моей головы словно полыхало горячее пламя. Оно не давало сосредоточиться ни на одной мысли, а боль, вызванная этим жаром, просто сводила с ума. Я пытался понять, где я нахожусь и как тут оказался, но все мои попытки собрать волю в кулак оканчивались неудачей. Мне хотелось бы провалиться в беспамятство, чтобы прекратить эту муку, любой ценой погрузиться во тьму, но огонь не давал этого сделать. Как бы мое сознание ни пыталось соскользнуть в пропасть, боль вновь возвращала меня к кошмарной реальности.

Я был уверен, что страданиям не будет конца, однако в какой-то момент все прошло, как страшный сон. Пламя в голове погасло, как солнечный свет после заката, и мой разум вмиг очистился.

С трудом разлепив глаза, я увидел земляной потолок, с которого то и дело срывались ледяные капли влаги. Определив, что я лежу на каком-то деревянном столе, я захотел подняться, однако тело отказалось слушать мои приказы. Еще раз попытался пошевелить рукой — тщетно. Мало того, что я не чувствовал конечностей, так еще и на грудную клетку словно положили гигантскую каменную глыбу, и от этой тяжести мне было трудно дышать.

В ноздри вдруг ударил свежий травяной аромат, который запросто разогнал затхлость подвала. На какое-то время я ощутил себя в лавке лекаря, куда мы ходили с матерью за снотворным зельем.

Я изо всех сил скосил глаза, но все, чего мне удалось добиться — вида на самый краешек высокого шкафа, на полках которого стояли склянки и бутылки с разноцветными снадобьями. Тот, кто готовил сейчас порцию трав и гремел стеклом, оставался вне моего поля зрения.

— Какого черта? Что это за место? — собирался просипеть я, но с моих губ не сорвалось ни единого звука. Понятия не имею, кто это сделал, но он мне за это заплатит!

— Уже очнулась, Валери? — донесся до меня знакомый голос, и воспоминания о прошлой ночи хлынули в сознание неудержимым потоком. Вечерняя поездка на Гору, Марисса, Велизар. Предательство, полет в выгребную яму данскера, а затем и встреча с праведником Симеоном. Он привел меня в свой дом, а теперь...

— Извини, что пришлось связать тебя, дорогуша, — посетовал хозяин и подошел поближе к столу, где я лежал, хотя обращался он явно к другому человеку. — По нашим инструкциям жертвы должны оставаться без сознания до самого конца, но я не смог отказать себе в этом удовольствии.

В ответ послышалось сдавленное мычание, будто девушке вставили кляп в рот.

Уверен, так оно и было.

— Ну же, не ругайся, — чуть огорченно произнес Симеон. — Я понимаю твои чувства, однако в отличие от своих собратьев, я дарю тебе возможность увидеть собственную смерть. Разве это не благо?

Какого черта тут происходит?! Я должен обрести возможность двигаться! Ну же, руки! Слушайте меня!

Я изо всех сил напряг тело, подавленное сильнодействующим снотворным. Бьюсь об заклад, я должен был спать до самого конца, пока этот псих меня не прикончит. В жилых

районах Минакса частенько бродили слухи и городские легенды о сумасшедших, которые занимаются человеческими жертвоприношениями. Я-то всегда был уверен, что это глупые бредни! Детские сказочки, которые рассказывают непослушным проказникам, чтобы они не бродили по городу допоздна! Однако вот я здесь, в подвале какого-то сбрендившего праведника. И он, по всей видимости, решил выслужиться перед Солусом, зарезав нас, как свиней!

Единственное, чего этот фанатик не учел, так это того, что я с самого детства плохо засыпал. Мама говорила, что я пошел в отца, который из-за болезни не мог погрузиться в сон вплоть до своей смерти, когда мне было всего шесть лет. Именно поэтому мы с матерью каждую неделю ходили в “Снадобья Джорни” за зельем, которое помогало мне забыться. С каждым годом приходилось увеличивать дозу, принимать по одной ложечке микстуры, потом по полторы, потом по две. Дошло до того, что я выпивал сразу несколько глотков из флакона, что всегда стоял в изголовье кровати, пока в один прекрасный день, когда мне стукнуло пятнадцать, я не встретил Мариссу. В ее объятиях я засыпал моментально, и никакое снадобье мне не требовалось.

Черт возьми, я и забыл, что когда-то принимал лекарство, пока запах трав в этом проклятом подвале мне об этом не напомнил! Однако мое пристрастие к снотворному помогло пережить едва ли не смертельную дозу, и теперь я хотя бы смог очнуться от глубокого сна. Осталось только вернуть контроль над телом и выдавить этому ублюдку мозг через глазницы!

Гнев придавал мне сил, и несмотря на то, что каждое, даже самое крохотное и неуловимое глазу движение пальцев вызывало нестерпимую боль, словно в кожу втыкались миллионы раскаленных иголок, я продолжал шевелиться. Я знал, что если не избавлюсь от воздействия зелья, мне точно конец. Моя жизнь, как и жизнь несчастной Валери, сейчас лежали в моих руках, и я не перестану бороться!

— Рональд крепко спит, моя дорогая, он не сможет тебе помочь, — прошептал Симеон, склонившись над своей жертвой. — Буквально пара минут, и препарат для перехода будет готов. Понимаешь, как забавно выходит? Ты мне абсолютно не нужна. Однако твоя жалкая жизнь обеспечит заклинание энергией. На твоём месте мог оказаться любой, любой пьяница или разочаровавшийся в жизни бездомный, кого я мог подобрать в первой же подворотне. Однако я выбрал тебя, Валери. Ты сгоришь, моя красавица, чтобы я совершил переход и продолжил служить своей общине. Разве это не прекрасно? Ты должна насладиться этим моментом. Тебе осталось недолго. Еще какая-то минутка, и тебя не станет. Есть о чем поразмыслить перед смертью? Или твоя жизнь была никчемной и пустой, как обертка от леденца?

С этими словами “праведник” вернулся к своему столу и принялся греметь склянками, смешивая ингредиенты для приготовления последнего зелья. Совершить переход? Служить общине? Что он, Солус побери, такое несет? Точно псих! Спятивший полудурок, будь проклят он сам и весь его род!

Времени оставалось все меньше, я чувствовал, как таяли отмеренные мне секунды жизни. Наконец мне удалось ненадолго напрячь шею, и моя голова безвольно упала налево.

Теперь я мог видеть два соседних стола. Дальнее место оставалось свободным, а ближе ко мне лежала русоволосая девушка, прикованная к столу деревянными скобами. Я увидел, что открыть их было бы очень просто, нужно всего-то сдвинуть поворотный механизм, и Валери окажется на свободе. Девушка пронзительно смотрела на меня своими глубокими

голубыми глазами, полными надежды. Однако мне не хватало сил, чтобы пошевелить рукой!

Черт возьми, соберись, Рональд! Ты должен это сделать!

Тем временем Симеон нагрел содержимое одной колбы над спиртовой горелкой и тут же перелил его в котелок, откуда раздался громкий шипящий звук. По подвалу распространился крепкий запах смородины. Довольно потянув носом, фанатик специальными щипцами взял небольшую склянку и погрузил ее в котел, наполнив до краев. В конце концов, Симеон поднес зелье к губам и сделал большой глоток, наполовину осушив склянку. Развернувшись, он медленно двинулся ко мне, морщась от омерзения. Видимо, поэтому он даже не заметил, что моя голова наклонилась, а руки шарили по креплению соседнего столика.

Когда “праведник” поравнялся со столом Валери, я смог совершить над собой последнее отчаянное усилие, и непослушные пальцы все же провернули замок на правой руке девушки. Благодарно кивнув, она молниеносно освободила вторую руку, после чего с истошным визгом бросилась вперед, прямиком на обидчика.

Симеон, который не мог ожидать от незащитной жертвы такой прыти, остолбенел. Щипцы выпали из его расслабленной руки, и склянка с драгоценным отваром разбилась вдребезги.

Валери толкнула Симеона в грудь, и вместе они на полной скорости врезались в рабочий стол, который примыкал к шкафу. Неисчислимы бутылки и колбочки посыпались с полок, и зал наполнился блестящим стеклянным крошевом. Такого могучего толчка не выдержал и сам шкаф, который сперва накренился над Симеоном и Валери, а затем рухнул.

Падение подняло в воздух клубы пыли, и мне пришлось закрыть глаза от нестерпимой рези. Кровь стучала в висках, страх смерти, помноженный на сильнейшее желание выжить, заставляли сердце биться сильнее, прогоняя яд из сведенных судорогой конечностей. Когда пыль понемногу осела, я смог приподняться на локтях, и теперь изо всех сил пытался размять ноги.

В обломках шкафа послышалось какое-то движение. Я отчаянно надеялся, что это Валери, которой удалось выжить. Хотя разум понимал, что у крепко сложенного фанатика было куда больше шансов выстоять после такого удара. Именно поэтому я не прекращал массировать затекшие мышцы, чтобы вернуть чувствительность ног.

Груда деревянных обломков надулась, как пузырь, после чего рассыпалась на пол, выпростав из-под себя согбенную фигуру Симеона. Мужчина был перепачкан в крови, его лицо покрывали глубокие царапины, оставленные ногтями девушки. Учитывая это, а еще гримасу ярости, он больше напоминал какого-то кошмарного демона войны, нежели живого человека.

В руке Симеон сжимал осколок склянки. Битое стекло врезалось в его ладонь до крови, и ярко-алые капли падали на доски под ногами мужчины.

Поддавшись внезапному порыву, фанатик зарычал, отбросив стенку расколовшегося шкафа в сторону. Под ней обнаружилась Валери, которая тяжело дышала, обхватив себя за плечи. По щекам девушки текли слезы, губы дрожали, как плотина, которая вот-вот прорвется от приступа истерики.

Впрочем, Симеон не дал этому случится — одним расчетливым движением он полоснул бедняжку по горлу. Из глубокого пореза вырвался фонтанчик крови, глаза Валери закатились, и она откинулась на спину, как тряпичная кукла.

“Праведник” резко повернулся в мою сторону. В его зрачках пылали злые огоньки, и я

понял, что он не остановится ни перед чем, чтобы меня уничтожить.

— Ты покойник, Рональд, — ледяным голосом проговорил он, и от этого звучания кровь застыла в моих жилах, точно роса морозным утром.

Мужчина бросился на меня, как одичавший зверь. Его движение было стремительным и свирепым, словно выпад голодного хищника, однако мне удалось толкнуться в сторону. Ноги до сих пор плохо слушались, зато я смог упасть на пол и кубарем покатиться по полу, чтобы избежать смертельной раны. Повезло — осколок колбы лишь слегка резанул меня по ключице.

Впрочем, Симеон даже не думал отступить. Быстро восстановив равновесие, он вновь повернулся ко мне и в два прыжка оказался рядом, намереваясь всадить острие мне в грудь.

Удар, и я успеваю выставить левую руку ладонью вперед. Осколок проходит ее насквозь, вызвав вспышку боли, однако я смог остановить его продвижение. Зарычав, как загнанный в угол зверь, я качнулся вперед и изо всех сил ударил Симеона в челюсть кулаком. Фанатик потерял равновесие и припал на одно колено, чем я и воспользовался — вскочив на ноги, я опрокинул его на пол. Перехватив осколок из своей же ладони, занес над горлом неприятеля...

— Немедленно остановиться! Руки вверх!

— Брось нож!

...и вонзил его прямо в артерию жизни. Раскаленная кровь брызнула мне в лицо, застив взор, но я получил невероятное удовлетворение от содеянного. Никогда раньше не убивал людей, но этот ублюдок заслужил смерти, Солус свидетель!

— Твою мать! Он уже обратился!

— Держи его!

— Стой, ублюдок!!!

Повернув голову, я увидел трех людей в форме ордена Луцис — черные мантии с разрезами у суставов, чтобы не сковывали движения, а поверх них — золоченые кожаные жилеты, которые выступали в качестве легкой брони. В правых руках служители Солуса сжимали короткие мечи, а в левой держали лексианты — специальные фонари-обереги, которые накапливали сияние солнца. Церковники быстро приближались ко мне из дальнего угла зала, видать, там был какой-то дополнительный проход с улицы, которым они и воспользовались.

Я вновь посмотрел на свои руки, перепачканные в крови Симеона. Проклятье, я не был ни в чем виноват, но поди докажи это ревнителям солнечного света! Ну уж нет, если я дамся им в руки, то меня наверняка продержат в заточении не один день, пытаюсь выяснить, что произошло в этом занюханном подвале! Я не могу терять столько времени, пока Марисса в опасности, так еще и не приведи Солус меня обвинят в двойном убийстве и человеческих жертвоприношениях! Именно этим и занимался орден, они боролись с ересью и извращенным представлением некоторых идиотов о том, как правильно поклоняться солнцу, и сейчас в их глазах я являлся злостным нарушителем традиций.

Выход был лишь один — бежать!

— Оставьте меня! — рявкнул я преследователям и бросил в них подвернувшуюся под руку склянку. Понятия не имею, что в ней было, скорее всего какая-нибудь притирка от ожогов или то же снотворное. Однако члены ордена Луцис не на шутку перепугались, бросившись от сосуда врассыпную — видать, решили, что это какая-то огненная бомба. Громко захохотав, я побежал к лесенке, и буквально в два приема поднялся на первый этаж

дома Симеона, ведь онемения в конечностях как не бывало. Борьба за выживание бодрит получше кофейного отвара!

Оказавшись наверху, я захлопнул тяжелую крышку люка и щелкнул задвижкой. Не думаю, что это очень надежная конструкция, но она хоть немного задержит преследователей. Посмотрев на свою левую руку, я увидел, что небольшой осколок стекла до сих пор оставался в моей ладони. С отвращением швырнув его в сторону, я выскочил наружу и припустил по пустынной ночной улице в сторону трущоб. Если мне и удастся где-то затеряться, то только там, в бесконечном лабиринте самостроев, которые не регулировались никаким законом.

Желаю вам удачи, орден Луцис! Так просто я не сдамся!

Пакмут Боуен

— Запрягай, Пак! — раздраженно приказал Харман, который в последний раз проверил “сахар” и прикрыл его другим, подставным товаром. Ящики с двойным дном — классический прием контрабандистов, любой стражник расколется на раз. Но для того и служили взятки, на которые Пит никогда не скупился.

— Уже заканчиваю, — недовольно буркнул я, с трудом задушив зевоту в зародыше. Харман не любил, когда я приходил на дело не выспавшимся, однако какой тут к черту сон после встречи с рексителями!

— И где ты шлялся всю ночь? — смерил он меня презрительным взглядом. — Еще и притащил хрен знает кого...

— Не переживай, брат. Это мой давний кореш. С детства хлеб из пекарни таскали! Да он мне как родной!

— Чтоб больше так не делал, понял? — прошипел он мне в лицо. — Еще одна подобная выходка, и мы с тобой попрощаемся, Пак. Последнее предупреждение!

— Не горячись, Харман. Не горячись, — поднял я руки. — Сделаем дело, и я отправлюсь в Минакс, начну свое предприятие. Договорились?

— Это можно, — облегченно выдохнул старый контрабандист. Видать, я ему и правда порядком надоел! — Ну что вы копаетесь, неумехи? — рявкнул он на работников, которые только вышли с постоянного двора. — Мы уже должны были выехать! Не успеем до смены часовых на воротах, и плакали наши денежки!

С привычными, и я бы даже сказал ласковыми криками начальника мы все же приготовились к выходу. Навьюченные яниты, сами еще не успевшие окончательно проснуться, лениво передвигали свои мускулистые ноги. Массивные тела животных, покрытые темной шерстью, больше напоминали медведей по комплекции, однако характер янитов был куда ближе к покорным ослам.

Этих невероятно выносливых животных вывели чуть больше ста лет назад в Школе Инкантации. Маги дисциплины Коммутацис, которые специализируются на изменении материи, до сих пор регулярно экспериментируют с живыми организмами. Они ищут способы преобразовать уже существующие природные конструкции, чтобы сделать их надежнее, лучше, “правильнее” по их собственному пониманию. Говорят, они не гнушались ни мутациями, ни скрещиванием, ни механическими вставками, лишь бы добиться нужного результата. В окрестностях Аврониса, города, который приютил Школу, народ частенько слагал легенды о плодах ужасных неудавшихся опытов, о чудовищных созданиях, которые бродят по лесам и степям Ригиторума в поисках добычи. Впрочем, я нисколько не сомневаюсь, что уж где-где, а в закрытом сообществе магов Коммутацис должны работать только самые ответственные и надежные люди, которые не позволят даже спятившим животным вырваться на волю. Ну не могу я поверить, что монстры, которые на самом деле терроризируют путешественников, а порой нападают и на небольшие поселения, выведены искусственно. В конце концов, в мире всегда водились страшные создания, даже задолго до появления Ригиторума как такового. Вспомнить хотя бы войну великанов с бывшими хозяевами этих земель! Да и к тому же из-за всеобщего недовольства, Коммутацис перенесли

свою резиденцию куда-то на восток, как можно дальше от густонаселенных районов королевства.

— Следи за дорогой, Пак, — одернул меня Руби, который сидел со мной на козлах одной телеги. Я благодарно кивнул и потянул поводья налево, чтобы не переехать спешившего по делам господина.

Караван прошествовал по Смольному переулку, который протянулся на добрые пять километров, после чего свернул на Первый Радиус. Своими названиями городские улицы были обязаны форме Крэнстауна, который с высоты птичьего полета выглядел как идеальная окружность. Именно поэтому от центральной площади города во все стороны протянулись прямые лучи, прозванные Радиусами, и каждому был присвоен свой номер.

Первый должен был вывести нас к южным воротам, откуда начинался прямой путь к приморью, родине Пита Хармана. Привстав на козлах повозки и обернувшись, я смог разглядеть в предрассветной дымке главную площадь Крэнстауна и очертания Бастиона. Когда-то давно именно с этого укрепления начинался город, когда передовым полкам армии Ригиторума требовался надежный перевалочный пункт. Возвели стены, пару сторожевых башен.

Войску не выжить без обслуги, будь то поставки припасов, повара, носильщики, работники обозов, жрицы любви, медики и многие, многие другие. К лагерю тут же стали подтягиваться представители чуть ли не всех ведомых профессий, а на свое щедрое жалование солдаты могли многое себе позволить. Так мало-помалу вокруг простого плацдарма для движения на запад сформировалось настоящее поселение с шумными гуляниями, стайками детей, целыми районами ремесленников и Солус ведает чем еще. Века сменялись веками, в окрестностях Крэнстауна обнаружили выход магмы к поверхности земли, оттого стало выгодно переместить сюда производство вооружения для все растущего войска короля. Теперь город было не узнать, ведь он смело вошел в первую тройку Ригиторума по числу населения.

Вновь повернувшись по ходу движения, я крепче взял поводья. Где-то через часик неспешного движения по Первому Радиусу мы подойдем к воротам аккурат к смене караула. Стражников, которые наверняка уже валятся с ног от усталости, будет легко одурачить. В этот час любой уважающий себя хранитель правопорядка мечтает лишь о том, чтобы доползти до казарменной койки. Так отчего же не пропустить безобидный на вид караван с текстилем? Ну а если заартачатся... Как я понимаю, у Хармана еще был запас серебра на случай непредвиденной взятки. Дай Солус, последней на всем предприятии. Скорее бы отделаться от “сахара”! Еще и вся эта история с рексителями... Надеюсь, Руби не выкинет на встрече какой-нибудь фокус.

— Эй, Руби? — тихонько обратился я к соседу по повозке.

— Чего тебе? — буркнул здоровяк, даже не повернув головы.

— Слушай, браток. Ты ведь не собираешься втягивать нас в заварушку, не так ли?

— На кой хрен мне это надо? — искренне удивился мужчина, глянув на меня через плечо.

— Вот и я думаю. У тебя задание, ты должен сведения предоставить. Думаю, сделка пройдет как по маслу. Я прав?

— Это ты мне скажи, Пакмут, — хрюкнул рекситор. — Я в ваших делах ни черта не смыслю. Но я обещаю — от меня никаких проблем не ждите. Приказ был четким, сидеть тихо и не отвечивать. Если все пройдет по плану, после встречи я от вас слиняю и двину по

следам мятежников.

— И больше мы никогда не увидимся, — кивнул я, заискивающе глядя в глаза собеседника.

— Кто знает? — неуверенно пожал он плечами.

Я все ждал, что мне удастся разговорить Руби, втереться к нему в доверие. Вот только бывалый рекситор, несмотря на свои габариты и впечатление не самого умного парня на деревне, не поддавался на провокации и игнорировал мои попытки заговорить. Бросив это дело, я сосредоточился на управлении повозкой, и дальнейший путь мы провели в молчании.

Дорогие постоянные дворы и гостиницы, выстроившиеся по обеим сторонам от Первого Радиуса, сменялись ресторанами и питейными заведениями. Крэнстаун исторически был городом для крепкого рабочего люда, кому не требовалась излишняя роскошь. Однако даже в таком сугубо промышленном центре Ригиторума жили владельцы производств и большого количества доходных домов, ведь вопрос недвижимости тут стоял как никогда остро. Управлять делами из Минакса практически невозможно, и несчастным богачам пришлось делить Крэнстаун с массами неотесанных мужиков, которые возвращались по своим каморкам с тяжелых смен, перепачканные грязью и сажей.

Разумеется, нашлись дельцы, которые смогли удовлетворить спрос сливок здешнего общества в предметах роскоши. За последние два десятка лет старый город Крэнстауна превратился в богатейший район, где за одну ночь в однокомнатной халупе просили больше, чем за месяц жизни на севере. Старые мастерские ремесленников и небольшие лавки местных жителей перенесли как минимум за Второе кольцо, чтобы не смущать благородных господ видом и запахами грубой работы. Теперь ближе к центру Крэнстауна можно было увидеть лишь парфюмерные и ювелирные магазины, салоны с дорогой одеждой и представительства крупнейших банков Ригиторума. Нормальному человеку даже поесть теперь негде, но, слава Солусу, стража пока пускает торговые караваны через старый город транзитом. Иначе приходилось бы давать большущий крюк по рабочим кварталам, с узкими улицами и вороватыми людьми. За ними глаз да глаз нужен — на секунду отвернешься, а вещички уже увели.

Дальнейший путь до южных ворот мы преодолели без происшествий. Умные яниты прекрасно держали свое место в колонне, ими в принципе очень легко править. По правде говоря, мне даже удалось слегка вздремнуть на ходу, прикрыв веки до узкой щелочки, чтобы быть готовым в случае чего все же схватиться за поводья.

Широкое пространство привратной площади оказалось освещено скудными лучами рассветного солнца. Детали скрывал полумрак, образованный кольцом высотных жилых зданий, которые брали начало чуть ли не вплотную от городской стены. На площади кишело большое количество народу. Крэнстаун, как и любой промышленный город Ригиторума, никогда не спал. Фабрики и литейные цеха работали денно и нощно, караваны с сырьем и готовым товаром проходили через все ворота без перерыва, поэтому я не удивился толпе недовольных ворчунов. Угрюмые мужики лениво плелись домой со смены, либо наоборот — только начинали свой рабочий день.

Харман, восседавший на головном яните, вел всю колонну за собой через сплошное человеческое море. Конечно, многие самостоятельно расступались перед могучими животными. Однако начальнику то и дело приходилось окрикивать зазевавшихся прохожих, либо даже пускать в ход кнут, которым он со всей дури лупил по камням площади прямо под ногами самых настырных горожан.

— Куда прешь, уважаемый?! — рывкнул он на седого мужика, который на полном ходу врезался в повозку Хармана.

— Разъездились тут! — пробурчал старик, который даже не пытался скрыть раздражение. Показав извозчику неприличный жест, горожанин ловко увернулся от удара кнута и растворился в толпе.

— Ты посмотри на него! — хмыкнул я, наблюдая за сединой, которая периодически выныривала в толпе то тут, то там. — Ведь знают, что торговцы по этому тракту снуют без остановки, убиться могут вообще легко. А вот надо ж им все равно под колеса прыгать!

— Когда-нибудь караванщикам позволят применять боевое оружие, помяни мое слово! — ожесточенно рывкнул Харман через плечо. Несколько человек в страхе отпрянули, словно только что проснулись от его зычного голоса.

— То-то выйдет потеха! — я плотоядно улыбнулся, представив, как прокладываю дорогу к своему прилавку в Минаксе, рассекая всех встречных здоровенной саблей. Впрочем, на самом деле я не был таким уж кровожадным ублюдком, скорее наоборот — во всем Ригиторуме меня знали как человека миролюбивого и спокойного. Однако столпотворение на дорогах могло довести до исступления даже самого терпимого жреца Солуса.

— Ты что думаешь, Руби? — ткнул я громилу в бок, совсем забыв, что мы с ним по разные стороны баррикад. — Хотел бы пройтись по этой толпе своим боевым молотом? Или что ты там предпочитаешь для... тесных контактов?

— Нет ничего надежнее собственных кулаков, собственного тела, — пожал он плечами. — Оно тебя никогда не подведет, если держать себя в форме!

— То-то я смотрю ты весь такой оформленный, — охотно кивнул я в ответ, оценив внушительные размеры пивного брюха Руби и заплывшие жиром руки.

— А то! — самодовольно улыбнулся он и напряг кулаки. — Да я спокойно быка на скаку оглушу, веришь?

— Как уж тут не поверить! Если ты так говоришь, иначе и быть не может!

— То-то же, — пробормотал здоровяк и откинулся на спинку фургона, подложив руки за голову.

Тем временем обширная привратная площадь подходила к концу, и вот уже перед нами замаячил портал южных ворот Крэнстауна. Как и предполагал Харман, к рассвету стражники выглядели совсем никакущими — у половины из них глаза оставались закрытыми, и в вертикальном положении они оставались лишь благодаря тому, что опирались на удачно заклиненные между дорожных плит копыя.

С юга на площадь ворвался порыв холодного ветра, а за крепостной стеной раздалась трель степной птицы. Разбуженный этими событиями начальник стражи устало проморгался, после чего наконец заметил приближение каравана.

— Стоять! Подорожную грамоту и справку об уплате выездной пошрины! — выставил он руку ладонью вперед. — Накладную на товары, а также не забудьте отдернуть полотно с груза!

Впрочем, Харман, который проходил пункты досмотра всю свою сознательную жизнь, уже давно остановил янитов и спрыгнул на землю, доставая из походной сумки бумаги и делая необходимые распоряжения. Я спустился с высокого фургона и потянулся, разминая уставшие плечи. Руби продолжал посапывать на своем месте, и со стороны казалось, будто он уже давно испустил дух. Я неодобрительно хмыкнул и пошел к задней стороне повозки, чтобы развязать защитную попону и открыть все бочки и амфоры. Благоухание масел и

приправ, которые привезли аж из Южного Садервейла, вскружило мне голову. Проклятье, я все эти дерьмовония на дух не переношу! Видит Солус, если бы я успел позавтракать, сейчас бы уже давно подмешал в это масло чего-нибудь лишнего.

С трудом подавив рвотный позыв, я вышел из фургона, чтобы вдохнуть свежего воздуха. А ведь народ готов десятки золотых отдавать за крохотный флакончик пахучей слизи, которую приличный человек даже в нужник постесняется поставить. Что ж, у богатых свои причуды! Мы хотя бы не занимались продажей этого дерьма всерьез — так, толкнем пару флакончиков для виду, и вновь колесим по дороге. Основной навар, разумеется, после “сахара”, шел с текстиля — украшенные тонкой вышивкой ткани, деликатный шелк из южных провинций улетал с прилавков как горячие пирожки. Задержись мы в Крэнстауне еще хоть на денек, смогли бы без особых усилий распродать товар без остатка, чтобы поменять верхние отделения в двойных ящиках местным ходовым товаром — мехом и сырами от Крэнстаунских животноводческих ферм. Впрочем, стражников такая резкая смена планов караванщика не должна удивлять — все же дерьмовония и ткани отлично продаются по всему Ригиторуму, так что узнав слухи о повышении цен в Приморье, Харман мог запросто принять решение покинуть рынки Крэнстауна в погоне за лишним барышом.

Начальник стражи закончил проверку бумаг и двинулся вдоль ряда повозок, заглянув сперва в головной фургон. Несколько бойцов присоединилось к нему, сразу двинувшись к дальним янитам, чтобы быстрее провести караван через ворота. Наметанный глаз контрабандиста уловил, как тугой мешочек перекачовал из походной сумки Хармана во внутренний карман командира, а, значит, подробный осмотр нам не грозил. И верно — мужчина исключительно для вида приподнялся на одной ноге в фургон вожака и тут же спрыгнул обратно, чтобы поскорее закончить досмотр и отправиться домой — до прихода сменщиков оставалось всего-ничего. Я как будто мог прочесть мысли старого солдата, хотя, уверен, у всех привратников после получения взятки они были примерно одинаковыми: “Вот, распушу своих парней, а сам завалюсь в кабак. Сначала выпью за здоровье караванщика, затем восславлю короля нашего Десмоса, под носом которого процветает контрабандизм, и схожу в ювелирку. Куплю любовнице какую-нибудь симпатичную безделицу, и весь выходной проведем в постели. Вот это жизнь!”

К несчастью, планам раскрасневшегося от удовольствия командира стражи не суждено было сбыться. Посреди мечтательной физиономии мужчины вдруг расплылось красное пятно, а прямо за ним в стенке фургона громким чавканьем вырос толстый металлический стержень.

Тяжелый арбалетный болт пробил череп офицера навывлет, завязнув в крепкой древесине. Горячая кровь брызнула мне в лицо, и в ярко-красной пелене, что туманила взор, я бегом бросился к своему фургону.

— Бандиты!

— Контрабанда!

— Убийцы!!! — заорали со всех сторон, а на ближайшей к нам башне забил тревожный колокол. На его зов скоро придут свежие силы стражников, значит, нам срочно нужно рвать отсюда когти! Отпихнув в сторону зазевавшегося паренька в форме стражника, я вспрыгнул на место извозчика и крепко стегнул обоих янитов по крупам. Животные поспешно бросились вперед, объехав застрявший фургон Хармана. В горячке побега я даже не заметил, как несколько стрел, выпущенных стражниками, врезались в фургон в опасной близости от моей головы.

Вытерев кровь с лица, я смог увидеть, что жоака каравана уже повалили на землю. Впрочем, солдаты не торопились связывать Хармана — сперва они от души пинали контрабандиста, и я увидел, как из разбитого носа Пита брызнула кровь.

Теперь я стал ведущим каравана, и немногие уцелевшие под обстрелом извозчики устремились за мной. Стражник на посту уже начал вращать ворот, однако такую махину невозможно закрыть сиюминутно — я спокойно успевал проскочить в оставшийся зазор. Но успеют ли мои последователи? Боюсь, этого не знал никто.

Однако что еще мне оставалось? Кому не повезет, тому не повезет. Я уж точно не собирался оставаться здесь, чтобы разделить горькую судьбу Хармана и других участников каравана, кто так и не выберется из города.

Когда повозка с грохотом проскочила по камням внутри ворот, один из стражников, видать, самый охочий до наград и продвижения по службе, успел запрыгнуть на порожек. Я дернул поводья в сторону. Парень, чуть было не проткнувший меня мечом, потерял равновесие и всплеснул руками в воздухе, отцепившись от поручня. Я услужливо помог ему отцепиться от фургона, пнув ногой прямо в брюхо.

Как только повозка выехала из портала южных ворот, я вновь остался один. Кстати, почему один?

Бросив взгляд вправо, я только сейчас заметил, что Руби исчез со своего места. В воцарившейся на площади суматохе я не успел увидеть, что с ним стало. Схватили? Пристрелили? С другой стороны, с чего я вообще о нем беспокоюсь? Судьба прислужника рекситоров должна интересовать меня в последнюю очередь! Сейчас нужно было убраться как можно дальше от Крэнстауна, благо, опыта выживания в условиях преследования со стороны властей у меня было хоть отбавляй.

Что же пошло не так? Что нас выдало? Неужели кто-то из новичков Хармана разнервничался, когда особо ретивый стражник решил покопаться в ящиках и нащупал двойное дно? Это даже звучит бредово! Старый Харман всегда давал четкие инструкции на любой непредвиденный случай, и своих работников наверняка вышколил так, что они дали бы фору Хищникам Ангрета.

Тогда кто? Рекситоры? Руби? На кой им это нужно, если успех нашей контрабанды мог дать им сведения о повстанцах Гильберта? Тоже мимо...

Фургон налетел на кочку, однако мне удалось остаться на дороге. Бросив взгляд через плечо, я увидел, что около трех повозок все-таки вырвались из города, и теперь караванщики во весь опор неслись по моим следам.

Так, если это не рекситоры и не ошибка работников, то что? Неужели среди людей Хармана завелся предатель, который за деньги согласился сдать груз страже? Скорее всего так оно и было! Тогда вопрос — остался ли он в Крэнстауне, или движется сейчас с одной из повозок? Может, в условия сделки входила сдача всего груза? И как мне теперь доверять этим сукиным сынам?!

От досады я еще крепче хлестнул янита по спине. Об этом мы еще успеем подумать, когда доберемся до другого города. Оставаться в области Крэнстауна — все равно, что самому сунуть голову в петлю. Приняв решение отказаться от сделки с Гильбертом, учитывая, что он все равно не согласится взять так мало товара, я уверенно направил лошадей с главного тракта по небольшой проселочной дороге, чтобы затеряться среди окрестных деревень.

Оглушительный грохот раздался за моей спиной, а фургон будто отрастил крылья и

начал подниматься в воздух. Оглушенный взрывной волной, я даже не успел сообразить, что произошло, как мгновение стремительного полета закончилось. Потеряв дорогу, колеса повозки резко ушли на обочину, а выпутавшиеся из привязи яниты стремглав унеслись вперед, скрывшись в молодом лесу поодаль.

Меня же выбросило с козел, и я пролетел несколько метров, лицом пропахав длинную борозду в дорожной грязи. Нос и рот забились отвратительной рассыпчатой землей, по коже побежали струйки крови из многочисленных ссадин.

Когда я пришел в себя и смог оторвать голову от дороги, то первым делом выплюнул комок грязи и шумно высморкался. Бегло оглядев свое тело, я понял, что руки-ноги на месте, никаких серьезных травм я не получил. Уже неплохо! Попробовал встать на ноги, и...

Обжигающая боль пронзила мое бедро, и я вновь повалился на землю, отчаянно бранясь. С небольшой задержкой моего слуха достиг звук пальбы из пищали — проклятый стрелок попал по мне с большого расстояния, а, значит, был чертовски метким. С таким лучше не шутить.

С трудом борясь с подступающими рыданиями, я начал аккуратно перекатываться под прикрытие завалившегося на бок фургона. Может, получится встать на четвереньки и уковылять в лес, к сбежавшим янитам? Однако дуло еще одной пищали, которое вдруг выросло из придорожных кустов, считало иначе.

— Сиди тихо, Пакля, и тебя не тронут, — услышал я знакомый голос. Повернув голову направо, я увидел плешивого мужичка из трактира, который лениво прикуривал трубку.

Встретившись со мной взглядом, рекситор приветливо подмигнул.

Ханнар Вирс

Дикари с изуродованными звериным оскалом лицами уже почти настигли меня. Я был абсолютно беззащитен перед замахнувшимся молотом эрветом, но товарищи по полку не позволили мне умереть. Кто-то обхватил меня со спины обеими руками и резко дернул на себя, повалив на землю. Краем глаза я увидел, что мое место в строю занял Давур. Молодой боец храбрился, но даже в его непримиримом взгляде я увидел тень сомнения.

Неизвестный мне солдат продолжал тащить меня в центр строя, где отсиживались раненные бойцы, укрытые от вражеских стрел большими деревянными щитами-навесами. Спаситель положил меня к остальным бедолагам и вернулся в бой, чтобы с честью отдать свою жизнь.

Эрветы продолжали напирать, их числу не было конца. Со странной, несвойственной мне отрешенностью я вдруг понял, что это конец, Несмотря на успех, который долгие годы сопутствовал моей службе в Восьмом полку, это не могло длиться вечно. Солдаты сражаются и умирают, причем смерть является неизбежным спутником любого отряда.

Я надеялся, что смогу избежать столь незавидной участи. Думал, что мне-то уж точно повезет. Отслужу несколько лет, а потом вернусь домой, с деньгами и почетом ветерана освободительных войн. Однако каждый раз командир просил меня остаться еще на год. А потом еще. Жалование в войсках Ригиторума было слишком внушительным, а покупка хорошего дома требовала больших вложений. Я понимал, что сильно рискую, но перед тем, как уйти на покой, мне хотелось обеспечить своим детям безбедную жизнь. Ну и себе, разумеется, до конца своих дней.

— Что ж, выходит, так и получилось, — вдруг сказал я вслух и засмеялся. Воевать всю молодость, дослужиться чуть ли не до седых волос, чтобы сгинуть в каком-то Солусом забытом месте за дальним рубежом королевства!

Мои размышления прервал громкий шум, раздавшийся как будто в нескольких шагах. С трудом оторвав голову от земли, я вгляделся в ряды сражающихся. Глаз быстро вычленил из массы бойцов тех самых дикарей в одеянии из перьев с металлическими сетками. Около шести таких эрветов сжимали в руках сердца, вырезанные из тел павших бойцов Восьмого полка. Чертовы шаманы вымазались в крови наших боевых братьев, нанеся на тела что-то вроде рунических символов. Закатив глаза, они смотрели в небесную даль, нараспев читая непроизносимую молитву. Набор высоких и низких гортанных звуков перемежался скороговоркой на непонятном языке, при этом безумные заклинатели будто тряслись в еле сдерживаемом экстазе.

Посмотрев направо, я увидел наших дисциплис Экцизес — магов, отнимающих жизнь. Пятерка молодых колдунов выглядела жалко, как кучка потерявшихся котят. Они нелепо оглядывались по сторонам, словно ища поддержки, но никому не было до них дела — все способные держать оружие солдаты бились на передовой.

— Какого черта?! — рявкнул неизвестный мне боец, чья правая рука была отнята чуть выше локтевого сустава. Из-под тугих бинтов по-прежнему сочилась струйка крови. — Почему они не убьют этих грязных эрветских знахарей?

— Они пытаются, — сказал я, выпученными от удивления глазами продолжая пялиться

на магов королевства. За долгие годы службы мне еще ни разу не доводилось видеть кого-то из дисциплин Экцизес в таком состоянии. Отнимающие жизнь всегда были уверенными в себе надменными негодьями, которые презирают всех окружающих. Видимо, владение силой, которая давала способность умертвить кого хочешь лишь одним словом или жестом, накладывала на их характер свой отпечаток. А, быть может, в Экцизес изначально набирали лишь тех, для кого человека убить, что высморкаться. Оттого вид растерянных колдунов вызвал во мне чувство полного опустошения. Если даже эти могучие чародеи ударились в панику, значит, мы в самом деле обречены.

— Давайте еще раз! Соберитесь! Поток Тральвена! — судорожно прокричал Калед, лидер пятерки Экцизес. Те постояли в нерешительности, но потом как бы нехотя кивнули и сошлись в круг. Маги принялись выполнять пассы руками и произносить слова, чтобы сформировать разрушительное заклинание. Первые несколько секунд ничего не происходило, но вдруг на кончиках пальцев колдунов стали потрескивать крохотные искорки разрядов. Напитываясь магией, эти импульсы становились все длиннее и ярче, превратившись в ярко-синие послеобразы от движения рук магов. Вокруг раздавались предсмертные стоны и визг атакующих дикарей, сталь громко ударялась о сталь, но Экцизес продолжали работу. Даже когда шальная стрела вонзилась в грудь единственной девушки в их рядах, она лишь едва заметно дернулась и побледнела, но не перестала творить заклинание.

Вскоре несколько длинных протуберанцев колдовской энергии переплелись друг с другом, сформировав что-то вроде высокого дерева, сотканного из голубых всполохов. Дерево это поднялось высоко над копошащимися внизу людьми, над крышами окрестных домов, накрыв своей тенью все поле боя. Изогнувшись, как горшок из сырой глины в руках неумелого гончара, это средоточие силы не удержалось под собственным весом и рухнуло наземь, прямиком на цепочку увлекшихся своим колдовством шаманов.

Все пространство между Экцизес и колдунами эрветов вспыхнуло, будто щепотка пороха от попавшей на него искры. Ярчайший синий свет больно резанул по глазам, и мне пришлось зажмуриться. Лишь через несколько секунд я смог аккуратно приоткрыть глаз.

В рядах бойцов образовалась настоящая просека из выжженной земли. Не меньше пяти десятков солдат Восьмого полка, которые грудью защищали Отнимающих жизнь от эрветов, превратились в горстку головешек. Колдуны приняли решение использовать самое разрушительное средство из своего обширного арсенала, не тревожась о сопутствующем ущербе.

Конечно, заклинание всерьез ударило и по врагам. Гигантское поле позади погибших воинов Восьмого полка оказалось усеяно обугленными телами эрветов. Целые комья пепла и черной сажи поднялись в воздух, оседая на белоснежных доспехах регулярной армии Ригиторума и сделав их грязно-серыми. На моих зубах закрипела пыль, которая несколько секунд назад еще была моими боевыми товарищами. Не сдержав эмоций от столь нелепого и абсолютного акта чистого разрушения, я расплакался, как маленький ребенок. Вид сотен живых людей, которые в считанные мгновенья превращаются в прах, может любого выбить из колеи.

Когда пепел немного осел, среди спекшихся в единую липкую массу тел я увидел шестерых эрветских шаманов, которые как ни в чем не бывало продолжали свой чудовищный обряд. Колдовской огонь, который слизал чуть ли не целое войско, не смог причинить им никакого вреда.

— НЕТ! НЕТ!!! — закричал Калев, в отчаянии упав на колени и обхватив голову. Все тело Экцизес сотрясали глубинные рыдания, он уже не отдавал отчета в том, что делает. Воздух вокруг колдуна начал дрожать, как над костром, и в скором времени лидер магов просто растворился в коротком волшебном сиянии.

Он не смог выдержать позора и предпочел уйти, так и не взглянув в глаза людей, чьих друзей и братьев он убил ради бессмысленной попытки.

По бескровным щекам девушки со стрелой в груди покатались слезы, и она молча рухнула навзничь, отдав Солусу душу. Трое оставшихся магов бросились вперед, навстречу врагам, которые очень быстро затянули пробитую их колдовством брешь. Место сожженных эрветов уже заняли свежие силы, готовые к бою, и после короткой схватки и нескольких чародейских вспышек все было кончено. Впрочем, Экцизес дали бойцам Восьмого необходимое время, чтобы отступить и сомкнуть строй, сжавшись в плотное кольцо вокруг лежанок с ранеными.

— О Солус... — только и прошептал Кармайн, вернувшийся с передовой. Весь забрызганный кровью, своей и чужой, командир полным печали взглядом окинул поле сражения. Шаманы эрветов стали распевать еще громче, подавляя волю Восьмого к сопротивлению и, напротив, поддерживая боевое безумие дикарей. Магические фокусы Экцизес не возымели никакого эффекта, но было ясно как день, что единственный шанс на спасение — убить проклятых заклинателей.

Понимал это и Кармайн.

— Аркебузы! — рявкнул он, бешено вращая глазами в орбитах. — Почему молчат аркебузы?! Они могут быстро уничтожить эту шваль! Эй ты!

Палец командира ткнул в мою сторону.

— Сержант Вирс, сэр!

— Бегом в тыл! Найди стрелков и заставь их заткнуть вражеских шаманов! Выполняй! — сказал командир и передал мне красный вымпел.

— Есть, сэр!

Отсалютовав командиру, я бодро вскочил на ноги и ринулся через ряды Восьмого полка, расталкивая столпившихся в тылу бойцов. Сумасшедшая энергия Кармайна, которую он передал мне со своим приказом, будто излечила мое ранение. Да, грудь все еще сжимало столлярными тисками, а воздух с трудом раздувал травмированные легкие. Но я знал, что аркебузиры сейчас были единственной надеждой Восьмого полка на благоприятный исход схватки, а потому бежал из последних сил.

Проклятые эрветы хорошо спланировали атаку. Они дождались, когда весь отряд королевской армии окажется внутри стен поселения, и лишь затем напали на нас сокрушительной лавиной. Хвостовая часть колонны оказалась отрезана от проема в стене подступившими со спины дикарями, так что на деле весь полк оказался в окружении.

Добравшись до последней линии бойцов, я увидел, что солдаты не могли сдержать натиск эрветов и отступали все дальше от спасительных ворот. Собрав вокруг себя несколько человек, я помахал вымпелом специального назначения.

— Командир Кармайн приказал прорваться к стене и помочь аркебузирам! Стрелки должны работать!

— Ты рехнулся? — истерично провизжал худосочный боец с большим родимым пятном на щеке. — Разуй глаза, они все давным-давно мертвы!

— Закрой пасть, салага! — рявкнул вынырнувший у меня из-за плеча Давур, который,

по всей видимости, увязался за мной еще от Кармайна. — Приказ командира не обсуждается! Сержант Вирс, принимайте командование!

— Даже если они мертвы, мы должны сами добыть аркебузы и открыть огонь по шаманам врага! Бойцы Восьмого полка! За мной! — прокричал я после того, как благодарно кивнул Давуру и принял у кого-то запасные меч и щит. — Бегом марш!

Небольшой отряд в десять человек ринулся в сторону линии фронта.

— Передовая шеренга, расступись! — рявкнул я, попытавшись перекричать оглушительный шум сражения. К счастью, солдаты Восьмого меня услышали и дали дорогу.

Наш клин, отмеченный вымпелом, который я прикрепил к шлему, врезался в ряды эрветов, как нож проходит через незащищенную плоть. Перед столкновением с дикарями я подпрыгнул и обрушился на ближайшего врага всем весом, толкнув его выставленным плечом. Противник повалился назад, увлекая за собой нескольких соседей. В образовавшуюся брешь тут же хлынули мои товарищи, размеренно нанося удары своими клинками.

Рядом с собой я увидел и знаменитого Ганта — одного из сильнейших воинов полка, который никогда не расставался со своим двуручным мечом. Мастерство этого свирепого воина было безупречным — Гант лихо крушил врагов своим чудовищным оружием, буквально разрубая их податливые бездеспешные тела пополам. Своей крепкой латной перчаткой он не боялся перехватывать двуручник прямо за лезвие, чтобы наносить удары тяжелым противовесом как дубиной, а заодно использовать силу рычага, взрезая грудные клетки и распарывая животы.

Несмотря на наши отчаянные усилия, клин солдат регулярной армии королевства пока так и не проложил себе путь через море эрветов. С абсолютным презрением к смерти дикари продолжали бесстрашно бросаться прямо на наши мечи. Они завалили дорогу к стене собственными телами, и мои ноги не могли найти твердую опору, скользя в крови и внутренностях десятков врагов.

В груди то и дело возникали вспышки нестерпимой рези, забитые мышцы отказывались повиноваться, и я с трудом поднимал оружие, чтобы отразить очередную атаку. Давур напирал по левую руку от меня, однако молодой боец уперся в отчаянное сопротивление целой толпы дикарей, что то и дело били дубинами и топорами в его щит, блокировав продвижение. Я понял, что у нас оставались считанные секунды до того момента, как клин окончательно утратит наступательную силу. Хуже всего тот факт, что мы даже отступить были не в состоянии — пробитая моим десятком дыра в рядах эрветов уже затянулась прямо за нашими спинами. Я вновь оказался в окружении!

— Ну, это уже не смешно! — в сердцах крикнул я, выбросив руку с зажатым в ней мечом в сторону ближайшего дикаря. Глаза человека, и без того выпученные от боевого безумия фанатика, округлились еще сильнее, когда острое клинка пробило ему горло и распорол артерию жизни. Кровь фонтанчиком брызнула прямо мне в лицо, и зрение заволочла багровая пелена. Инстинктивно зажмурившись, я случайно опустил щит, в который толклись новые эрветы, и проклятым дикарям удалось прорваться через нашу оборону.

— Твою мать! — рявкнул Гант, после чего раздался оглушительный треск костей. Меня обдало новой волной горячей крови, в нагрудник ткнулось что-то острое, однако удар прошел по касательной. Получив тычок в левое плечо, я припал на одно колено, но смог устоять.

Быстро утерев глаза тканевым рукавом, я смог посмотреть перед собой. Оказалось, эрветы вклинились в узкое пространство между несколькими уцелевшими солдатами Восьмого полка, в то время как остальные уже лежали на полу, пополнив собой тяжелейшие потери Ригиторума в этот день скорби. Враги чудом не добрались и до меня, а все благодаря Ганту, который отважно ринулся вперед, грудью закрыв сослуживцев от неминуемой гибели. Здоровяк, превосходивший меня по росту на полторы головы, выписывал своей двуручкой смертоносные круги над головой, и никто из эрветов не рисковал подойти к нему на длину клинка. Обернувшись на нас с Давуром и еще двух бойцов, что стояли на ногах, он громко заорал:

— Вперед!!! — и ринулся навстречу смерти.

Закованное в сталь тело гиганта проломило хлипкий строй дикарей, как ботинок разбивает едва схватившийся лед на поверхности лужи. Гант обрушивал двуручник то влево, то вправо, разя эрветов наповал. За могучим воителем образовался широкий проход, и мы не упустили случай им воспользоваться. Давур продолжал идти по левую руку от меня, щитом отбивая нападки противника. На контратаку у него не оставалось ни времени, ни сил — сейчас парень мог думать лишь о собственной жизни.

Я в свою очередь развернулся спиной вперед, и теперь семенил за Гантом задним ходом, чтобы надежно прикрыть правый фланг нашего крохотного отряда. Пара бойцов прикрывала тыл, дерзко отвечая на выпады эрветов.

Несмотря на всю мощь и богатырскую силу Ганта, он все же был обыкновенным человеком, а не легендарным рыцарем-башней. Он отважно бился с превосходящими силами противника, однако эрветы то и дело умудрялись прошмыгнуть под его смертоносным клинком. Неумелые удары диких людей были практически безобидны, но эти ублюдки оказались слишком упорными. Они теряли одного, двух, пятерых бойцов, но все равно лезли вперед, чтобы ткнуть Ганта тупым кинжалом в уязвимое сочленение доспехов и тут же погибнуть, начисто лишившись головы. Однако раз за разом Гант получал все больше и больше незначительных царапин, которые, тем не менее, сильно кровоточили. Видать, ублюдки использовали яды, что нарушают свертываемость крови. С каждым шагом здоровяк терял все больше и больше сил, ему было труднее замахиваться тяжелым мечом, делать очередной шаг.

— Держись, брат! Держись, родной! — кричал Давур в спину здоровяку, с ужасом наблюдая за его шаткой походкой. — Еще совсем немного! Ну же!

И он был прав — до деревянной стены искусственного поселения оставалось лишь несколько шагов. Когда мы почти добрались до внешнего укрепления, Гант пошатнулся и встал на одном месте. Оружие выпало из его ослабевшей руки и с глухим чавканьем погрузилось в толстый слой грязи.

Эрветы с дикими воплями набросились на Ганта, изливая на него всю свою ненависть. Жажда крови великого воина начисто лишила их разума, и эти “люди”, которых даже людьми назвать можно лишь с большой натяжкой, облепили великого мечника с ног до головы, как жуткие насекомые.

Гант с трудом повернул голову и бросил на меня последний взгляд. В его глазах читалось полное спокойствие.

— Спасибо, брат, — тихо проговорил я.

Сразу после этого здоровяк рухнул, будто срубленный дуб. Дикари налетели на его тело, как саранча, принявшись буквально разрывать его на части. В воцарившейся суматохе на нас

троих никто не обратил внимания — оставив позади тела Ганта и павшего во время прорыва к стене бойца, мы ринулись к укреплению.

Оказавшись в небольшом закутке между соседними опорными столбами, мы смогли перевести дух. Давур тяжело дышал, держась за оцарапанный бок, однако рана не выглядела серьезной. Второй боец, тот самый парень с родимым пятном на щеке, был полон решимости довести дело до конца. Близость смерти, казалось, несколько его не пугала.

— Куда теперь, Ханнар? — прохрипел Давур, после чего вытер проступивший на лбу пот.

— Тут должна быть лестница, я видел ее, когда мы только вошли в город. Давайте за мной, только аккуратно! Попробуем не попасться дикарям на глаза.

— Они слишком увлечены останками Ганта, — сплюнул в грязь боец с родимым пятном. — А ведь он был мне как брат.

— Скорбеть о погибших будем потом. Если сами переживем этот день, — отрезал я и аккуратно выглянул из-за столба. Масса эрветов продолжала напирать на державших оборону бойцов Восьмого полка в центре улицы, и назад никто из них не смотрел. Махнув товарищам рукой, я на полусогнутых двинулся вдоль стены, пытаюсь слиться с ней в единое целое. Конечно, яркие цвета королевской армии не способствовали скрытности, но сейчас вымазанный в жидкой грязи доспех едва ли мог привлечь внимание одурманенных боем эрветов.

Вскоре мы добрались до примитивной приставной лестницы, которую сработали из переплетенных веревкой веток. Впрочем, она запросто выдержала вес взрослого мужчины в полном доспехе, и я довольно быстро оказался на укреплении.

Сверху становилось еще очевиднее, что до полного истребления Восьмого полка оставались считанные минуты. Пособив своим спутникам, я двинулся в обратном направлении по гребню стены, к небольшой башенке, где укрывались замолчавшие аркебузиры.

— Ты хоть знаешь, как пользоваться этими штуками, сержант? — спросил незнакомый мне боец.

— А то! — хмыкнул Давур. — Ханнар Вирс уже без малого семнадцать лет в армии. Многому научился.

— А чего там уметь? — поморщился я. — Пулю в ствол закинул, пороха мешочек высыпал, направил во врага и поджигай. Вот и вся наука!

— Звучит не слишком просто, — недоверчиво протянул молодой солдат.

— Тихо!

В закрытой башне я услышал странное бормотание, которое пробивалось сквозь шум разыгравшейся внизу битвы. Я не смог разобрать слов, однако оно до боли походило на молитвы шаманов, что устраивали свои богомерзкие ритуалы в голове колонны. Переглянувшись со своими спутниками, я выразительно кивнул на свой меч. Бойцы согласно кивнули и крепче обхватили рукояти.

Набрав побольше воздуха в грудь, я изо всех сил пнул дверь и ринулся внутрь.

Глазам открылось помещение с рядом бойниц во все стороны света. В полумраке комнаты, освещенной лишь несколькими тусклыми свечами, я увидел целую груду тел, небрежно сваленных в самом ее центре. Стрелки Восьмого полка с застывшим на лицах выражением нечеловеческого ужаса слепо уставились в потолок. На груди каждого из них виднелся широкий разрез, а разверзстые ребра напоминали жуткие руины давно забытых

городов.

Вокруг погибших воинов регулярной армии Ригиторума собралось чуть больше десятка омерзительных шаманов, которые лишь отдаленно напоминали представителей рода людского. Извращенные тела; испорченные шрамами и кровавыми украшениями лица; грязная кожа, истыканная перьями, костями и прочей атрибутикой. Дополняли картину свежие человеческие сердца, которые по-прежнему источали горячую кровь. Потоки этой крови стекали по воздетым к потолку башни рукам, обагрjali грудь шаманов, пропитывая их пернатые накидки.

С губ заклинателей продолжали слетать слова жуткого наговора, но увлекшиеся колдовством шаманы даже не заметили нашего появления. Обрадовавшись возможности внезапной атаки, я не раздумывая бросился на ближайшего противника, замахнувшись клинком.

Но нас заметил кто-то другой.

Тарон Прайд

Первые лучи нового дня с трудом достигали мостовой Минакса. Слабому рассветному солнцу не доставало сил разогнать мрак в клубящемся смоге столицы Ригиторума. Запахи, доносившиеся из промышленных кварталов, забивали ноздри, однако я уже давно привык к особенностям здешней жизни. В отличие от многочисленных приезжих, мне даже удавалось сдерживать мучительные позывы к кашлю.

Я шел по набережной реки Итерии в сторону центрального района города, к подножию Горы. Берега реки были давным-давно одеты в гранит, чтобы бурные по весне водные потоки не подмывали фундамент близлежащих домов. Говорят, что в Итерии водилась крупная речная рыба, и во времена оно Минакс жил за счет доходов от ловли. Впрочем, последние несколько веков вода в Итерии была настолько грязной, что вряд ли там оставалось хоть что-то живое. Порой мне казалось, что стоит лишь нырнуть в мутную черную реку с головой, и выбраться на поверхность уже не удастся.

Усмехнувшись своим мыслям, я поднял глаза от водной глади и увидел, что на меня вот-вот наедет крестьянская телега с овощами. Задремавший извозчик выпустил поводья из рук, и подслеповатый ослик свернул прямо в сторону реки. Высокий каменный бортик вдоль всей набережной не позволит телеге опрокинуться в Итерию, но может здорово меня к нему припечатать.

— Очнись, отец! — громко крикнул я, придержав ослика за голову. Животное недоуменно остановилось, глянуло на меня затынутым бельмом глазом и отвернулось.

— Чего разорался? — удивленно вскинулся пожилой мужчина, после чего подхватил поводья и тронулся в путь. — Вижу я все.

— Ну как знаешь, — хмыкнул я. — Из Итерии твоё гнилье никто вылавливать не будет, — прокомментировал я плохонький товар крестьянина, на котором всю пировали мухи.

Пропустив выкрик мужика мимо ушей, я обошел тронувшуюся повозку и продолжил путь. По правую руку, на другом берегу реки, тянулись однотипные трехэтажные домики, прозванные в народе “генеральскими”. Далекий предок нынешнего короля, которого тоже звали Десмос, боялся притязаний на трон своего младшего брата. Решив расположить к себе армию, король снес плохонькое жильё простых горожан и выстроил добротные каменные здания для армейской верхушки. Какое-то время они действительно выполняли свою функцию — высшие офицерские чины военных сил Ригиторума проживали на правом берегу Итерии, в нескольких минутах пешей ходьбы от канатной дороги на Гору. Ставка командования также переехала к подножию, поэтому все военные советы проходили в Минаксе, в то время как королю отправляли лишь самые важные отчеты и документы на подпись.

Как бы то ни было, с годами жизнь внизу становилась все более невыносимой, а чадающий смог города все более душным. Генералы, так или иначе связанные с благородными семьями Ригиторума, в большинстве своем перебрались наверх, в обновленную ставку командования армии на Горе. Офицеры из простых слоев общества предпочли покинуть Минакс. Теперь капитаны и командиры боевых формирований вели

походный образ жизни, перемещаясь вместе с войсками ближе к линии многочисленных фронтов, лишь бы держаться подальше от гнетущей атмосферы столицы. А передвижений войск хватало — армия королевства, разделенная на многочисленные полки, постоянно вела экспансию, присоединяя к Ригиторуму заблудшие человеческие племена, которые отвергли власть истинного правителя. Стоит отметить, что война шла с переменным успехом, однако нынешний король Ригиторума ясно дал понять, что не оставит наших братьев за рубежом. Спасение человечества заключалось в его объединении, и армия Десмоса делала правое дело, разбивая жалкое сопротивление сепаратистов и дикарей-язычников, которые не желали жить с нами в мире. Чем скорее люди придут к Единению, тем скорее на всей земле настанет мир, и я всей душой и сердцем был на стороне светлой миссии Ригиторума.

Впрочем, я отвлекся. Мне было все труднее держать глаза открытыми, а мысли легко улетали куда-то в глубины истории — сказывалась бессонная ночь. Повернув чуть левее, чтобы не перевалиться через бортик Итерии, я вновь глянул на генеральские домики. Сейчас там опять проживали простые рабочие люди, причем владельцам местных производств было не выгодно держать по одной семье в доме, как это было во времена офицеров. Чтобы не растрчивать попусту драгоценное жилое пространство, рабочих селили по пять-шесть семей в одну квартиру, понастроив там временные деревянные перекрытия между “комнатами”. Разумеется, в Ригиторуме нет ничего более постоянного, чем временное, так что за прошедшие десятилетия ничего так и не изменилось. Жители генеральских домиков ютились на крошечных пятачках личного пространства, видя и слыша все, что творится за истрепанными деревянными перегородками. Впрочем, так жило подавляющее большинство горожан — Минакс превратился в город-тюрьму, куда было очень легко приехать и устроиться на работу, но из которого практически невозможно выбраться. На скудное жалованье рабочего в тех же плавильнях Ройдена нельзя было купить даже проездной на корабль, идущий к Приморью.

Приближаясь к подножью Горы, Итерия максимально расширялась, и через несколько сотен метров я с трудом различал генеральские домики на противоположном берегу — отсюда они казались игрушечными. Вскоре мирное течение реки разделялось крупным островом на два рукава — Большую и Малую Итерию, которые вскоре расходились в разные стороны. Лишь через три километра их соединял небольшой Судоходный канал, призванный облегчить речную навигацию. Как раз на этот пятачок земли в середине Итерии и лежал мой путь — на довольно обширной площади острова располагался главный храм ордена Луцис, а также все прилегающие к нему постройки: общежития бойцов ордена, городок прислужников, кухни и животноводческие фермы, снабжающие храм молоком, сыром и мясом.

Вскоре ноги привели меня к Парадному мосту — мост этот пересекал Большую Итерию и соединял ее левый берег с островом Луцис. До того, как остров был передан в ведение церкви, здесь располагались армейские казармы, и по Парадному мосту войска Ригиторума начинали свой торжественный марш по Дворцовому проспекту. Мост этот был одним из, если не самым широким во всем Ригиторуме. На его поверхности запросто мог поместиться любой из феодальных полков королевства, которые вечно соперничали с регулярной армией в численности и качестве вооружения своих солдат.

В столь ранний час Парадный мост оставался пустым, лишь в самом его начале со стороны острова Луцис дворники начинали подметать обширное дорожное полотно. Боюсь, у десяти человек на это уйдет большая часть дня, однако прислужники ордена никогда не

жаловались на это назначение — знай себе орудуй метлой, и никаких больше распоряжений и криков. Красота!

Прямо передо мной высилась громада Горы, однако верхушка ее терялась в мутном смоге. Солнце уже окрепло, и лучи его осмелели, высветлив золото на куполах королевского дворца и крышах домов знатных вельмож. Прищурившись от этих ярких всполохов, я как можно скорее пересек мост, думая лишь о том, как залягу в свою комнату и просплю минимум до обеда. Благо, я был на официальном патруле, значит, ординарий уже не станет меня трогать — я имел полное право на отдых. Живот недовольно заурчал, но от чувства голода я без труда отмахнулся — лучше поем после сна, иначе рискую свалиться головой в тарелку супа.

Преодолев мост, я свернул с Дворцового проспекта, который вел к главному входу в храм ордена Луцис, и углубился в извилистые улочки среди жилых построек острова. Тут в основном обитали прислужники и новички, которые пока не прошли обряд инициации. Мне навстречу бежали молодые парни, от двенадцати до пятнадцати лет, которые спешили на различные обряды. Новичкам везет — Рассветную службу могли вести только полноправные члены ордена. Нам приходилось вставать за час до первых лучей светила, чтобы правильным образом провести омовение тела и прочитать первую часть Солнечного Пути, пока не настанет рассвет. Только после этого приходила молодежь, чтобы подхватить чтение Пути, ну а остальные члены ордена Луцис расходились по своим постам.

Срезав путь через аккуратный садик, я оказался в общежитии звена ординария Амилена. Приземистое и вытянутое, как барак, здание не могло похвастаться богатством отделки — простые стены, выкрашенные в золотую краску, давно утратили былой лоск, и теперь больше всего напоминали цветом переваренный куриный желток. В окнах с разохшимися деревянными рамами были вставлены цветные витражи, вот только их никто давно не протирал, так что стекла покрылись толстым слоем пыли и грязи. Дверной проем перекрывала толстенная дубовая дверь, которая отворялась лишь с большим трудом, однако у Амилена служили лишь крепкие парни, такие же, как эта дверь.

Вновь усмехнувшись своим дурацким мыслям и сравнениям, я уперся плечом и распахнул тяжелую створку. В ноздри ударил запах сырости — наш барак стоял в тени самого храма Луцис и двух сторожевых башен, поэтому здесь всегда царил приятный полумрак. Который, к несчастью, способствовал росту отвратительной зеленой плесени, что тронула почти все углы.

Недовольно цокнув языком, я прошел к своей комнате, самой дальней по левой стороне, и вошел в крохотное помещение, куда едва помещалась кровать. В углу стоял небольшой рабочий стол с лучиной, однако зажигать огонь смысла не было. Сбросив пропахшую потом одежду на сундук, который удобно пролезал между ножек стола, я рухнул на кровать и поплотнее укрылся тяжелым одеялом.

Как хорошо, что Милтон сам вызвался сходить к ординарию Девису и сообщить ему о том, что я узнал. Впрочем, нельзя сказать, что эта информация как-то поможет расследованию. Да, теперь мы точно знали, что нет смысла искать семью Льюиса — несчастный Мортед был тут ни при чем. Теперь ищейкам ордена оставалось уповать лишь на следы магической активности. Преступник знает, что мы идем за ним по пятам, а, значит, постарается как можно скорее сменить личину. Именно в этот момент звено Амилена попробует его перехватить. И я с удовольствием приму в операции по захвату прямейшее участие! Вот только выплюсь хорошенько, и сразу пойду...

В этот момент мои глаза закрылись, и я провалился в глубокий сон.

* * *

Милтон нервно катал во рту деревянную трубку. Несмотря на то, что членам ордена Луцис запрещено курить табак, мой напарник не мог избавиться от привычки повсюду таскать ее с собой — трубка придавала Милтону уверенности, помогала избавиться от нервяка перед делом.

Я ему завидовал.

Моя тревога оставалась такой же сильной, и с каждым мгновением, проведенном рядом с домом на углу улицы Генерала Баррета и Дворцового проспекта, она лишь продолжала усиливаться.

Звено Амилена в полном составе заняло выжидательные позиции возле здания, на которое нам дала наводку городская стража. Некогда великий театр, который сейчас ожидал своей очереди на снос и перестройку, был излюбленным местом уличных бродяг, которым негде остановиться. Однако в последнее время стали ходить слухи, будто здесь по ночам собираются маленькие группы людей, по два или три человека. Никто не знал наверняка, чем они здесь занимаются. Не удивлюсь, если в результате облавы мы найдем тут двух сопливых малолеток, которые встречаются в тайне от злых родителей. Однако ординарий Амилен не собирался упускать ни малейшую зацепку — пропажа Мортета Льюиса сильно взволновала примаса, и он собирался щедро наградить звено, которое прольет свет на эту загадку.

— Как думаешь, Тарон?

— Что, прости? — повернулся я к Милтону, когда понял, что из-за своих мыслей пропустил его вопрос.

— Да я про убийц этих зассатых, тайное общество, иху мать! — гневно прошипел начавший сидеть мужчина, хотя его “шепот” наверняка было слышно в пределах одного квартала.

— Ты совсем рехнулся, Милтон? — из темноты вдруг выплыло разъяренное лицо ординария. Амилен Строгий, крепкий человек с ровно постриженной, как под линейку, черной бородой, прожег Милтона взглядом. — Еще хоть один звук — вылетишь из моего звена, клянусь Солусом! Будешь подметать коридоры храма и разносить тарелки в трапезной!

— Виноват, Амилен, — Милтон смущенно опустил глаза.

— Я за ним прослежу, ординарий, — уверенно кивнул я. Командир бросил на меня не менее строгий взгляд, после чего растворился в ночи так же быстро, как появился.

— Ну надо же, — напарник почесал затылок, после чего виновато улыбнулся. — Я ведь не хотел, Тарон.

— Я понимаю. Но ты следи за языком, брат, — хмыкнул я. — Если у Амилена сорвется очередная засада, он тебя и правда вышвырнет.

— Не сомневаюсь, — тяжело вздохнул Милтон и снова вставил трубку в рот.

— Так о чем ты хотел поговорить? — подбодрил я старика. — Только держи себя в руках, ладно?

— Да про убийц этих, — Милтон мотнул головой в сторону театра. — Правду говорят, или брешут? Будто они могут лица менять, как одежду?

— Кто ж его знает, — пожал я плечами. — Орден Луцис исходит из того, что могут. Вон и Мортета мы уже не ищем, а того человека, который сейчас скрывается под его личиной.

— И ты веришь в это? — недоумевающе уставился на меня напарник.

— А почему нет? — не менее недоуменно посмотрел я на него в ответ.

— Что ж это такое? — напарник всплеснул руками. — Лицо — это ведь не перчатки! Не шляпка! Как ты его поменяешь?

— Магия, — неуверенно протянул я.

— Да тьфу на твою магию. Вон, чародеи из Школы Инкантиции тоже чего только не наворожбуют. А поди попроси кого-нибудь из них в другое обличье перекинуться! Слабо? Если даже им слабо, то как эти недобитки умудряются?

— Не знаю, Милтон.

— Вот я и думаю, что бредни это все. Понапридумывали страшилок для горожан, а нам теперь за лицами покойников гоняться. Помяни мое слово, Тарон, кому-то это нужно.

— Что — это?

— Страх, — пожал он плечами. — Жизнь в Минаксе и так нелегкая, чего уж говорить. Но если народ будет каждой тени шарахаться, они ж все, что угодно будут готовы отдать, лишь бы их защитили. И нас на коротком поводке держат, чтобы орден Луцис не лез не в свое дело.

— Это мы еще посмотрим, — хмуро отозвался я и замолчал. Черт возьми, что-то в сказанном Милтоном действительно звучало правдоподобно. Однако мне было сложно представить, что в современном Ригиторуме была возможна такая глубокая ложь, которая пронизывала чуть ли не все слои общества. Стража, церковники, рекситоры и простой люд — все они жили в постоянном страхе перед культистами, вялотекущая война с которыми не прекращалась ни на день. Хотя и войной это было сложно назвать — члены религиозных культов, которые поклонялись ложным идолам и отвергали божественность Солуса, постоянно создавали угрозы для простого населения Минакса. То тут, то там совершались вооруженные нападения, людей убивали, похищали, вывозили прочь из города, и истинных причин этого террора не знал никто. Ординарии Луцис из кожи вон лезли, чтобы поймать кого-то из ублюдков, однако культистам всегда удавалось в последний момент ускользнуть. И даже если удача нам сопутствовала, чертовы фанатики предпочитали покончить с собой, лишь бы не выдать ордену своих секретов.

Как бы то ни было, я не собирался оспаривать мнение Амилена Строгого. Этому человеку я с легкостью доверил бы собственную жизнь, и раз он верил в кровожадность культистов и их мистические способности менять обличье, значит, я буду их искать. Даже если на это уйдут все ночи моей жизни.

— Тихо-то как, — прошептал Милтон. Я встревожился и обратил внимание на привычный шум ночного города, вернее, на его отсутствие. Моего слуха не достигал ни приглушенный гомон тысячи голосов, ни шарканье ног по мостовой, ни скрип фермерских телег и купеческих фургонов. Будто мы в мгновение ока оказались не среди самого густонаселенного города Ригиторума, а где-нибудь в глухом лесу, куда едва находит дорогу легкий весенний ветер.

— Что происходит? — спросил я пустоту, до слез в глазах осматривая окружение. Как ни странно, мы по-прежнему стояли во дворе заброшенного театра, а за едва просматривающимися крышами окрестных домов я видел отсветы уличных фонарей

Дворцового проспекта. Мы все еще были в Минаксе, вот только что-то изменилось. Но что именно?

— Вы ничего не видели?! — громко прошипел Фаррел, самый талантливый боец нашего звена. Он только что примчался от своего поста на улице Генерала Баррета, и в глазах его читался страх.

— Нет. Что-то случилось, брат?

— Лексиант в руках Амилена сходит с ума. Рядом творится магия, и близко! Никто не заходил в здание?

— Нет!

— Вы уверены?!

— Говорю же, что нет! — резко ответил я и вскочил на ноги.

— Значит, они проникли туда как-то иначе, — раздался за моей спиной глубокий голос Амилена. — Звено, оружие наготове!

Я обнажил короткий меч, чье лезвие едва достигало сорока сантиметров. В левую руку привычно прыгнул фонарь, который я обычно носил в специальном креплении на поясе.

— Мы войдем в это здание и отыщем колдуна. Вперед!

С этими словами боевое звено, то есть почти два десятка полноправных членов ордена Луцис, ринулись к заброшенному театру. Отточенными на тренировках приемами мы быстро проникли внутрь через покосившиеся оконные рамы без стекол.

На первом этаже не было никого, если не считать одного выпивоху, который мирно дремал в бывшей примерке в обнимку с пустой флягой. Рассыпавшись по всем этажам и главному зрительному залу, бойцы ордена мигом провели обыск всех помещений театра. Отовсюду доносилось лишь одно слово — пусто.

Я распахнул двойные двери главного зала и оказался среди зрительских сидений на бельэтаже. Усилием воли я позволил солнечному свету, накопленному в лексианте, свободно расплыться по гигантскому помещению. Впрочем, даже его мощности не хватало, чтобы озарить весь простор театральной залы — гнилые доски сцены и траченный молью занавес практически исчезали во мраке.

Милтон и Фаррел заскочили в помещение и тут же ринулись вниз, перепрыгивая через ряды сидений.

— Здесь тоже никого, — выругался мой напарник и, обессиленный, привалился спиной к сцене.

Годы брали свое.

— Быть этого не может! — прорычал Амилен, который только появился из-за кулис. — Я точно знаю, что кто-то из этих ублюдков проводит здесь обряд! Ищите дальше!

— Чего искать-то?.. — тихо пробормотал Видик, но драматический театр на Дворцовом проспекте всегда славился потрясающей акустикой.

— Кто это сказал?! — зашипел ординарий, как раздраженная змея. — Кому-то надоела комната бойца ордена? Так я мигом устрою, что вас разжалуют до самого последнего полотера! Будете прозябать в нищете с остальными прислужниками, как вы этого и заслуживаете! А ну-ка быстро ноги в руки, и чтобы прочесали в этом театре все до последнего гвоздика! Задача ясна?!

— Так точно!

— Выполняйте!

Покрасневший до корней волос Видик мигом развернулся и вышел из зрительного зала

по направлению к верхним этажам театра. Милтон, поймавший мой взгляд, безразлично пожал плечами, после чего пригласил меня последовать за ним, в закулисы. Остальные бойцы ордена Луцис вновь рассредоточились по театру, едва ли не прощупывая каждый квадратный сантиметр поверхности, будто все они мигом ослепли. Сам Амилен Строгий уткнулся в свой лексиант, пытаясь точнее уловить направление творившегося колдовства.

— Что-то Строгий совсем рассвирепел в последнее время, — прошептал мне Милтон после того, как с опаской оглянулся через плечо.

Нас никто не подслушивал.

— Его можно понять, — так же тихо ответил я напарнику. — Проклятые культисты по-прежнему неуловимы, а звенья ордена только впустую тратят время. Если так и дальше пойдет, от нас вообще могут избавиться.

— Типун тебе на язык! А кто тогда будет поддерживать порядок в городе?

— Стража? — возмущенно поднял я руки. — Разве это не входит в их компетенцию?

— Да ясное дело, что входит! Но куда простым стражникам противостоять этим нелюдям! Разве они станут отслеживать магические возмущения?

— Для этого маги Школы есть. Выкрутятся как-нибудь, — отмахнулся я. — Сейчас самое главное не словом, а делом доказать, что мы необходимы этому городу. Орден Луцис переживает далеко не лучшие времена, однако в наших силах все исправить. Проверь свой лексиант, а я пока осмотрюсь в служебных помещениях.

— Добро.

Милтон принялся сканировать окружение в поисках утечки силы. Я оставил его за этим нелегким делом и спустился вниз, прямо под сцену. В запыленном пространстве бывших технических камерок было тихо, как в склепе. Отсюда работники театра следили за происходящим на сцене и вовремя меняли декорации. С помощью специальных подъемников они доставляли на сцену актеров, чтобы те неожиданно появились во вспышке света, и прочее в том же духе.

Сейчас от бывшего оснащения одного из самых технологичных театров Ригиторума остались лишь пустые комнаты с подгнившими досками и продавленные следы на полу от гигантских устройств, которые некогда управляли всей машинерией сцены.

Тусклый огонек лексианта, который едва разгонял царившую в подвале тьму, вдруг разгорелся с новой силой. Ослепительные лучи солнца больно ударили по глазам, и от неожиданности я чуть не выпустил фонарь из рук. В ушах раздался низкий рокот, словно я стоял у могучего водопада — верный признак приводимых в движение колдовских сил. Собравшись с мыслями, я открыл глаза и направил поток сознания к лексианту. Я сосредоточил все усилия на том, чтобы ощутить, откуда исходит колдовство. Пропускал волны естественного магического фона мира через центр камня, заключенного в клетку из стекла, пытаясь выявить помехи и препятствия на его пути. Мигнув несколько раз, лексиант выпустил яркий луч прямо мне под ноги — отблеск солнечного света мазнул по доскам служебного помещения и исчез во тьме глубоко внизу.

Это был люк.

— Милтон, иди сюда! — крикнул я напарнику. — Кажется, у нас есть след!

Впрочем, я был не единственным бойцом ордена, кто ощутил близость творимого колдовства. К тому моменту, как я разбил клинком хлипкий замок люка и отбросил его в сторону, в комнату набилось уже около десяти человек, и все они с затаенным страхом бросали взгляд в темноту.

— Чего встали? — раздался позади голос Амилена. — Вперед! Мы должны захватить этого культиста живьем!

Я спрыгнул в открытый люк, однако падение не было долгим — под технической комнатой сцены прямо в земле был прокопан небольшой проход, где едва помещался взрослый мужчина на четвереньках. Выругавшись, я пополз вперед, вот только убрал меч в ножны, чтобы ненароком не порезаться. Все еще ярко плававший лексиант оставался в моей левой руке, и только благодаря его свету я мог совладать с подступающим ужасом.

— Никогда не любил тесные пространства! — пробурчал у меня за спиной Видик, который с довольно большой скоростью нагонял меня в проходе. — А что, если он обрушится у нас за спинами? И мы не найдем выход?

— Не паникуй, братец, — просипел где-то вдалеке Милтон. Ползанье на карачках по секретному лазу дорого ему давалось. — Видно, что прорыли на совесть. Стены укреплены, потолок поддерживают опоры. Может немного осыпаться, да и то пустяки — мы ведь совсем неглубоко.

— Заткните рты! — шикнул я назад, пытаюсь разглядеть путь впереди, но свет лексианта мешал это сделать. Убрав фонарь в крепление на поясе и приглушив усилием воли свет, я стал продвигаться вперед аккуратнее, готовясь встретиться с неизвестным противником.

Сделав один или два плавных изгиба, казавшийся бесконечным подкоп вывел нас в крохотное помещение, которое больше походило на погреб жилого дома. Вытянувшись в полный рост и стукнувшись головой о низкий потолок комнаты, я наконец перевел дух.

— Все живы? — прошептал я в тоннель, после чего посторонился, чтобы дать Видику возможность вылезти. — Не обвалилось ничего? — хмыкнул я.

— Все нормально, — тихо ответил парень и размял шею. — Куда дальше?

— Здесь есть дверь, — кивнул я в сторону. Там виднелась рукоять, словно вросшая в земляную стену погреба.

— Так чего мы ждем? Все равно все тут не поместятся.

Видик решительно подошел к рукояти и дернул ее на себя.

Маленькая дверь довольно легко распахнулась, не издав ни малейшего скрипа. Сразу за ней нашим глазам предстало куда более обширное пространство подземного зала, куда вела высеченная в каменном полу лестница. Тяжелый потолок поддерживали монолитные колонны, будто все это помещение попросту выбили в горной породе, оставив своеобразные перемычки для надежности конструкции.

В центре зала я увидел небольшой постамент, больше походивший на сцену для выступлений. Кверху расходились каменные же ступени, словно ряды своеобразного амфитеатра. Однако сейчас все они были пусты, и только на самом постаменте располагалось несколько деревянных лежанок. С одной стороны от них в очаге горело жаркое пламя, а на противоположной высился целый ряд шкафов с многочисленными полочками и ящичками, заставленными самой невероятной дребеденью. Один из них был разбит, и в грудке обломков я разглядел человеческое тело. Привыкнув к освещению, в дальнем конце помещения я смог увидеть еще двух людей, которые отчаянно боролись.

— Скорее! — толкнул меня в спину Видик, который куда быстрее сориентировался в ситуации.

Перемахивая по несколько ступеней за раз, мы мигом оказались на платформе в центре подземного зала.

— Немедленно остановиться! Руки вверх! — заорал на ходу Видик.

— Брось нож! — рявкнул я, вот только нападающему не было до нас никакого дела.

Мужчина вонзил осколок стекла в шею жертвы. Кровь быстро растеклась окрест, забрызгав убийцу с головы до ног.

— Твою мать! Он уже обратился! — бессильно зарычал я.

— Держи его! — крикнул позади Милтон, который едва поспевал за нами.

— Стой, ублюдок!!!

— Оставьте меня! — проревел культист и бросил в нас склянку с боевым раствором.

У меня вся жизнь пролетела перед глазами! Я понимал, что уже не успеваю уйти с линии огня, однако все равно со всех ног рванулся в сторону. Флакон вдребезги разлетелся о каменный постамент с громким звуком, и его содержимое расплескалось в радиусе нескольких метров. Несколько капель угодило и на мою мантию, и я был готов увидеть, как все это вспыхнет в одно мгновение.

По какой-то причине зелье не сработало, и огненный шторм, что с легкостью убил бы всех нас, так и не зародился.

— Слава Солусу! — прошептал Видик. Милтон, бледный, как молоко, осенил себя знаком.

— Нужно догнать его! — твердо сказал я и бросился следом за культистом. Впрочем, шустрый убийца уже вскарабкался по длинной лестнице наверх и захлопнул за собой люк. Вместе с Видиком мы смогли выломать запорный механизм, вот только нашего парня уже и след простыл. Люк открывался в абсолютно непримечательный жилой домик на окраине трущоб, однако поиски здесь не дали никакой информации.

Ну ничего, неведомый убийца. Я запомнил твое лицо. И я обязательно тебя найду.

Лексиант в креплении на поясе нагрелся, словно подтверждая мои слова.

Рональд, сын Даррена

Оказавшись на свежем воздухе, если, конечно, это слово применимо к воздуху Минакса, я бросился в сторону трущоб. Где и можно было затеряться от преследования ордена Луцис, то именно там, в бесчисленных переулках среди стихийного самостроения бедняков.

Я не переставал бежать, не разбирая дороги, то и дело натыкаясь на шатавшихся без дела горожан, пока между мной и домом Симеона не лежало чуть ли не половины Минакса. Горло саднило от смога, глаза слезились после быстрого бега по грязному району, а легкие норовили выпрыгнуть из груди. Трущобы меня не подвели — крошечная тьма и редкие оборванные прохожие, среди которых я ничем не выделялся. Стоит отметить, что даже в дневное время света здесь не прибавляется — солнце проходит с другой стороны Горы, отчего весь квартал вечно остается в ее тени.

К счастью, мне по пути так и не попала городская стража — уверен, у солдат гарнизона нашлось бы много вопросов к бегущему человеку, чье лицо и одежда забрызганы свежей кровью.

Кстати, что насчет одежды?

Свернув в первую попавшуюся подворотню, я тщательно осмотрел свое тело. По всей видимости, Симеон хорошенько надо мной поработал — от запаха нечистот не осталось и следа, равно как и от старой рубашки. Сейчас мое тело покрывал лишь балахон из серой парусины, а ноги были босы, как у нищего паломника. Видимо, я потерял обувь во время погони, потому что я точно помнил, что в подвале Симеона на мне были какие-то башмаки. Осмотрев ступни и отметив, что мне повезло не напороться на битое стекло или строительный мусор, я аккуратно двинулся на звук плещущейся где-то поблизости воды. Наверняка рядом был очередной канал или один из многочисленных притоков Итерии.

И верно — завернув за угол, я оказался на берегу какого-то водоема. Вдоль набережной тянулись деревянные подмости, у которых стояли на привязи худые лодчонки. Охранник импровизированного причала мирно дремал в крохотной будочке, освещенной затухающей лучиной.

Прокравшись мимо сопящего мужика, я спустился напрямик к воде и хорошенько умылся, постаравшись счистить с себя корку засохшей крови. От воды сильно несло тухлой рыбой и каким-то сладковато-тошнотворным запахом разложения, однако другого выбора у меня не было. Я вновь и вновь погружал руки в густую от грязи жидкость и втирал ее в лицо. Не скажу, что мне это легко давалось, учитывая, что я не хотел слишком громко шуметь, дабы ненароком не разбудить сторожа.

Вскоре мне удалось получить в отражении от поверхности вполне сносную картину, и я просто упал на спину, уставившись в мутное небо Минакса у себя над головой. По всему телу разливалась жгучая усталость, мышцы горели, как после целого дня работы на ферме. К горлу подступала тошнота, а голова кружилась, словно наступило утро после крепкой пьянки. Видимо, сказывалось действие яда, которым опоил меня Симеон. Что ж, стоило все-таки добраться до дома и поспать хоть несколько часов, чтобы прийти в себя. Да и поесть было бы неплохо — я только сейчас обратил внимание на оглушительное урчание в животе. Тяжело вздохнув, я со скрипом в перетруженных суставах заставил себя вновь подняться на

ноги.

Первым делом стоило раздобыть новую одежду и обувь. Если среди трущоб я еще мог пробежаться в своем окровавленном балахоне, то в любом другом районе Минакса он вызовет слишком много неудобных вопросов. Аккуратно проследовав вдоль причала, я увидел, что местные рыбаки хранили какие-то вещи прямо в лодках — в них тут и там попадались маленькие деревянные ящики и мешки, которые мирно покачивались на мягкой речной волне. Осмотрев пустую пристань, я убедился, что на меня никто не смотрит. Лишь глухие стены домов по обе стороны от канала слепо таращились в пустоту, и больше никого.

Я ступил на борт ближайшей лодки и принялся уверенно копаться в чужих вещах.

Мда, что же со мной стало? Раньше я и подумать о таком не мог, а теперь без зазрения совести обворовываю чужое имущество. Впрочем, после похищения Мариссы и убийства ошалелого фанатика, я понял, что в жизни есть вещи пострашнее украденной рубахи.

Мысленно отпустив себе этот грех, я продолжил увлеченно разбирать мешки. Рыболовные снасти, мотки бечевки, мешок червивых сухарей... Все не то, не то! Конечно, глупо было надеяться найти что-то стоящее в бедняцком районе, так еще и на борту лодок для рыбной ловли, которые, считай, никто не охранял. Однако ночью в Минаксе, хоть и весной, было весьма зябко, и мои руки уже дрожали от холода. Я должен отыскать какую-то одежду во что бы то ни стало!

Отбросив бесполезные вещи, я перелез в соседнюю лодку и открыл первый попавшийся под руку ящичек. Там лежала свернутая в тугий комок рыболовная сеть.

— Проклятье! — выругался я и громко хлопнул крышкой. Опомнившись, я бросил беглый взгляд на ночного сторожа. Он переложил голову на другое плечо, однако просыпаться даже не думал — небось, слишком устает днем, бедолага. Хмыкнув, я перелез на соседнюю лодку. Пусто.

Следующая. Опять пусто.

Следующая. Ничего.

Внезапно в голову пришла дерзкая мысль. Рискованно, конечно, но что мне терять, в конце-то концов?

Невзирая на дрожь во всем теле, я сбросил с себя задубевший от крови балахон прямо в реку и в одном белье направился к будке сторожа. Приблизившись к плохонькой двери, которая не подходила по размеру к проему, я аккуратно заглянул в щель между досок. Раздавшийся изнутри храп вместе с разящим наповал запахом спиртного развеял все сомнения — человек вряд ли проснется, даже если выстрелить у него перед носом из пищали. Что ж, значит, вперед!

Я уверенно потянул на себя дверь. Хлипкая задвижка не выдержала даже такого легкого нажатия и моментально отвалилась, звякнув по крепкому дубовому полу. Я замер в ожидании, но сторож и не думал обращать на посторонние звуки никакого внимания — пробормотав что-то нечленораздельное, он вновь захрапел.

Я расслабленно выдохнул и прокрался внутрь каморки. Небольшое помещение утопало во мраке, едва разгоняемом затухающей лучиной на крохотном столике — единственном предмете мебели, не считая стула, занятого крупной тушей сторожа. Обшарив в темноте стены комнаты, я нашел то, что искал. Сразу за дверью притаился крючок с длинным плащом, в котором сторож должен делать ночные обходы территории. Не думаю, что он понадобится здоровяку в ближайшее время. Вполне возможно, что охранник вообще не заметит пропажу до самой осени. Вяло усмехнувшись, я стянул плащ, надел уличные сапоги

и вышел наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Итак, я утепился, а заодно стал смахивать на обычного горожанина, который бредет куда-то по своим делам. Вот только какие у меня дела? Орден Луцис будет меня искать, но пока еще они составят портрет, пока развешат копии по всему Минаксу. У меня оставалась куча времени, чтобы убраться из города.

Ах, помоги мне Солус! Вся жизнь пошла наперекосяк всего за одну ночь! По большому счету, мне плевать на работу на Горе, да и жизнь в Минаксе уже давно сидит у меня в печенках. Да, уехать отсюда чертовски сложно, придется рвать жилы, чтобы устроиться в другом городе подальше от столицы, однако в этом не было ничего невозможного. Я точно знаю, что справлюсь. Но что будет с Мариссой? Мы ведь так и не успели обвенчаться в церкви Солуса, все откладывали до лучших времен. А теперь я никогда ее больше не увижу...

Почувствовав, как глаза увлажнились, я изо всех сил сжал кулаки, да так, что по ладоням потекла кровь от впившихся в кожу ногтей. Отставить панику! Плевать, что будет дальше. Велизар лишил меня привычной жизни, и сейчас мне действительно нечего терять. Отправлюсь на Гору и попытаюсь отыскать Мариссу чего бы мне это ни стоило, как и решил. Поймают, бросят в тюрьму — пусть! Значит, так тому и быть. Единственное, в чем я уверен — я не смогу жить счастливо вдали от нее, даже не зная, в порядке ли Марисса, жива ли. И если мне все же суждено обрести мир, то только вместе с ней!

...на мое плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Сердце пропустило один или два удара, и конечности вмиг онемели.

Неужели они меня достали?

— Ну и переполох ты устроил, Гарнет, — со смехом сказал мужчина средних лет, после чего слегка подтолкнул меня в сторону открытого в такой час питейного заведения. — Пойдем, пропустим по стаканчику!

Не проронив ни слова в ответ, я прошел через низкий дверной проем, слегка пригнув голову. В крохотном зале, рассчитанном лишь на три столика, было пусто — в такое время даже вездесущие пьянчуги еще не проветрились после предыдущей попойки. Преодолев помещение в два шага, мой новый знакомец грузно рухнул на высокий табурет у замусоленной стойки и позвонил в колокольчик. Заказал два пива, после чего протянул одну кружку мне. Я молча сел рядом, выжидающе глядя в смеющиеся глаза незваного спутника. В скудном свете от пары дешевых свечей я смог разглядеть короткую стрижку “ежиком”, большой нос с горбинкой и тонкие губы, скривившиеся в ухмылке.

— Весь Дворцовый округ на ушах стоит, — снова хихикнул мужчина, после чего в один прием уговорил пиво и вытер пенные усы. — Орден Луцис прочесывает все жилые дома от театра и дальше. Говорят, даже несколько рекситоров прислали с Горы, но я не особо в это верю. Ты как считаешь?

— Столичные исполнители воли Короля никогда не отличались особым рвением, — осторожно проговорил я, пожав плечами. — Им бы побольше вина хлебать, а дела государственные как-нибудь сами собой утрясутся.

— Вот и я так сказал мастеру, — словно успокоившись, кивнул мужчина. — Молодчина, Гарнет! Я уж думал, все, потеряли мы тебя. С каждым днем эти падлы люциусные становятся все более сообразительными. Наверное, нашли способ повысить чувствительность своих лексиантов на наши ритуалы, потому и срисовали тебя так быстро. Помяни мое слово — еще пару лет, и о работе в Минаксе придется забыть.

Я промолчал и сделал глоток горького пива. Мужчина смотрел на меня, но, так и не

дождавшись ответа, продолжил:

— Я понимаю, это огромный город, и мы могли бы тут большие дела проворачивать. Но как нам быть, если бойцы ордена станут ощущать наше присутствие за несколько кварталов?

— И что делать? — глупо спросил я, не придумав ничего лучше.

— А я знаю? — угрюмо буркнул собеседник и уставился в грязное дно своей кружки. — У тебя, Гарнет, опыта побольше. Хотя все равно не нам решать. Может, мастер что-нибудь придумает.

— Поглядим.

Что ж, очень странный человек, очень жуткая ситуация. Пожалуй, надо найти предлог, чтобы поскорее уйти от него как можно дальше и двинуться к дому.

— Пойду отолюю, — сказал я дежурную фразу, чтобы незаметно улизнуть, однако спутник оказался еще хитрее.

— О, я с тобой!

И действительно, мужчина поднялся на ноги и уверенно пошел следом за мной на улицу.

Твою налево! Ладно, постараюсь уличить другой момент.

Мы зашли за угол и побрызгали на стену рюмочной, после чего мужик пригласил меня проследовать за ним. Мы молча двинулись по трущобам в сторону Восточного Сатуарка, подалее от Дворцового проспекта.

И что теперь? Как убежать от этого назойливого собеседника? Он явно принимает меня за кого-то другого, скорее всего за того самого Симеона, который хотел провести со мной черный ритуал. Вот только он упорно называет его Гарнетом, так еще и свято верит, что обряд удался... Во имя Солуса, что он хотел со мной сделать? Неужели переселение душ, которым родители Минакса пугают своих детей, вовсе не вымысел?! И прямо передо мной сейчас идет живое тому подтверждение — член таинственного культа, который занимается лишь Солус ведает чем? И чтобы скрыть свои злодеяния, вынужден менять оболочки, словно надоевший камзол?

Все мое тело содрогнулось от омерзения, однако я продолжал идти следом за мужчиной, изо всех сил стараясь сохранять самообладание. Да, я оказался в очень щекотливой, даже опасной ситуации, но кто знает? Вдруг мне удастся извлечь из этого какую-то выгоду? Не каждый день тебя принимают за одного из культистов, так еще и “более опытного” в “этих делах”! В общем, буду ковать железо, пока горячо, а там будь что будет!

Укрепившись в своем намерении выдавать себя за таинственного Гарнета, я ускорил шаг и поравнялся со своим спутником.

— Кстати, как ты себя чувствуешь? — участливо спросил мужчина.

— Вроде неплохо.

— Сколько времени прошло с разделения? Пара часов?

— По-моему, даже меньше.

— Признаться, я восхищен тем, что тебе удалось скрыться от ордена в таком состоянии. Вот это сила воли!

— Захочешь жить, еще не так побегаешь.

— Это верно.

Немного помолчали.

— Значит, ты пока не готов?

— К чему?

— Брось, Гарнет, меня не проведешь, — весело подмигнул мне спутник. — Я не буду говорить об этом вслух.

Я молча кивнул.

— Значит, не готов?

— Нет.

— Ну, я так и думал, — кивнул своим мыслям спутник. — Ладно, не переживай. Думаю, я сам это сделаю, а ты просто побудешь на стреме. Договорились?

Еще один кивок. Что ж, заодно посмотрю, что именно мы будем делать.

— С театром-то, походу, все, — горько вздохнул мужчина, резко сменив тему.

— Хорошее было место, — сказал я, догадавшись, что они использовали здание заброшенного театра на проспекте для своих встреч.

— Не говори. А проход от дома на Складочной? Можно было встречаться незаметно, запутав любого соглядатая. Эх... Куда теперь переберемся, Гарнет?

— Мастер решит, — пожал я плечами. — Меня это не должно волновать.

— Так-то оно так... А, ладно, — махнул он рукой, после чего, наконец, заткнулся.

Остаток пути прошел в полной тишине, и через полчаса ходьбы по извилистым жилым улочкам мы вышли к Ткацкому базару. Этот огромный рынок под открытым небом привлекал внимание торговцев со всей Великой равнины, в центре которой и стоял Минакс. Торговцы привозили лучшую вышивку из небольших городов и даже деревень, чтобы продать ее столичным жителям по самой выгодной цене. Разумеется, продавалась тут не только ткань — при желании, на Ткацком базаре можно было найти любой разрешенный товар. А если умеешь искать нужных людей, то вообще любой, ведь законы рынка стоят куда выше, чем законы Ригиторума. Все это знают.

Спутник, чьего имени я до сих пор не узнал, повел меня к палатке, где можно было купить кружечку чая с прессованным сахаром вприкуску.

— Деньги есть? — спросил он меня, повернув голову на ходу.

— Сам-то как думаешь? — нагло спросил я, отыгрывая роль “опытного товарища”.

— Ах да, извини, — действительно смутился мужчина и протянул мне горсть монет. Бросив взгляд на раскрытую ладонь, я чуть не застонал от восторга. Быстро выхватив деньги, я понял, что сжимаю в кулаке свое месячное жалованье! А мой новый знакомец просто небрежно протянул их мне, словно это какое-то ничего не стоящее копьё! Ну, дела!

Наконец, мы подошли к продавцу, и я взял у продавщицы в белом переднике одну кружку чая и два куска сахара. Удерживая горячий напиток в одной руке, я встал чуть в сторонке от прилавка. Мужчина подошел ко мне вплотную и тихо прошептал:

— Смотри, чтобы не было стражи. Он скоро будет здесь!

Я кивнул и стал наблюдать за людским потоком. На востоке уже вовсю разгоралась заря, а, значит, солнце возникнет над крышами домов с минуты на минуту. В это время рынок уже вовсю кипел жизнью, хотя пока еще можно было спокойно передвигаться между прилавками, не застревая в людских плотинах. Через пару часов Ткацкий базар превратится в одну сплошную очередь.

Краем глаза я видел, как мой новый знакомец бочком продвигается в сторону мясных прилавков. Некоторые продавцы только приехали на рынок, и теперь они споро раскладывали мясо по лавкам спереди и полкам позади себя. Впрочем, даже сейчас перед ними возникло небольшое столпотворение — народ хотел перым урвать самый свежий

кусок.

Тем временем мужчина прорвался через гущу народа и двинулся дальше, навстречу все прибывающим покупателям. Поравнявшись с парой из немолодых уже мужчины и женщины, шедших под ручку, мой спутник вдруг начал судорожно вдыхать воздух. Сделав несколько рывков, он громогласно чихнул, согнувшись всем корпусом вперед и врезавшись в мужика. Семейная пара помогла ему прийти в себя, культист душевно извинился, благодарно похлопал мужчину по плечу и пошел дальше. Сделав большой крюк за торговыми точками со свежим сыром, он вновь подошел к чайной лавке и встал рядом со мной.

— Смотри, — хмыкнул он и кивнул в сторону семейной пары. Впрочем, я уже догадался, чего стоило ожидать — через пару минут мужчина, который уже занял очередь за свининой, вдруг неловко улыбнулся и крепче схватился за плечо жены. Та умилилась, глядя на мужа, однако вскоре радость сменилась тревогой. Увидев его бледное лицо, посиневшие губы, женщина громко крикнула и встряхнула мужа за плечи, но тот лишь продолжал глупо улыбаться. Ноги человека задрожали, и вскоре они не смогли удерживать его вес. Колени согнулись, он упал на грязную землю базара, все еще глядя прямо в глаза жены. Та попросила о помощи, а затем сама рухнула на колени, чтобы обнять мужчину. Она осыпала его голову поцелуями, гладила по спине, но сделать ничего уже не могла — через пару секунд человек умер, и его тело безвольно обмякло у нее на руках.

— Ну, как я сработал? — аж просиял мой спутник, ожидая похвалы от “опытного товарища”. — Все чисто?

— Уходим отсюда, — еле выдавил я из себя. — Быстро.

Мужчина с горбинкой на носу козырнул мне и двинулся прочь, растворившись в толпе следовавших на базар посетителей, ну а я последовал за ним. Сердце гулко стучало в груди, и его биение отдавалось во всем теле. Руки и ноги по-прежнему немели от ужаса, а в горле стоял комок.

О великий Солус, во что я ввязался?!

Пакмут Боуен

— Не нужно стесняться, господа. Угощайтесь! — великодушно разрешил хозяин, указав рукой на расставленные перед нами яства. Жаренная на вертеле дичь, свиные ребрышки с дымком, говяжья вырезка под брусничным соусом. Одним словом, великолепиие, от одного вида которого желудок выделял невероятные кульбиты. И это еще не говоря о куче салатов, овощных нарезок, гарниров и приправ.

Рот начал обильно наполняться слюной. Бросив взгляд налево, я увидел жуткую восковую маску, в которую превратилось лицо Пита, и аппетит мигом улетучился.

— Премного благодарен, господин Велизар, однако я совсем не голоден, — елеинно улыбнулся я мужчине во главе стола.

— Ну что за глупости! — хмыкнул придворный маг и своей рукой положил мне в тарелку порцию жаркого. — Путь из Крэнстауна неблизкий, и я сильно сомневаюсь, что рекситоры позаботились о вашей кормежке. Что уж поделаться — ребята суровые, зато исполнительные.

Я любезно посмеялся шутке, однако внутренности вновь свело голодной болью — путешествие и правда выдалось не из простых.

Харман по-прежнему не издал ни звука.

Оглядевшись вокруг, я вновь обратил внимание на великолепиие обеденного зала небольшого гостевого домика на Семисотом метре. Здесь располагались особняки местной знати, самые густые сливки аристократического общества Минакса. Признаться, я был польщен, что для личной встречи с такими никчемными контрабандистами, как мы с Питом Харманом, снизошел сам мастер Велизар. Причем не абы где, а в дорогом районе столицы. Хотя сдается мне, придворный маг просто не мог позволить себе оказаться где-нибудь в нижнем городе — не по его статусу покидать Гору даже для деловых встреч.

Что ж, не стану отрицать, мне здесь нравилось. Будь я столичным вельможей, наверняка рвал бы глотки и шел по головам, чтобы заполучить себе жилплощадь именно на Горе, хотя бы на уровне Пятисотого. Крошечный гостевой домик, который годился лишь на вот такие деловые обеды, был гораздо больше, чем самое роскошное жилище какого-нибудь богача в моем родном Крэнстауне. Что уж говорить про резиденции действительно именитых чиновников и представителей знати! Одно слово — дворцы. Впрочем, внутри я там ни разу не побывал, но даже на примере этого домика можно было представить, что ожидало гостя в их внутренних покоях. К примеру, тут был прозрачный потолок, выложенный мозаикой из разноцветных стекол. Над этой мозаикой горели яркие люстры, поэтому свет, проходя через красные, желтые, синие участки сюжета из истории Ригиторума, окрашивался в эти оттенки. Разноцветные блики играли на отполированных до блеска бронзовых балясинах красивого портика, который окружал стол. Или эта штука называется не портик? В общем, что-то вроде перил с отворяющейся дверцей для прислуги.

Зачем нужно ограждение для стола? Отличный вопрос. Наверняка для того, чтобы гости не убегали, не отведав все тридцать разновидностей приготовленного хозяйкой десерта. У богатых свои причуды!

— Господин Боуен, — обратился ко мне ухоженный мужчина напротив. Подняв голову,

я посмотрел в светло-голубые глаза королевского счетовода, которого за каким-то дьяволом пригласили на наш с Велизаром ужин. По правую руку от счетовода сидела его жена — симпатичная брюнетка в роскошном платье, словно струящемся серебром. Девушка испуганно жевала приготовленную на пару рыбу и тупо смотрела перед собой. По всей видимости, ее очень беспокоило соседство с Велизаром, который, напротив, редко когда отводил от нее глаза.

— Слушаю.

— Как давно вы этим занимаетесь?

— Продаю “сахар”?

— Если это так называется, — вежливо кивнул счетовод.

— Уже почти десять лет.

— Не может быть! — удивился Велизар, однако в глазах его читалась злобная усмешка. — И как же вам удавалось скрывать это в тайне от властей? — ехидно заметил он.

— Полагаю, что никак, — уныло пожал я плечами. — По всей видимости, вся моя свободная предпринимательская деятельность была вовсе не свободной, и все эти годы я лишь делал то, что от меня ожидалось.

— Очень верно вы это подметили, — сказал Велизар и отсалютовал мне бокалом игристого вина. Слышал, что это безумно дорогая штука, а вживую видел это чудо в первый раз. Интересно, какое это вино на вкус?

— И все же я не понимаю, зачем это нужно, — покачал я головой. — Если власти Ригиторума борются с контрабандой, пресекают перепродажу пороха и оружия повстанцам, то почему нас не остановили раньше?

— Разве не очевидно? — фыркнул Велизар, после чего икнул от выпитого вина и заел его кусочком сыра. — Королю Десмосу Мирному, да сохранит его Солус в добром здравии, невыгодно бороться с повстанческими движениями. Ригиторум настолько велик, настолько разрознен, что неравенства просто невозможно избежать. Да, какие-то регионы живут лучше, какие-то хуже. Но в этом и заключается смысл политики Короля — лишь единение человечества позволит нам пережить темные времена, что длятся вот уже девять веков. Преуспевающие в развитии города и области должны сделать все, чтобы помочь отстающим. И когда в отдаленных уголках царствия людского зреют семена раздора и вражды, мы позволяем им разгореться, чтобы как можно больше паршивых овец прибилось к этому обреченному стаду.

— Но зачем? — в который раз спросил я, оперевшись руками о край столешницы. Очень недурной столешницы, между прочим, из белого мрамора с розовыми прожилками.

— Во-первых, торговля, — Велизар откинулся на высокую спинку своего обитого бархатом стула и загнул один палец. По его сытому и довольному виду было понятно, что ему очень нравится роль мудрого и опытного взрослого, который объясняет несмышленьшу, сколько будет два и два. — Фабрики и заводы Ригиторума работают на полную мощность, производя тысячи единиц боевого оружия. Королевская Армия давно не нуждается в таком количестве вооружения, однако остановить производство мы не можем, да и не хотим. Куда девать эти “лишние” мечи, ружья и порох? Продавать внешним племенам и полудиким странам? Тоже можно, конечно, но намеренно усиливать потенциального противника было бы крайне недальновидно. Гораздо проще позволить оперившимся горделивым мужам и борцам за справедливость потуже затянуть пояса. Пусть они собирают деньги из самых дальних и глухих поселков и деревень Ригиторума, пусть покупают как можно больше

боевого товара. Но лишь для того, чтобы в скором времени карающая рука рекситоров нашла их и уничтожила всех до единого, вернув товар обратно в королевство. Двойная выгода! Это как еще один налог, только “черный”, который не проходит в официальных приходно-расходных книгах казначейства.

— Но ведь...

— Но ведь? — передразнил меня Велизар. — Хочешь сказать, эти деньги попадают контрабандистам? Отнюдь! Да, вам *позволяют* владеть ими какое-то время, при этом вы все равно возвращаете их внутри Ригиторума, что работает на благо экономики. Однако рано или поздно правосудие добирается и до вас, возвращая незаконно нажитое имущество в королевскую сокровищницу. Выгода? Естественно! Ну и во-вторых, — загнул он второй палец, — таким образом Ригиторум самоочищается. Да, гораздо удобнее проводить масштабные зачистки, разом устраняя всех недовольных в одном регионе, чем воевать с ветряными мельницами. Так люди будут видеть, что Десмос Мирный, да сохранит его Солус в добром здравии, крепко стоит на ногах, и бессмысленно даже думать о том, чтобы попытаться его сместить!

— А в-третьих? — вяло спросил я, хотя теперь мне уже не хотелось слушать самодовольное бахвальство “самого умного мужика на свете”.

— А в-третьих, борьба с преступностью, — широко улыбнулся Велизар, опрокинув залпом еще один бокал игристого. Его идеальное лицо, лишь едва тронутое робкими морщинками, по-молодецки покраснелось от выпитого, а в уголках глаз собралась влага. — Народ Ригиторума видит, что исполнители воли Короля не сидят без дела. Слышали новости? Несколько дней назад прямо на выходе из Крэнстауна взяли целый караван, груженный порохом! Говорят, он предназначался для повстанческого предводителя по имени Гильберт, вот только его уже поймали, и теперь он висит вверх тормашками на центральной площади города. Контрабандистов тоже осудили, им всем грозит виселица. Чувствуете? Чувствуете, а? — с придыханием сказал он и аж вскочил на ноги, приложив руки к груди. — Этот патриотический подъем? Веру в сильного Короля и сильный Ригиторум? Именно! Именно так это и работает! Эй, ты! — вдруг рявкнул он, а его палец жестко ткнул жену счетовода в плечо. — Иди за мной!

— К... Куда? — запнулась девушка, испуганно подняв глаза на хозяина вечера.

— Не строй из себя дуру. Быстро! — снова прикрикнул он и схватил ее за плечо. — Не обижайся, Балли, мы быстро, — подмигнул он покрасневшему до корней волос счетоводу и скрылся из зала, толкая девушку перед собой.

— Какого?.. Твою мать! Какого дьявола сейчас произошло?! — вскочил я на ноги от негодования. — Ты видел это, Пит?

— Видел. Сядь, Пакмут. — глухо отозвался мой напарник и выпил полный бокал вина. — Ты ничего не сделаешь.

— Да я... Эй, как там тебя? Балли? — повернулся я к счетоводу, который будто разучился дышать. — Ты понимаешь, что там сейчас происходит?

— И что? — еле слышно отозвался счетовод.

— Как что? Скажи что-нибудь! Выйди туда, и...

— И что?! — вдруг взорвался счетовод и поднялся на ноги. — Ты не понимаешь, контрабандист затраханый, кто этот человек? Этот Велизар, да будут долгими его годы?

— Придворный маг?

— Не просто придворный маг. Прямо сейчас это главный человек во всем королевстве!

Десмос Мирный, да сохранит его Солус в добром здравии, уже давно не решает вопрос серьезнее, чем сколько яиц принести ему на завтрак! Именно Велизар правит Ригиторумом. Именно Велизару подчиняются рекситоры! Этот человек — не человек вовсе. Он Бог которому никто не смеет перечить. Даже не будь у него этих жутких колдовских сил, которыми он может испепелить кого угодно одним лишь взглядом! Я... Я просто бессилен, понимаешь?! Он может делать абсолютно все, что ему вздумается... — пробурчал Балли и рухнул обратно в кресло. Из его глаз потекли злые слезы отчаяния.

— Мрак Солуса! — выругался я и снова сел в кресло. Какое-то время я просто сидел, обдумывая услышанное, но так и не нашелся, что сказать.

Желудок издал очередную голодную трель, и я не сдержался в своей солидарности с Харманом. Наложил себе в тарелку ребрышек, еще теплого картофельного пюре, каких-то салатов и утиную ногу, после чего принялся методично все это истреблять, не забывая при этом запивать еду разбавленным вином.

— Соболезную, Пит, — опомнившись, проговорил я с набитым ртом. — Я о сыне. Натан был отличным парнем.

Однако напарник лишь вяло отмахнулся.

— Это жизнь, — мрачно проговорил он после паузы. — Просто жизнь.

Наш путь из Крэнстауна действительно выдался нелегким. Рекситоры вбили себе в голову, что обязаны доставить нас на суд в Минакс как можно скорее. Наземные маршруты были слишком извилистыми, ведь нас разделяла гряда Угольных гор, а также несколько речушек. Что уж говорить про центральный Лимфол, где всегда кишели опасные создания, явно порожденные чьей-то недоброй волей. Конечно, крупным караваном проскочить там не проблема, как мы и сделали, но на одинокую повозку наверняка найдется свой охотник. Именно поэтому путешественники как правило пережидали в городах на границах опасного участка, чтобы собралась группа побольше, и только после этого отправлялись в путь. Наземная дорога заняла бы у нас как минимум пару месяцев, и за это время я бы с легкостью нашел несколько десятков путей, чтобы улизнуть из-под стражи, не забыв прихватить с собой и Пита.

Наших тюремщиков такое положение дел не устраивало, поэтому они решили отправиться в Минакс по Западному виадуку. Это грандиозное сооружение, построенное великанами древности, соединяло город Вирантий на дальнем рубеже, который когда-то был границей Ригиторума, с самой столицей. Остатки великой цивилизации предшественников, людей-исполинов, встречались по всему миру, однако только у нас все эти храмы и дорожные сооружения пытались сохранить, оберегая от воин и стараясь по-возможности реставрировать. Сразу за Вирантием, в диких землях вне королевства от них уже давно остались лишь разграбленные руины и фрагменты некогда великолепных античных статуй. Хотя ходят легенды, что Западный виадук тянулся от бывшей столицы империи древних, что осталась похоронена на морском дне во Впадине Дьявола, и разветвленная цепь Высоких дорог на территории современного Ригиторума — лишь жалкое подобие тех колоссальных сооружений, что некогда тянулись от древнего города во все уголки цивилизации великанов. У нас же это были скорее всего технические путепроводы, скорее для подачи воды, чем для удобства путешествий.

Нынешний Западный Виадук тянулся чуть в стороне от Крэнстауна, и в погожий денек его было прекрасно видно чуть ли не из любой точки города. Длинная арочная конструкция,

сложенная из массивных каменных блоков, тянулась от горизонта до горизонта, а размером она была чуть ли не вдвое выше современных крепостных стен Крэнстауна. Подняться на виадук можно было лишь в специально отведенных для этого местах — на определенном расстоянии друг от друга, примерно по двадцать километров, в его конструкции предусматривались специальные башенки с тяжелыми подъемниками. Функционировали лишь немногие из них, но власти Ригиторума пытались содержать в порядке те башни, что были ближе всего к важным городам. Именно поэтому нашу повозку с четырьмя лошадьми смогли доставить на самый верх виадука, откуда открывался грандиозный вид на Крэнское плоскогорье.

Когда я впервые поднялся на высоту птичьего полета, у меня в буквальном смысле перехватило дыхание. Не только от восторга, но и от сильного порыва ветра, который едва ли не сносил людей с открытой всем стихиям ровной площадки виадука. Впрочем, пара суровых рекситоров не разделяла моей радости, равно как и моих опасений — запихнув нас в повозку и скрутив для надежности руки ремнем, они запрыгнули на козлы и припустили по виадуку в сторону Минакса. Впрочем, ни связанные руки, ни перспектива быть повешенным на столичном суде меня нисколько не пугала — прямо сейчас я просто смотрел по сторонам и пытался запомнить увиденное до конца своих дней. Возможно, очень скорого конца.

С вершины виадука я с легкостью мог рассмотреть Хрустальный хребет, тянувшийся вдоль северной границы Ригиторума. Белоснежные вершины, которые казались прозрачными в чистом утреннем воздухе, будто парили в небесах. На юге открывался вид на плодородные земли Приморья, расчерченные полями словно доска для игры в тавлеи. Ярко-желтые, зеленые, коричневые квадратики убегали до горизонта, насколько хватало глаз, и лишь на самой границе видимости я мог различить полосу прибоя — великое Междуземное море. А может, это была лишь игра воображения.

Повозка неслась по виадуку полным ходом, и по пути мы не встретили никого, если не считать пары одиночных всадников. Это королевская почта, которую также доставляли лишь рекситоры — только им разрешалось использовать виадуки для перемещения по Ригиторуму, и больше никому. Даже самые богатые купцы и представители знати были вынуждены трястись по ухабам поверхности, а нам с Харманом предоставилась возможность увидеть это чудо света наяву, хоть и ценой своих жизней.

Я поражался выдержке рекситоров. Лошади уставали, однако мы и не думали останавливаться — на некоторых башнях на пути следования всегда наготове стояли свежие кони, а уставших скакунов спускали на подъемнике вниз, к удобным пастбищам и стойлам. Именно поэтому мы задерживались лишь на пару минут, чтобы наши надзиратели заменили лошадей, выпили по глотку воды и продолжили путь. Ах да, еще встречались вынужденные остановки из-за разрушенных участков пути — к сожалению, виадук был подвержен землетрясениям и другим стихийным бедствиям, как и любая другая постройка, а потому с прошествием веков он приходил в негодность. Тут и там встречались обвалы и обрушения целых секций проторенной дороги, однако по обоим сторонам таких опасных участков всегда дежурили свежие экипажи и повозки, чтобы перехватить важных пассажиров или почтовых гонцов. Рекситоры аккуратно вели нас чуть ли не под ручку, чтобы мы осторожно перешли обвалившиеся участки по подвесным мостикам, либо уцелевшим каменным перилам, где нужно было держаться за установленные нашими современниками поручни. Перебравшись на ту сторону, мы вновь садились в повозку и продолжали движение.

Лишь благодаря такому бешеному темпу к вечеру второго дня пути мы оказались у

Угольных гор. Увидев уходящие влево и вправо горные кряжи, я не мог поверить своим глазам — в обычной жизни у нас на это ушло бы почти две недели! Но вот я действительно видел перед собой те самые горы, а, значит, такими темпами мы доберемся до столицы всего через три дня — сущие пустяки.

Каким бы высоким ни был виадук, он не мог потягаться с исчезающими в небесах вершинами Угольных гор. Однако древних эта небольшая неувязка не могла остановить — в своем стремлении проложить прямой путь от бывшего центра цивилизации ко всем его уголкам, древние разбивали горы, засыпали моря и осушали болота. Да, они действительно могли перекраивать мир по собственному разумению, а нам оставалось лишь восхищаться мощью великанов, что оставили нам свое наследие. Вот и этот тоннель, который пронзал крупнейшую гору в Угольном хребте, считался одним из немногих уцелевших чудес света, что поражали воображение жителей Ригиторума. Он тянулся на протяжении трех километров, пронзая неподатливое тело скалы, словно острейшая стрела. Днем в Угольном тоннеле не требовалось освещение — мудрые создатели позаботились о том, чтобы провести в потолке световые шахты. Они хитрым образом переплетались в камне, позволяя солнечным лучам проникать внутрь, будто ты едешь по поверхности. Разумеется, виадук функционировал и в ночное время, поэтому в Угольном Тоннеле всегда караулил целый гарнизон солдат и обслуги, которые зажигали масляные фонари и факелы на всем его протяжении.

Были тут и опасные участки с обвалившимися перекрытиями, заваленными участками и обрушениями в глубокие пещеры под тоннелем, однако все рекситоры знали эту дорогу как свои пять пальцев, а потому наши надзиратели уверенно вели повозку, даже не сбавляя скорость.

В конце концов, Угольный тоннель остался позади, и мы вновь двинулись к Минаксу.

Я и раньше бывал в столице, однако вид, который открывался на главный город Ригиторума с виадука, все равно не смог оставить меня равнодушным. Гигантский человеческий муравейник, который никогда не спит. Десятки тысяч маленьких огоньков и больших площадей, залитых светом даже посреди ночи, вот только слегка дрожащих из-за покрывающего город смога. И, наконец, одинокая Гора во всем ее великолепии. Исполинское возвышение, на чьих склонах нашли себе приют достойнейшие из достойных, жаднейшие из жадных. Но что еще важнее — я впервые увидел резиденцию Короля Десмоса. монументальный замок с тридцатью башенками по всему периметру. Говорят, когда-то он был всего лишь оборонительным сооружением на границе империи древних.

Виадук вел нас на Сотый метр Горы, прямо под суровые очи Главной башни великого Замка, который будто смотрел на нас с Харманом осуждающе. Что ж, теперь я действительно задрожал в ожидании суровой кары, а вот Пит оставался отстраненным, словно все это происходило не с ним.

Через пару часов после прибытия мы оказались в гостевом дворике Семисотого метра, а за столом нас встретил сам придворный маг Велизар. Чудеса, да и только!

Пережевывая утиную ножку с карамелизованным лучком, я вновь и вновь прокручивал в голове события последней недели. Судя по лицу Хармана, он до сих пор видел перед глазами смерть сына от арбалетных болтов стражников. Не знаю, как скоро он оправится после такого. Да и успеет ли? Ведь мы до сих пор понятия не имели, какая судьба нам уготована. Быть может, Велизар так много рассказывает о внутренней кухне Ригиторума, потому что

прекрасно понимает, что мы уже никому не сможем передать эти знания? Что ж, это бы многое объяснило.

Я грустно посмотрел на богатый стол. Ладно, раз уж мне все равно предстоит оставить этот мир, так хотя бы не уйду голодным!

С этими мыслями я вновь набросился на угощение, словно ел в последний раз.

Быть может, так оно и было.

Ханнар Вирс

Когда я был готов вонзить меч в податливую плоть заклинателя, меня словно сбила тяжело нагруженная повозка. Мощный толчок швырнул меня в сторону, и я на полной скорости упал прямо в скопище мертвых тел.

Придя в себя, я тут же попытался вскочить на ноги, однако устоять на расползающихся трупах оказалось не так-то просто. Левый ботинок провалился в раскрытую грудь одного из аркебузирова, и я вновь упал на колени, испачкавшись в свернувшейся крови бывших сослуживцев.

— Во имя Солуса! — закричал Давур, атаковав неприятеля, но рослый воин в плоской деревянной маске, которая полностью скрывала его лицо, без труда отмахнулся от выпада. Давур вновь попытался достать его, но был жестоко брошен на дощатый пол.

Противник замахнулся ногой и чуть было не расплющил череп моего друга ботинком, вот только солдат с родимым пятном вовремя подоспел на выручку. Меч королевского воина столкнулся с узкой рапирой дикаря, которая смотрелась в его руках как детская игрушка. Провернув ловкий финт, воин в маске с легкостью отвел клинок солдата в сторону и тут же проткнул его доспех насквозь. Узкая рапира смогла отыскать дорожку меж пластин бригантины. Из груди бойца хлынула алая струя.

— Дьявол! — выругался я и побежал вперед, однако Давур остановил меня властным жестом.

— Оставь! Займись остальными ублюдками! — заорал напарник и бросился наперерез противнику, который уже готов был сделать выпад в мою сторону. Выругавшись вновь, я развернулся и, невзирая на лязг металла за спиной, поспешил к ближайшему заклинателю.

Еще ни разу в жизни мне не приходилось закалывать человека, который не оказывал никакого сопротивления. В бою всякое случается, конечно, бил и в бок, и в спину, чтобы прикрыть товарища. Однако когда две армии встречаются в настоящей схватке не на жизнь, а на смерть, все прекрасно понимают, что их ждет. Я никогда не колебался, нанося подлые раны своим неприятелям, ведь я всегда был готов к тому, что и меня сразят подобным образом. Именно поэтому я никогда не терял бдительности, следил за флангами, либо полагался на помощь боевых братьев, которые точно не оставят меня в беде.

Но то, что предстояло сделать сейчас, заставило меня передернуться от омерзения. Одурманенный шаман, который не прерывал речитатив даже для того, чтобы набрать дыхание, никак не мог ожидать собственной гибели. Его широко открытые в религиозном экстазе глаза без страха смотрели в потолок башни. Боковым зрением он наверняка видел приближение неприятеля, однако все равно не делал попыток защититься. Моя рука дрогнула, но, бросив взгляд на сжатое в кулаке врага сердце кого-то из своих же сослуживцев, я понял, что не могу поступить иначе.

Удар.

Сталь, которая уже в достатке наполнилась крови в этот проклятый день, вновь окунулась в человеческое тело. Одним единственным ударом я пронзил гниющее заживо горло заклинателя, ведь оно все было исколото металлическими шипами и стержнями. Грязная кровь полилась по груди шамана, смешиваясь с алыми потоками из сердца аркебузирова.

Глаза неприятеля провернулись в орбитах и уставилась на меня. Наваждение будто отпустило человека, и последние мгновения своей жизни он потратил на то, чтобы выразить в этом взгляде одну-единственную мысль.

“Вы обречены, и моя гибель этого не изменит”.

Тяжелое тело рухнуло мне под ноги. Меч увязался вслед за трупом. Опомившись от потрясения, я дернул клинок на себя и поспешил к следующей жертве.

Как ни странно, после гибели шамана эрветов я будто почувствовал облегчение. Ритм их речевого колдовства начал ускоряться, однако смерть одного из цепочки будто ослабило давление, которое я испытывал с самого начала битвы. Да и совесть, вернее, ее жалкие остатки, перестали меня мучить — в конце концов, я бился не только и не столько за себя, сколько за выживание всего полка. Уверен, Солус простит этот грех.

Меч поднимался и опускался, поднимался и опускался, забирая души проклятых дикарей. С каждым погибшим шаманом меня все сильнее наполняла вера в собственное спасение. Да, еще не все кончено! Мы обязательно одержим верх!

За моей спиной разгорались нешуточные страсти. Рослый воин в маске без каких-либо украшений рычал, как зверь. Он изо всех сил рвался ко мне, чтобы помешать истреблению своих подзащитных. Однако Давур не зря считался одним из лучших фехтовальщиков нашего отряда — молодой воин бился отважнее героев легенд, вновь и вновь нападая на грозного неприятеля. Рукава его одеяния уже давно насквозь пропитались кровью, одна нога не сгибалась из-за глубокого пореза через все бедро, а лицо было испещрено царапинами от вражеской рапиры. Но несмотря на это, Давур крепко стоял на ногах и не собирался пропускать эрвета в мою сторону. Благодарно кивнув раненому товарищу, я вернулся к работе.

Удар. Еще удар. И еще.

Наконец я смог подобраться к последнему живому заклинателю. Гибель братьев по ремеслу не сбивала его с ритма, однако это наверняка удастся мне. Грудь горела огнем, руки отказывались слушаться, но я не мог не закончить свое дело.

Последний шаг, и вот я оказался за его спиной. Мощный пинок шаману чуть выше икроножной мышцы, и он рухнул на колени. Подняв клинок, я вонзил кончик меча в основание шеи, целясь сверху-вниз. Несмотря на то, что за время боя меч порядком затупился, ему все-таки удалось пробить тонкие позвонки и пронзить сердце заклинателя. Дернувшись всего один раз, эрвет повалился лицом вперед, прямо в грудь тел аркебузирова.

Теперь все было кончено.

Обернувшись на Давура, я увидел, что боец с маской на лице застыл, как изваяние. Его безликая маска с узкими прорезями для глаз уставилась на тела шаманов, которых он так и не смог спасти. Рапира выпала из рук эрвета, который, по всей видимости, окончательно потерял волю к жизни.

Давур хмыкнул и отсек дикарю голову. Правда, ему не хватило сил, чтобы сделать это одним движением, так что клинок завяз в шее противника. Эрвет упал на колени и захрипел, разбрызгивая вокруг себя фонтаны алой крови. Вырвав меч из раны, Давур тщательно прицелился и рубанул еще раз. Закрытое маской лицо воителя медленно покатилося по дощатому полу.

— Отличная работа, друзья, — достиг моего слуха слабый голос. Резко повернувшись, мы с Давуром увидели парня с родимым пятном на щеке, из чьей пробитой груди по-прежнему сочилась кровь. Однако он еще был жив, и возможно медики Восьмого смогут его

спасти!

— А ну заткнись! — прорычал Давур и бросился пострадавшему на помощь. — Тебе нельзя разговаривать, понял? Ханнар, мать твою! — повернулся он ко мне.

— А?

— Не стой столбом! Шевелись, ну!

— Как... Как мне помочь?

— Ты совсем из ума выжил? Хватай аркебузу и поддержи наших огнем! Тут я сам справлюсь! — ворчал он, отрывая от поддоспешника полоску ткани для перевязки. — И поживее!

Выбросив из головы все посторонние мысли, я бросился к свалке трупов в центре башни. Отыскав самую сухую аркебузу, которая хотя бы не насквозь пропиталась густой кровью, я отшвырнул ее к бойнице, что вела вовнутрь поселения. Теперь мне нужны были порох, пыж и сама пуля. С этим оказалось сложнее — бойцы носили патронташ на поясе, и почти все они были испорчены. Наконец мне улыбнулась удача — один из аркебузирова, чью грудь не стали вскрывать, закрыл сумку собственным телом, и порох внутри не отсырел.

Вместе с добычей я ринулся к бойнице и принялся заряжать аркебузу. Забросил в ствол пыж и стальной шарик, после чего глубоко забил их к основанию ружья с помощью шомпола. Со стороны коробки в специальный отсек насыпал заранее отмеренную порцию пороха из мешочка, после чего вставил фитиль. Выглянув в окно, я рассмотрел потенциальную цель — десяток шаманов в дальнем конце колонны до сих пор проводили свой жуткий обряд, однако теперь они дергались в безумном танце, будто изображая припадок.

Я высек искру на кончик фитиля, и промасленная веревка тут же зажглась. Отбросив огниво в сторону, я упер аркебузу на основание бойницы и тщательно прицелился. Черт бы побрал этих эрветов! У слаженного залпа целого отряда аркебузирова было в разы больше шансов поразить вражеских заклинателей! А пока я в одиночку пристреляюсь, пройдет целая вечность, прежде чем последний из шаманов будет убит, если это вообще возможно! Смысла в моих действиях оставалось немного, но это все, чем я мог помочь своим боевым братьям. Кармайн приказал возобновить огонь, и я это сделаю, чего бы мне это ни стоило!

Оглушительный грохот вырвал аркебузу у меня из рук, и оружие стукнулось о раму бойницы, после чего упало на пол. Вспышка ненадолго ослепила меня, однако зрение быстро вернулась. Выглянув в оконный проем и подождав, пока развеется дым, я увидел, что моя стрельба не дала ощутимого результата — где-то в дальних рядах эрветов один из дикарей схватился за пробитую грудь, однако шаманы продолжали свою пляску как ни в чем не бывало.

— Давур, давай сюда! — крикнул я напарнику и бросил ему еще одну аркебузу. — Я один не справлюсь!

— Локарту нужна помощь! — огрызнулся боец. Он прижимал рану солдата, однако меж его пальцев продолжали течь алые струйки.

— Ты что, не видишь, что он уже не жилец?! — рявкнул я и принялся заряжать свое оружие. — Мы нужны тем, кто еще способен биться! Давай скорее, это приказ старшего по званию!

— Солус тебя побери! — сквозь слезы зарычал Давур и оторвался от Локарта, чьи глаза уже закатились от обильной кровопотери. Бросив на меня уничижительный взгляд, молодой солдат все же бросился к соседней бойнице, подобрав по пути аркебузу. Я бросил товарищу

несколько мешочков пороха и рассыпал между нами свинцовые пули.

— Понял, как пользоваться? — грубо спросил я.

— Ты начинай, а я повторять буду.

Отрывисто кивнув, я принялся заряжать. Пыж и пуля в ствол, затолкать шомполом. Заложить пороховой заряд, поджечь фитиль, выставить в окно. Ждать выстрела.

Грохот, вспышка. Отдача больно бьет в плечо, но в этот раз я удержал оружие. После небольшой задержки по левую руку раздался еще один взрыв — это Давур все же разобрался с устройством аркебузы.

Голова одного из шаманов будто взорвалась изнутри, и тело тяжело шлепнулось о землю, содрогаясь в конвульсиях. Бойцы Восьмого полка, те, что еще держались на ногах, повернулись в нашу сторону и громко закричали, потрясая оружием.

— ЕСТЬ! — победно воскликнул я, подняв кулак. — Так их, Давур! Продолжай огонь!

— Да-а-а!!! — крикнул солдат и принялся перезаряжать оружие, а я последовал его примеру. Краем глаза я увидел отряд в темно-зеленых плащах. То были Хищники Ангрета, которые с трудом прорывались к центру поселения чуть в стороне от позиций Восьмого. Услышав наши выстрелы, некоторые из Хищников отсалютовали нам и продолжили кровавую сечу. Ах, если бы я смог подать им сигнал бедствия! Хотя погодите... Я ведь и правда могу!

Отыскав у себя за пазухой красный приказной вымпел, я высунулся из бойницы и высоко поднял флажок над головой. Несколько раз помахал им из стороны в сторону, после чего указал на центр построения Восьмого. Командир Хищников Ангрета, высокий воин в шлеме с оранжевым плюмажем, с пониманием кивнул и отдал приказ. Умелые бойцы родом из Сминских лесов с трезубцами наперевес бросились на запад, на помощь нашему полку.

— Ты видишь, Давур?! — задыхаясь от восторга повернулся я к напарнику. — Хищники уже идут на помощь! Мы победим!

— Ура! — вскричал боец и вновь выстрелил. Пуля ушла в молоко, но это нас не расстроило — мы вновь принялись заряжать оружие.

На ногах осталось лишь четверо шаманов, однако нашим планам по их полному уничтожению не суждено было сбыться. Свет разгорающегося солнца вдруг померк, будто на поселение эрветов опустилась ночь. Поднялся сильный ветер, который вдруг захлопнул ставни на бойницах. Крепко поднатужившись, мы с Давуром с большим трудом все же смогли их раскрыть.

Вокруг уцелевших заклинателей поднялись вихри колдовского света. Фиолетовое свечение с то и дело проскакивающими всполохами яркого багрянца замыкалось на каждом из них тугой воронкой, и штормовые порывы заставляли его вращаться все быстрее. Шаманы наконец перестали плясать и вытянули руки в стороны, не боясь и не сопротивляясь. Они полностью отдали себя судьбе, и были готовы исполнить волю колдовского пламени, что разгорелось внутри каждого из них.

Над полем боя раздался громкий гул, и сражающиеся все как один опустили оружие, чтобы повернуться к источнику звука. Казалось, весь мир в этот момент застыл в неподвижности, кроме воронок чистейшей магии, что опускались на избранных из племени эрветов. Наконец, энергия могучего колдовства низринулась в их тела нескончаемым потоком. Несчастные шаманы завопили, словно их резали раскаленными ножами. Но будучи скованными по рукам и ногам цепями магии, они не могли ни убежать, ни даже пошевелиться — их предназначением было впитать в себя всю мощь неведомых сил,

приведенных к жизни через кровавые жертвоприношения. Оставалось лишь гадать, к чему приведет их ужасный ритуал.

Наконец, воронки магии иссякли, полностью напитав то, что осталось от шаманов. Их силуэты, которые едва читались в огненном обрамлении колдовских сил, вдруг озарились ярчайшим светом, от которого люди крепко зажмурились. Раздался хлопок, и волна энергии разлилась по всему поселению, разметав как бойцов Восьмого полка, так и скопище дикарей. Добралась она и до нашей башни, из-за чего крепкое сооружение пошатнулось от основания до самой верхушки.

Когда я вновь поднялся на ноги и выглянул наружу, то лишился дара речи.

Вместо худосочных заклинателей, измученных тяжелыми условиями жизни в местной лесотундре, на широкой площадке среди разбросанных по сторонам людей гордо стояла четверка неизвестных мне существ, которые вдвое возвышались над обычным человеком. Существа эти определенно были человекоподобными, у них было по две руки и две ноги, однако головы скорее походили на черепа рогатых животных, вот только с длинными клыками и четырьмя выпученными во все стороны глазами, по два с каждой стороны жуткой морды. Тело существ покрывала густая зеленоватая шерсть, а пальцы оканчивались угрожающими костяными наростами, что напоминали волчьи когти.

На груди чудовищ также виднелись светлые пластины, которые защищали тела своих хозяев по типу костяной брони. Уверен, они бы с легкостью выдержали прямое попадание из аркебузы.

Четверка иномировых созданий бездействовала. Ужасные выродки неизвестного плана бытия просто стояли, как монумент человеческим страхам. Единственное движение, которое мог различить мой глаз — натужное дыхание. Воздух прорывался через тела чудовищ с жутким хрипом, который я мог различить даже на таком расстоянии.

Однако самым страшным было то, что я даже понятия не имел, что теперь делать. Открыть по монстрам огонь? А что, если я только спровоцирую их агрессию?

По всей видимости, бойцы Восьмого, которые с трудом приходили в себя после мощной силовой волны, также замерли в нерешительности. Солдаты молча переглядывались и искали командира, который точно знает, как поступить, какие бы невероятные ситуации с ними не происходили. Однако Кармайн, временно исполняющий обязанности сэра Линфорта, будто сквозь землю провалился. Без его приказа солдаты тряслись, как маленькие дети в ожидании неизбежного наказания.

Однако опустившуюся на поле брани тишину быстро нарушили сами эрветы. Увидев, что выпестованный ими план все же сработал, дикари с громким улюлюканьем вновь бросились в атаку, словно не замечая чудовищных созданий, что возвышались над армиями людей, как устрашающие языческие тотемы.

Поток эрветов врезался в стройный ряд солдат королевства, и битва возобновилась. У бойцов Ригиторума не оставалось выбора, кроме как продолжить сражаться, попытавшись выбросить гигантских страхолудин из головы.

Впрочем, чудовища недолго пребывали в бездействии. Уловив эманации страданий, запах крови и вкус смерти, гигантские создания как будто ожили. Их головы разрубил звериный оскал, и монстры прямиком из ночных кошмаров на полном ходу вломились в ряды сражающихся, принявшись крушить людей направо и налево. Да, они не разбирали своих и чужих, атакуя эрветов и солдат королевства в равной степени. Вот только такими темпами среди бойцов очень скоро не останется ни одного солдата Ригиторума! А значит,

рожденных шаманами созданий нужно было остановить любой ценой.

— Нет, ты это видишь?! — с выпученными глазами прокричал Давур. — Что они натворили, Солус их забери!?

— Проклятые эрветы... — только и смог прошептать я, видя, как одно из созданий играючи пробило руками плотный слой земли, на которой стояли люди, после чего прямо у них из-под ног вдруг появились скрюченные руки, обезображенные гниением. Эти отвратительные конечности стали хватать солдат, тянуть их к земле и буквально разрывать на части, в то время как второй монстр собирал кровавую жатву, рассекая беззащитных бойцов Восьмого полка своими острейшими когтями.

— Что нам делать, Ханнар? — повернулся он ко мне. — Что нам делать?!

— Вы тоже это видите? — раздался у нас за спинами незнакомый голос. От неожиданности я подскочил на месте, как ужаленный, однако быстро успокоился. К задней стороне башни приставили огромную деревянную лестницу, и в этот удобный наблюдательный пункт поднялась верхушка командования подоспевших подкреплений Ригиторума, которых изначально и дожидался командир Таннер.

По какой-то причине регулярная армия пошла на приступ без них.

Мы с Давуром оказались так увлечены сражением, что даже не заметили появления новых людей в башне. Сейчас перед нами стоял старший офицер самого элитного подразделения войск Ригиторума — Ордена Рыцарей-Башен. На груди изящного доспеха, расшитого разноцветными нитями, красовался герб — гигантский прямоугольный щит, за которым пересекались алебарда и глефа.

— Лорд-командир!.. — вытянулись мы по струнке, но человек быстро прервал наше приветствие.

— Вольно. Боюсь, с этими ублюдками не справятся даже мои подопечные. Магистр Теннебрад! — обратился он к человеку, который все это время стоял чуть позади.

— Слушаю.

— Сравняйте эту улицу с землей. Не оставьте там ничего живого.

— Будет сделано. — Магистр развернулся и спрыгнул вниз, к ожидавшим его колдунам высшего ранга из дисциплис Экцизес.

Выглянув в бойницу, я увидел, что прямо под нами, в разрушенной при штурме секции стены, выстроилась пара Башен с обслуживающими их отрядами позади. Великаны перегородили весь проход, выставив невероятных размеров щиты.

— Завораживает, — прошептал Давур, восхищенно разглядывая могучих воинов.

— Погоди-ка, — положил я ему руку на плечо. У меня перехватило дыхание, ведь я только что осознал, что именно приказал лорд-командир Рыцарей-Башен. — Он сказал... Сравнить с землей?

— Кажется... — Давур медленно перевел взгляд на меня, и в глубине его глаз я прочитал то же понимание, что накрыло с головой и меня.

Восьмой полк прекратит свое существование.

Навсегда.

Тарон Прайд

С первыми лучами солнца в Минаксе наступило утро. Вот только ни у кого из ордена Луцис не хватило бы смелости назвать его “добрым” — ночная операция закончилась полным провалом, культист успел переоблачиться и уйти от преследования. Амилен Строгий был в ярости, и нам грозило провести как минимум два дня в молитвенных бдениях в качестве наказания, если бы не происшествие на Ткацком базаре.

Мужчина в возрасте погиб на глазах у огромного количества утренних покупателей, и городские стражники уже было пришли к выводу, что его хватил удар. Однако мимо по случаю проходил патруль ордена из звена Сигура Преста. Двое бойцов засекли следы грязного колдовства, и лексианты привели их прямо к погибшему. Члены ордена отправили гонца на остров Луцис, оттуда вызов пришел к нам, в заброшенный театр, где мы всю ночь ворошили мелкий мусор и искали следы религиозной секты.

Несколько часов бешеной скачки по запруженным улицам Минакса, и вот мы здесь. Фаррел проводил тщательный осмотр тела покойного в освобожденной от товаров палатке, я пытался отыскать следы убийцы с помощью лексианта. Ну а Милтон попивал ароматный чай с кусковым сахаром, облокотившись на прилавок со сладостями.

— Что-нибудь есть? — осведомился я у Фаррела, который только вышел из-под прикрытия тканевого полога. — Наш человек?

— Как пить дать, — уверенно кивнул напарник. — На первый взгляд все чисто, никаких следов насилия.

— Но?

— Но на плече у него есть крохотная точка от укула. Ну знаешь, будто комар укусил, только еще меньше. А вокруг кожа слегка посинела.

— Яд? — деловито уточнил Видик, с любопытством заглядывающий через мое плечо.

— Скорее всего. Ловко проделано! Свидетелей нападения нет, да и яд яду рознь. Его могли отравить прямо у выхода из дома или на любой улице по пути к базару, а действовать зараза начала только здесь.

— Ничего подозрительного вокруг не было?

— Эта женщина говорит, что прямо перед гибелью мужа к ним подходил один человек. Вроде как никого не касался, хотя она точно не помнит. Помнит только, что парень этот затем пошел к чайному прилавку, где его ждал еще один. В очень старом и поношенном пальто, прямо врезалось оно ей в память. Говорит, люди в такой одежде на Ткацком базаре не появляются. Скорее всего, пришелец из тущоб.

— Какая наблюдательная женщина, — хмыкнул я, после чего поскреб ногтями заросший грубой щетиной подбородок.

— Она сама не знает, почему ей так запомнился тот доходяга, — пожал плечами Фаррел. — Говорит, что очень удивилась, увидев нищего, что расплачивается за чай золотой монетой.

— А вот это уже интересно! — поднял я указательный палец в воздух. — Тот прилавок? Где Милтон обосновался?

— Он самый.

— А ну-ка пошли.

Вместе с Фаррелом мы двинулись к продавщице, которая приветливо нам улыбнулась.

— Чайку, мальчики? — спросила пожилая женщина в ярком переднике.

— Не откажусь, — сказал я и тут же получил высокую кружку с дымящимся напитком.

Расплатившись мелочью со дна кармана, я отхлебнул обжигающий чай и уперся кулаками в довольно низкую стойку.

— Послушайте, уважаемая, мы с напарником из ордена Луцис. Нам кажется, что произошедшее с господином Хамиром может оказаться не обычным несчастным случаем. Скажите, вам сегодня утром не попадалось на глаза что-то странное? Может, крутился тут кто подозрительный?

— Хм. — Женщина наморщила лоб, всем своим видом изображая мыслительный процесс. — Вы знаете, прямо после открытия был у меня покупатель. Одет так, что прям хоть стой, хоть падай! Будто ночным сторожем подрабатывает в бедняцких кварталах, не иначе! Чаю у меня просит, я уж его погнать отседова хотела, и можете себе представить, что потом? Он как бахнет монету на прилавок! Думаете, медную? А вот и нет! Настоящий золотой, я на зуб проверила! Чуть не все свои запасы ему на сдачу вывалила, паразиту этакому!

— Вы случайно не запомнили его лица? — спросил я, напряженно всматриваясь в глаза продавщицы.

— Да парень, как парень, — всплеснула она руками. — Что там запоминать?

— Постарайтесь, пожалуйста.

Я подался чуть вперед и заговорил специально отработанным доверительным тоном, который прекрасно работал с такими шебутными женщинами.

— Вы ведь понимаете, насколько это важно для следствия?

— Я сделаю все, что в моих силах! — энергично закивала торговка, после чего налила себе самой кружечку чая. Сделала крупный глоток, утерла выступившую на лбу испарину и глубоко вздохнула.

— Что ж... Парень, значит, — подбодрил продавщицу Фаррел, который все это время слушал наш разговор, покачиваясь на носках высоких сапог.

— Да, парень, — поддержал я друга. — Высокий, низкий?

— Да вроде с тебя, — оценивающе осмотрела меня женщина. — Не низкий точно, да и не бедняк он никакой. Видно по лицу, что уверенно стоит, будто свысока на меня смотрит. Так еще бы, при его-то деньжищах!

— А волосы? Светлые, темные?

— Русый волос, не очень длинный. Назад зачесаны. Грязнющие, как у моей внучки, пропади она пропадом!

— Волосы до середины шеи?

— Не, я ж говорю, не очень длинные. Чуть ниже ушей может болтаются.

— Нос большой?

— Да черт его знает, — пожала плечами продавщица. — Обычный нос. Ну вроде с горбиночкой небольшой, да только у меня ж и глаза уже не те.

— Кстати, о глазах. Цвет?

— Как будто серые такие, — вдруг уверенно сказала женщина. — Вот их я хорошо запомнила. Красивые глаза у парня-то! Яркие. А вот бровей почти и не видно, светлые, жиденькие.

— Что ж, большое вам спасибо за содействие! — сказал я и отошел от прилавка на шаг. — Вы нам очень помогли.

— Так я ж это, я ведь всегда... Ну, с радостью, то есть! — засмеялась женщина, после чего приманила меня пальчиком. Я наклонился вперед, и продавщица опустила мне в руку пару кусочков прессованного сахара. — Угощайтесь, мальчики! Работа у вас уж больно трудная!

— Благодарю, — смущенно улыбнулся я и отдал один кусок Фаррелу.

— Пустяки. Будете меня с теплом вспоминать, — просияла продавщица и отошла вглубь прилавка, прихлебывая свой чай.

— Милтон! Кончай отдыхать, пошли! — махнул я рукой напарнику, и тот нехотя отлепился от стойки.

— Тарон, что-нибудь узнали? — тут же спросил он, вытирая мокрые усы тыльной стороной ладони.

— Это точно наш парень, — уверенно сказал я, крепко сжав в руке горячую кружку. — Я его хорошо запомнил там, в подвале. Нос с горбинкой, жидкие брови и серые глаза.

— Какой лихой парнишка, — присвистнул Фаррел. — Только прошел через обряд, и сразу на дело? Я думал, им хоть с недельку отлежаться надо, в себя прийти, так сказать. Привыкнуть к новому обличению.

— Значит, он у нас очень талантливый, — мрачно процедил я сквозь зубы.

— Мы вроде тоже не пальцем деланы, — хмыкнул Милтон. — Пойдем, здесь нам больше нечего делать.

— Надо доложить обо всем Амилену, — решительно сказал Фаррел. — Может, и кардинал Шосс что-нибудь подскажет. Они постоянно совершенствуют методы обнаружения.

— Раньше Благой нам не особо-то помогал, — ответил Милтон.

— Раньше культисты не наглели настолько, чтобы проворачивать свои дела в двух шагах от Дворцового проспекта, — сказал я. — В любом случае, поспешим на остров. Нам есть, с чем поговорить.

— Единственное, чего я не понимаю, — продолжил я, когда мы уже вышли в сторону станции извозчиков. — Зачем было убивать господина Хамира? Чем он вообще занимался? Может, у него есть какая-то связь с культом, и убийца хотел замести следы?

— Я поговорил об этом с женой, — кивнул Фаррел. — Хамир был очень состоятельным человеком, владелец целого торгового ряда на Большом тракте. Я спросил у госпожи, не было ли у него врагов, а она ответила, что ему угрожали всю жизнь, и они давно к этому привыкли.

— Дележка территорий?

— Вроде того. Хамир всегда был очень принципиальным человеком, и не всех в его окружении это устраивало.

— Неужели ты думаешь, что его заказали? — потряс головой Милтон. — С каких пор культисты выступают в роли наемных убийц?

Я пожал плечами.

— Может, они были ими всегда?

Центральный двор Храма Луцис утопал в свежей зелени — весьма редкое явление для грязного и задымленного Минакса, в котором если что и росло, то только плесень по

подвалам. Однако здесь, на острове, вдали от городской суеты и крупных производств, природа могла отыгаться и взять свое. Высокие широколиственные деревья, в тени которых члены ордена Луцис проводили свои тренировки. Раскидистые кустарники и цветочные клумбы, где можно было найти уединение и собраться с мыслями.

Вот и сейчас я пришел сюда, чтобы просто посидеть на лавке, уютно притаившейся вдали от посторонних глаз. Большая часть бойцов ордена сейчас была в трапезной, но мне совсем не хотелось есть. В глазах стояла надменная усмешка культиста, которого мы упустили в подвале дома на Складочной улице. Он все прекрасно понимал, он знал, что бойцы Луцис придут по его душу, но он был готов. Чертов культист хотел демонстративно уйти у нас из-под носа, чтобы показать свою удаль, и хуже всего то, что он успешно с этим справился. Теперь у нас не оставалось ни единой зацепки. Кроме его новой внешности, конечно, которую лишь я и смогу опознать, потому как стоял ближе всех к этому ублюдку и смог его рассмотреть. Однако кто знает, как долго он будет скрываться под этой личиной? Может, он прямо сейчас разделявает очередную жертву, чтобы переместить свой дух в новое жилище? Как вообще Солус позволяет этому кошмару существовать на земле?!

У меня даже перехватило дыхание от гнева, а в левой стороне груди что-то закололо. Я наклонился вперед и уперся руками в колени, чтобы успокоиться. Неужели все было напрасно? И главное место сбора всей секты вновь ускользнет прямо из наших рук, словно рыба, сорвавшаяся с крючка?

Оставалось надеяться только на Шосса Благого. Кардинал Луцис, в чье ведение входили звенья пяти ординариев, включая нашего Амилена Строгого, был также главой отдела экзогитации. Это группа ученых, которые занимались исследованием темных ритуалов, а также искали способы их раннего обнаружения. Говорят, что экзогитаторы состояли в тесных отношениях со Школой Инкантации. Маги Экскорпалис, которых также называли колдунами астральных планов, специализировались на внетелесных переживаниях. Они могли отпускать свой дух в путешествие по тонким мирам, где гораздо острее ощущаются возмущения в естественных потоках чародейской энергии, что течет сквозь мироздание. Кто-то из них дежурил в столице постоянно, и совместно с гораздо более мощными лексиантами, чем те, что мы носим с собой, а также при помощи местных экзогитаторов, маги могли предсказать проведение очередного ритуала или большую сходку темного культа.

Когда мы с Фаррелом и Милтоном доложили обо всем случившемся Амилену в его аскетичном кабинете, где стояли лишь рабочий стол да два приземистых табурета для посетителей, он без промедления бросился к Шоссу. Раз наш парень решил не выжидать положенный срок после переоблачения где-нибудь в дренажных трубах под Минаксом, а сразу взялся за дело, он становился уязвимой мишенью для заклинаний поиска. А, значит, мы могли надеяться на обнаружение этого проклятого культиста с помощью экзогитаторов. Все, что оставалось нашему звену — ожидать от Шосса вестей и быть наготове.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — услышал я за спиной раздраженный голос. Повернув голову, я увидел запыхавшегося Видика, который с трудом переводил дух.

— Что-то случилось?

— Амилен объявил общий сбор. Мы отправляемся в город вместе со звеньями Трегони и Девиса.

— Шосс его обнаружил? Уже?! — вскочил я на ноги, не в силах скрыть свою радость.

— Нет, — покачал головой Видик, остудив мой пыл. — Бежим быстрее!

Я последовал за другом к выходу из Храма, где уже собирались бойцы нашего звена. По пути Видик продолжил:

— Люди Каньедо уже давно пасли своего подозреваемого. По всей видимости, он действительно связан с культом, и сейчас он двинулся в сторону коллекторов к югу от Цистерны Магны. Каньедо считает, что там скоро начнется собрание, а потому им и нужно подкрепление.

— У меня уже руки чешутся! — хищно осклабился я, буквально почесав ладони.

— Бойцы! — гаркнул Амилен, когда все звено из двух десятков человек выстроилось ровными рядами. В ножнах бойцов покоились короткие мечи, а на поясе висели метательные снаряды и лексианты, которые тоже дрожали в предвкушении схватки. — Трегони Каньедо ждет нашей помощи в коллекторах Минакса. Вполне возможно, что мы наконец напали на след этого проклятущего культа! Не подведите меня, бойцы. Давайте прижмем этих подонков как следует!

— За Солуса! — рявкнули несколько десятков глоток, после чего впрыгнули в седла приведенных слугами скакунов и сплошной лавиной покатались по Парадному мосту в сторону Минакса.

Несмотря на очередную бессонную ночь, меня переполняла кипящая энергия. И я был готов обрушить ее на врагов Ригиторума как только представится такая возможность.

Когда-то давно, еще до падения цивилизации древних, Минакс стоял на сухом пустыре. Здесь не было ни рек, ни достаточно крупных месторождений грунтовых вод, чтобы удовлетворять потребности растущего населения города. Именно поэтому великаны построили акведуки, которые тянулись по всей империи и были главным источником пресной воды. Разумеется, эту воду нужно было как-то отводить, и под Минаксом до сих пор остались сотни километров коммуникационных тоннелей, по которым жидкость уходила из домов и общественных терм в подземные коллекторы, а затем и за стены Минакса.

Минуло уже восемь веков, как частично разрушенные акведуки пересохли, и теперь их используют лишь рекситоры для доставки срочных сообщений по всему королевству. А после дрожи земли и великого потопа прямо через центр Минакса прошел глубокий раскол, который и стал руслом для новой реки Итерии, что несла свои воды от вершин Хрустальных гор. Теперь она выполняла роль и акведука, и канализации, ведь все отходы сливались прямо в Итерию.

Гигантская сеть подземных сооружений древних осталась забыта. Люди закрыли все входы и выходы, залили цементом старинные колодцы, из которых веяло первобытным ужасом, чтобы не выпустить зло наружу.

Однако находились смельчаки, которых не пугала неизвестность. Которые не верили, либо просто не хотели верить в страшных существ, что расплодились на костях древней цивилизации за счет отходов нынешней метрополии. Гигантские крысы размером с корову, ночные визитеры, которые поднимаются в Минакс по узким вентиляционным шахтам и разгуливают по самым темным закоулкам столицы, чтобы напасть на жертву со спины и высосать всю ее кровь.

Я никогда не верил в городские легенды, однако мне лично приходилось находить тела несчастных, чьи раны не напоминали ни одно из известных мне видов оружия. Будто их растерзали дикие звери, которых в Минаксе-то отродясь не бывало.

Как бы то ни было, находились смельчаки, которые открывали старые засовы и

запорные механизмы, чтобы спуститься хотя бы на первый уровень многоэтажной системы коллекторов. Их не пугала ни вонь разложения, ни тухлая вода, которая постоянно выступала на влажных стенах тоннелей, ни перспектива встретить опасных обитателей этих забытых Солусом мест. К таким “смельчакам” относились и культисты — коллекторы были единственным убежищем, где они могли не бояться систем обнаружения экзогитаторов и пеших патрулей Луцис. Искать их там было в сотни раз сложнее, чем найти иголку в стоге сена, ведь это сено кишмя кишело ядовитыми змеями. Нам оставалось лишь уповать на случай, и вот, наконец, кто-то из подозреваемых направил звено Трегони к месту встречи этих упырей.

Теперь никто не уйдет безнаказанным!

Цистерна Магна, как ее называли в древности — гигантское сооружение, которое вместило бы в себя Храм Луцис со всеми прилегающими постройками. Это колоссальное водохранилище использовалось в засушливые годы на тот случай, если поток воды в акведуке не мог покрыть нужды жителей Минакса. Цистерна располагалась под землей, однако она имела выход на поверхность в виде гигантского рукотворного бассейна, откуда удобно черпать воду и при необходимости открывать или закрывать каналы для перенаправления ее в другие районы города. Сейчас недостатка в воде не было, так что Цистерну осушили, перекрыв соединяющий их с наземным бассейном подводный тоннель. Бассейн превратился в Аптекарский пруд, на берегах которых выращивали лекарственные растения, ну а Цистерна многие века оставалась запечатанной. К ней вело несколько дверей из подвалов зданий, окружающих Аптекарский пруд, а также имелось несколько выходов из канализации Минакса.

Служка за подозреваемым Каньедо доложила, что он спустился по ступеням бывшего доходного дома Уваро на подземный этаж и так и не поднялся. Наблюдатели отправились следом за ним, отмечая свой путь специальными метками, чтобы подоспевшие звенья Амилена и Девиса смогли их отыскать в лабиринте коллекторов.

Доходный дом Уваро превратили в гостиницу. Однако нам не нужен был главный вход с открывающим двери мальчиком и стойкой распорядителя — кавалькада ордена сразу же вломилась на задний двор этого четырехэтажного каменного здания с шикарной колоннадой, где нас и встретил человек Трегони Каньедо.

— Звено ординария Амилена? — на всякий случай справился он.

— Так точно! — рыкнул Строгий и спрыгнул с коня, даже не дав ему окончательно остановиться. Правая рука нервно стискивала рукоять меча на поясе. — Девис уже здесь?

— Только зашли в подвал, сейчас они выламывают фальш-стену на входе в Цистерну. Вы готовы?

— Разумеется! Вперед!

Спешившись, мы с Милтоном, Фаррелом и Видиком побежали за остальными бойцами звена через заднюю дверь, сразу в подвальное помещение гостиницы. В затхлом воздухе витали клубы пыли — то Иона, самый крупный парень из звена Девиса Преста, кувалдой выбивал кирпичи, чтобы расширить узкий лаз на подземные уровни. Работа проходила в полной тишине, бойцы готовились к решительному захвату, а потому им было не до шуток.

Всего в подвале гостиницы набилась уже с полсотни человек. Меня крепко вжали в каменную стену, покрытую тонким слоем штукатурки. Приходилось прилагать все усилия, чтобы просто иметь возможность вдохнуть.

Наконец, с последним ударом кувалды вся перегородка рухнула внутрь, обнажив довольно крупный коридор, который под очень крутым углом уходил вглубь Минакса. Прямоугольные ступени, вырезанные из цельных булыжников, за долгие века обслуживания Цистерны Магны вновь превратились в гладкие овалы, однако по ним все еще можно было спуститься.

Иона отбросил кувалду в сторону и вытащил из поясного крепления свой лексиант. Накопленные камнем лучи солнца ярко осветили лестницу, которая убегала вниз, насколько хватало глаз. На стене по правую руку мы увидели зарубку, оставленную командой Трегони — нацарапанный на камнях символ Солнца.

Бойцы, не нуждающиеся в команде, гурьбой покатались вниз.

Орден Луцис вышел на охоту.

Рональд, сын Даррена

Сырой воздух, наполненный запахами гнили.

Влага, которая сочится из стен и звонкой капелью разбивается о каменный пол.

Промозглое дыхание тоннеля игнорировало слой теплой одежды. Легкие с трудом изгоняли из себя этот затхлый, плесневелый дух канализации.

Мы с Тарлом, а именно так звали моего нового знакомого из культа, стояли в большом техническом зале. К нему сходились несколько водных путей. В полу и на потолке виднелись ржавые обломки металлических труб, а также следы более сложного оборудования, которое наверняка разобрали на запчасти и продали по дешевке сборщикам металлолома. Теперь подземное сооружение было абсолютно пустым, не считая текущей по дну гнилой жидкости, где то и дело попадались тушки мертвых крыс и мусор из верхнего мира.

В углах зала были запалены яркие жаровни, а посередине помещения сектанты каким-то образом умудрились подвесить настоящую люстру, что держалась за проржавевшую насквозь металлическую скобу в потолке. То, что она до сих пор не обвалилась на головы собравшимся, стоило приравнять к чуду наравне с пришествием эры Солуса. Как бы то ни было, ни жар от огня, ни яркий свет сотен свечей не мог прогнать густой мрак и стужу подземелья.

В дальнем конце зала обнаружился новострой — высокая деревянная платформа, очевидно, сколоченная из досок, принесенных сюда с поверхности. Поражаюсь упорству людей, готовых по несколько часов тащить стройматериалы через низкие тоннели, где можно пробраться только ползком, так еще и всегда присутствует риск заблудиться. Ну, или столкнуться с таинственными обитателями Большой Клоаки, как нередко называли канализацию Минакса.

Однако вот оно — живое доказательство негибимой воли этих людей. Настоящая сцена, что сгодилась бы для выступления королевского оркестра. Правда, сейчас посреди этого огромного пространства возвышалась скромная трибуна, за которой стоял лишь один человек — мастер, как его уважительно называли члены организации. Настоящее имя держалось в секрете, равно как и лицо человека, который всегда носил карнавальную маску в форме вороньего клюва. Из-под маски виднелись лишь нижняя губа и заросший щетиной подбородок.

Прочистив горло, мастер поднял руки вверх, призвав к тишине. Возбужденное перешептывание нескольких десятков голосов тут же сошло на нет, и люди обратили свои взоры к трибуне. Удовлетворенно кивнув, мастер произнес:

— Приветствую вас, самые преданные Слуги Энерис! Госпожа благодарит вас за то, что вы явились на зов. Важнейшая новость, опечалившая Ее дух — люди ордена Луцис уже наступают вам на пятки. Я не хочу перечислять виновных, но даже не сомневайтесь — мне известны ваши имена, и вам не укрыться от возмездия Энерис, если вы не будете действовать осторожнее. Слуги смерти не станут рисковать многовековой историей организации ради нескольких отщепенцев, которые сами навлекли на себя беду.

Великий Солус, во что я ввязался?

Когда мы с Тарлом покинули Ткацкий базар, он отвел меня в маленькую квартирку на набережной Обводного канала, где я хорошенько выспался. Накормив меня свежими телячьими котлетами, купленными в соседнем трактире, Тарл “напомнил” своему старшему товарищу, что ночью будет очередное собрание организации. Решив отыгрывать свою роль до конца, я таки согласился отправиться на собрание, однако, сославшись на плохое самочувствие после обряда, попросил его вести меня чуть ли не под руку. Я ведь попросту не знал, в какую сторону идти, и мои неловкие шатания по Минаксу наверняка навели бы на меня подозрения.

Отлучившись на часик “по делам”, я забежал домой и вытащил из-под печи тайник — спрятанный пол половицей небольшой сундучок со всеми своими накоплениями. Выметя его подчистую, на выходе я не забыл и ключ, которым крепко-накрепко закрыл отчий дом. Скорее всего, больше я его не увижу, ведь после осуществления задуманного нам с Мариссой придется бежать на край света без оглядки.

Встретившись с Тарлом, мы вместе пошли в сторону Нарской верфи — небольшого судостроительного комплекса, где в основном мастерили небольшие грузовые суда для нужд столичного производства. Прямо под южной стеной ремонтного ангара нашлась небольшая потайная дверца — провернув длинным ногтем мизинца скрытый между досок рычажок, Тарл отворил ее и пропустил меня вперед.

Стесанные за годы использования ступени бодро убегали вниз, куда-то в сторону корней Горы. Мигом вспомнив все жуткие слухи про обитателей коллекторов Минакса, я сделал глубокий вдох, но все же заставил себя спуститься в подземелье. Тарл затворил дверь прямо за нашими спинами, и мы погрузились во тьму.

Спутник прихватил с собой факел, так что весь дальнейший путь я молча тащился следом за Тарлом, ловя боковым зрением огненные отблески на влажных стенах тоннеля. Без напарника я бы мигом заблудился в этом лабиринте — низкие проходы, где мы еле протискивались на корточках, сменялись просторными чертогами, будто я попал в детскую сказку о вымышленном горном народе. В чертогах этих открывался путь в десятки и десятки других тоннелей, переходов и коллекторов, собирающих воду. Не могу сказать, пользовался ли Тарл какими-то вешками или просто знал путь наизусть, однако он уверенно выбирал нужное направление и быстро двигался вперед, разгоняя темноту. В конце концов, когда я чуть было не выбился из сил, мы оказались в этом гигантском помещении, где уже собралась почти вся организация.

— Но хватит об этом! — продолжил мастер Слуг смерти после того, как прокашлялся, чем и вывел меня из раздумий. — Есть хорошая весть. Спустя несколько лет ожидания, госпожа Энерис наконец снизошла до того, чтобы вновь ступить по землям живых!

Эти слова сопровождались радостными овациями. Я не мог хорошо рассмотреть лица своих соседей, но в глазах некоторых из них читался неприкрытый восторг. Все будто пытались стать выше, чем были на самом деле, чтобы мастер увидел их радость. Что ж, мне не стоило отставать от остальных, а потому я изо всех сил захолопал в ладоши, запрыгав на носках ботинок.

— Обычно в этих случаях мастер организации предлагает добровольцам сделать шаг вперед, — усмехнулся оратор, окинув подземный зал взглядом. — Однако сейчас, боюсь, мне придется выбрать этого человека самому. Никому не двигаться! — вскрикнул он и

вытянул вперед ладонь с растопыренными пальцами. — Потянитесь своими мыслями к госпоже! Докажите, что вы станете лучшим сосудом!

В зале воцарилась идеальная тишина. Люди застыли, как высеченные из мрамора скульптуры. Их лица превратились в памятники сосредоточенности — настолько они старались выдавить из себя безмерную любовь и уважение к таинственной Госпоже, о которой я не имел ни малейшего понятия. Тарл, стоявший по правую руку от меня, аж прослезился от натуги. Ладно, пожалуй, и мне стоит постараться — на галерее, опоясывающей зал по второму и третьему этажу, дежурили вооруженные Слуги смерти. Не дай Солус, заподозрят неладное!

Крепко зажмурившись, я поднял согнутые руки перед собой, локти на уровне груди, раскрытые ладони вверх. В этой молящей позе я думал обо всем, что уже успел понять из жизни таинственной организации. Слуги смерти, говорите? Судя по всему, обычные наемные убийцы, в чьем арсенале было множество эффективных способов отправить человека на тот свет: отравленные шипы и дротики; невероятно тонкие стилеты, которые легко спрятать в складках одежды; метательные ножи и диски; ядовитые жидкости и пилюли, которые можно без труда подмешать в еду или заменить ими лекарство цели. Нисколько не сомневаюсь, что орден Луцис на пару с рексителями мог бы запросто переловить всех этих преступников, не будь в их рукаве главного козыря — способности переносить свою самость в другие оболочки. Каким-то образом руководители Слуг смерти в совершенстве овладели приемами магов из дисциплин Эскорпалис, после чего обучили этому своих последователей. Теперь астральное тело членов секты, с помощью запутанного обряда и обязательного человеческого жертвоприношения, могло быть заключено в освобожденный “сосуд”, то есть тело другого человека, специальным образом подготовленное для переселения. Именно поэтому Слуги смерти до сих пор оставались неуловимыми, ведь почти никто из них не выходил на дело дважды, нося одну и ту же личину. Все розыскные мероприятия городской стражи заходили в тупик.

Остается лишь один вопрос — могу ли я использовать свое “членство” в Слугах смерти, чтобы отомстить Велизару? Богатый выбор умертвляющих приспособлений, а также поддержка лучших убийц во всем Ригиторуме действительно могли привести меня к успеху. Зарезать или отравить этого самодовольного ублюдка, а потом валить прочь, как можно дальше из Минакса, а, может, и всего королевства, чтобы жить с Мариссой в мире и спокойствии, пока моя оболочка все еще при мне. Значит, медлить нельзя! Как только собрание закончится, соберу все необходимое, и...

— Ты! — взвизгнул мастер и ткнул перед собой указующим перстом. Открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что палец оратора смотрит прямо мне в грудь.

Люди вокруг расступились, даже не пытаясь скрыть разочарования. В их взорах читалась жгучая зависть, каждый из них что-то недовольно бормотал себе под нос, однако никто не осмелился перечить выбору мастера.

— Я?.. — неловко пробормотал я и попятился назад, как вдруг Тарл сильно подтолкнул меня в спину.

— Ну же, Гарнет! — яростно шепнул он мне на ухо, забрызгав капельками слюны. — Такая честь! Вперед!

— Поднимись ко мне, Гарнет, — глубоким голосом проговорил мастер, ожидая, пока я вскарабкаюсь по высоким ступеням сцены. О великий Солус, что же мне делать? Что *они* собираются сделать со мной?!

— Несмотря на твою небрежность в проведении ритуала, и то, что именно по твоей вине мы потеряли театр, госпожа Энерис очень тобой заинтересована. Она считает, что именно ты станешь идеальным сосудом для несения ее воли. Скажи, Гарнет, готов ли ты к этой великой задаче?

— Да, — сипло проговорил я, но не от восторга, перехватившего горло, как посчитали Слуги смерти. Меня обдало замогильным холодом, я не знал, чего ожидать, однако отступить было нельзя — если они поймут, что я не разделяю их фанатичной преданности Госпоже, меня наверняка раскроют и казнят, бросив в этих Солусом забытых подземельях. Проклятье!

— Встань в круг, Гарнет, — мастер направил меня к магической фигуре, что занимала собой почти всю сцену, хотя со своего места в зале я ее даже не видел. Фигура эта состояла из нескольких сотен линий, сходящихся под немыслимыми углами, причем на каждом пересечении была начертана какая-то руна или другая магическая фигура поменьше. Все это хитроумное переплетение волшебных символов излучало мягкий золотистый свет, будто сквозь линии в полу пробивались слабые лучи рассветного солнца.

В центре фигуры специально для меня оставался маленький круг, рассчитанный на одного человека, в котором не оказалось ни одной линии или надписи. Помощник мастера взял меня за руку и отвел в этот круг, приказав напоследок не шевелиться, иначе обряд пройдет с “затруднениями”. Решив не уточнять, какими затруднениями мне это не грозит, я действительно замер, как образцовый покойник, и даже перестал дышать.

Все присутствующие затянули странное песнопение. На фоне нескольких низких голосов, что тянули одну и ту же ноту, остальные зачитывали непонятную речь, то повышая, то понижая голос. Я не мог разобрать ни слова в их литании, но мне не очень-то и хотелось — все мое внимание было приковано к стене, к которой примыкала сцена. Из небольшого прохода на свет люстры пара Слуг смерти вывела седовласого старика с завязанными глазами. Судя по всему, он вообще не понимал, что происходит — просто шел, понукаемый конвоирами, куда было велено, и не пытался сопротивляться. Следы синяков на его лице, равно как и дорожки засохшей крови под разбитым носом, свидетельствовали о том, что он уже пытался, однако это не привело ни к чему хорошему.

Мастер начал проводить пассы руками, в то время как речитатив стал нарастать. Чем активнее и агрессивнее становились движения мастера, тем громче пели Слуги смерти, впадая в какое-то пограничное состояние сознания. Они воздевали руки к небу и шатались, словно в трансе. Когда звучание достигло критической точки, а уши стало закладывать от громкости, в руке одного из помощников мастера блеснул нож. Он неотвратно рухнул прямо на грудь старика, который раззявил рот в беззвучном крике и упал на колени.

Пение тут же смолкло. В наступившем беззвучии было слышно лишь, как струится кровь по рукояти ножа и капает на дощатый пол.

Старик забился в агонии, после чего его тело изогнулось дугой.

После секунды наполненного мучением напряжения он обмяк в руках Слуг смерти.

Мой разум погас, будто кто-то задул все свечи и жаровни.

Я провалился в спасительную тьму, но последнее, что я помню, был громкий крик откуда-то с галереи.

У меня болела голова. Нет, не так — она буквально разлеталась на мириады крошечных осколков, каждый из которых будто обладал собственным нервным сплетением, в который

вонзали раскаленную иглу. От этого мучения не было никакого спасения, я пытался хоть о чем-то подумать, вспомнить, где я нахожусь, но тщетно. Все мои потуги развеивались под могучим натиском боли, словно песчаные замки перед приливной волной.

Когда я всерьез решил, что эта пытка продолжится целую вечность, что неведомый истязатель выжжет мой разум дотла, все резко прекратилось.

Нет, голова по-прежнему болела, но эта была привычная, человеческая боль, которая, правда, не давала пошевелить ни пальцем. Впрочем, в сравнении с длившимся до этого кошмаром, она показалась мне настоящим избавлением.

С трудом разлепив потяжелевшие веки, я понял, что лежу спиной на жестком деревянном полу. Вокруг царила непроглядная тьма. Моих ушей не достигал ни единый звук. На какой-то миг я испугался, что просто лишился своих чувств после этой испепеляющей головной боли, однако затем крепко вздохнул и услышал собственное дыхание.

Что ж, уже хорошо.

Превозмогая свинцовую тяжесть, которой налились все мои члены, я все же смог приподняться на одном локте, а затем повернулся на бок. Левая рука упала во что-то вязкое и холодное. Вытерев ее о живот, я вдруг заметил, что абсолютно наг. Голова продолжала гудеть, но с каждой секундой боль отступала, а я будто наливался энергией, постепенно приходя в себя. После нескольких безуспешных попыток я поднялся на ноги и сделал неуверенный шаг вперед, вытянув перед собой руки. Уперевшись в дверной косяк, я вышел в следующую комнату, пока босые ступни опять не наступили во что-то мокрое.

— Что со мной случилось? — тихо спросил я темноту, но никто мне не ответил. — Где я? Тут кто-нибудь есть?

Тишина.

Соберись, Рональд. Что ты помнишь?

Проклятье! В том-то и дело, что почти ничего! Работа на горе, Велизар, который увел Мариссу, падение в данскер...

Вдруг я услышал отдаленный смех. Очень глубокий голос, хотя и прозвучавший глухо. Скорее всего женский, но я не был до конца уверен. Прислушавшись, я сделал еще пару шагов вперед, но голос не становился ни громче, ни тише. Такое ощущение, будто он звучал прямо у меня в голове. Наконец, будто отсмеявшись, голос исчез, и на меня наконец обрушилась лавина воспоминаний.

Подвал Симеона. Побег от ордена Луцис. Встреча с Тарлом и, наконец, собрание Слу смерти.

Именно так все и было — фанатики зарезали несчастного старца, чтобы в меня вселилась душа их Госпожи. Будто я какой-то сосуд, пустая оболочка, которой можно воспользоваться, чтобы затем бросить, как надоевшую куклу в грязном подвале!

Негодование разгорелось в моей груди, как пламя костра, раздутое лишь из нескольких тлеющих угольков. Решительными шагами я двинулся вперед, после чего нащупал большой стол и чуть не грохнулся на пол, задев ногой приземистый табурет.

— Проклятье! — вслух выругался я и изо всех сил пнул табурет, крепко ушибив большой палец. Зашипев от боли, я уперся руками в столешницу, и под правую руку попала какая-то коробочка.

Ощупав находку, я понял, что нашел именно то, что искал — спички.

Я незамедлительно зажег свет и обомлел — в скудном свете от одинокого огонька я увидел небольшое помещение, судя по всему, подвал какого-то трактира или постоялого

двора, заставленный бочками с напитками и ящиками с овощами и солониной.

Широкий стол в центре комнаты был заставлен всевозможной снедью, правда, разбросана она была в полнейшем хаосе. Раздавленные виноградины и пролившееся вино, разбитые тарелки, опрокинувшиеся кубки и кувшины, чье содержимое продолжало потихоньку капать на пол. А на полу, буквально в нескольких шагах от застолья, лежали тела.

Мужчины и женщины. От совсем молодых, почти подростков, до уже пожилых. В одежде и без. Все они были разбросаны в разных позах, а на лицах застыло выражение неопишуемого страха. Тела были перепачканы застывшей кровью, у многих она запеклась на губах, и струйки убегали из полураскрытых ртов на дубовые доски подвала.

И если бы только тела! Между цельными трупами повсюду лежали их фрагменты. Отсеченные руки и ноги, вываленные наружу внутренности, отрубленные головы с распахнутыми глазами и вытянутыми языками. Проследив взглядом за длинной окровавленной дорожкой, я увидел совсем молоденькую девчонку, которая из последних сил ползла к выходу, однако убийца не дал ей и шанса — смерть настигла девушку у ступеней лестницы в виде ножи от табурета, которой он пришил несчастную к полу.

Пальцы обожгло — огонек дошел до конца спички, я выругался и бросил ее в сторону. Теперь, когда я знал, что именно скрывала темнота, мне стало очень страшно. Трясущимися руками я снова начал чиркать спичкой, но перестарался и обломил ее головку. Бросил испорченную в сторону, и, наконец, разжег новую.

Поискав взглядом по столу, я нашел единственную целую свечу, которую незамедлительно поджег.

В ноздри только сейчас ударил тошнотворный трупный запах, который в сопровождении с картиной расчлененных тел заставил меня буквально вывернуться наизнанку. Меня стошнило на стол неопределенной жижей красноватого цвета, в которой угадывались кусочки мяса, и... Волосы?!

Новая волна отвращения прокатилась по всему телу, меня передернуло, после чего снова вырвало. Густые черные волосы выходили из моего желудка, протягиваясь в пищеводе, и мне приходилось помогать себе руками, чтобы вытащить их наружу. Все это сопровождалось все новыми и новыми рвотными позывами, которые в конечном счете оставили меня совершенно без сил.

Кое-как утерев губы, а, вернее, размазав рвоту по лицу, я рухнул на табурет, чтобы хоть немного отдышаться.

Проклятье! Значит, так и “развлекается” эта их госпожа... Энерис? Да, вроде Энерис. Насколько я помню, мастер Слуг смерти сказал, что этого не случилось уже несколько лет... По всей видимости, истинная глава Слуг смерти в принципе не имела постоянного физического тела! Не знаю, как это возможно, но... Она каким-то образом направляла деятельность организации, приспешники занимались наемными убийствами, в то время как она лишь изредка пользуется их оболочками, чтобы “выйти в свет” и поразвлечься перед очередным периодом “спячки”. Солус великий, это ужасно! Она воспользовалась мной, моим телом, чтобы участвовать в этой безумной оргии, а затем перебить их всех, как скот! Наверняка затем, чтобы не оставлять свидетелей своего умопомрачения!

Интересно, есть ли среди них другие члены организации?

Я попробовал привстать на табурете и всмотреться в лица мертвецов, но мне тут же стало тошно, так что пришлось отказаться от этой идеи. Во-первых, я все равно не знал и

половины Слуг в лицо. А во-вторых, все это кончится лишь новым приступом тошноты, от которого я вполне могу потерять сознание. Да и какая, по большому счету, разница? Мне нужно было думать лишь о том, как выбраться отсюда живым, а потом уже решить, как быть с Велизаром. Желания иметь хоть что-то общее с этими извергами из Слуг смерти становилось все меньше — не ровен час, и меня прирежут, как того старика, ради сиюминутной прихоти госпожи.

Меня вновь передернуло от страха, а, возможно, я просто замерз — все же здесь, в подвале, было довольно прохладно, а я все еще не раздобыл одежду.

Копаться в куче мертвецов ради окровавленного тряпья мне не хотелось, а потому, взяв свечу в подставке с собой, я начал подниматься по лестнице.

Прочь из этого проклятого подвала!

И сколько еще раз мне придется оказываться без памяти черт знает где, чтобы потом с голой задницей искать, чем бы прикрыться?! Это уже начинает надоедать!

Наконец, я добрался до двери, ведущей в основной зал трактира. Интересно, день сейчас или ночь? Вдруг я окажусь без одежды, так еще и весь окровавленный, посреди целого зала обедающих людей? Вот будет номер! С другой стороны, что еще мне оставалось? Не сидеть же здесь до скончания времен!

Прислушавшись к звукам снаружи, я не уловил ни звона посуды, ни голосов. Ну, да поможет мне Солус!

Аккуратно надавив на ручку, я медленно приоткрыл дверь.

По ту сторону стояло два человека в одежде ордена Луцис. Посмотрев прямо в глаза одного из них, я узнал бойца, который чуть было не поймал меня в подвале дома Симеона.

— Добрый вечер, Гарнет, — сказал, словно сплюнул, боец и двинул мне кулаком в челюсть.

Пакмут Боуен

Вскоре Велизар вернулся — румяный и довольный, он подошел к счетоводу и хлопнул его по плечу.

— Как удачно ты женился, приятель, — хохотнул он и плюхнулся в кресло как ни в чем не бывало, а затем выпил еще один бокал вина. Жена Балли медленно вошла следом за ним. Выглядела она скверно — растрепанная, в небрежно застегнутом платье, девушка прошла к своему месту, как заводная игрушка, и опустилась на сиденье. Счетовод, вновь покрасневшийся, как рак, даже не посмотрел в ее сторону — они оба сверлили взглядом пространство перед собой, будто часовые на посту.

— Не женщина, а буря! — не унимался придворный маг, посмеиваясь. Вытерев проступившую на правом глазу слезу, девушка налила себе полную кружку крепкого черного кофе и осушила ее залпом. Велизар хмыкнул, однако, потеряв интерес к игнорировавшей его колкости семейной паре, вновь повернулся к нам с Питом.

— Ну, Пакмут? Подкрепился, как я посмотрю?

— О да. Отменное угощение, благодарю.

— Не стоит, — самодовольно отмахнулся Велизар, будто он имел хоть какое-то отношение к приготовлению этих блюд. — Небось, думаешь теперь, как скоро окажешься на виселице?

— Признаю, пролетала такая мыслишка, — пожал я плечами, после чего начал ковыряться в зубах миниатюрной зубочисткой в форме наточенной сабли. Еще пара десятков таких переключались в мой карман. — Но знаете, господин Велизар. При всем уважении... Вы вряд ли стали бы тратить свое личное, и, несомненно, драгоценное время на двух смертников.

— Однако! — притворно восхитился Велизар моим аналитическим способностям. — Вы, видимо, плохо меня знаете, господин Боуен. Я частенько веду себя непредсказуемо.

— Не сомневаюсь, — склонил я голову в почтительном поклоне. — И все же...

— Ладно, чего резину тянуть, — хлопнул он по столу. — Все верно, Пакмут, ты меня подловил. Я бы и в самом деле не стал ужинать с преступником, который через пару часов примерит пеньковый галстук. Хотя что-то в этом есть, — вдруг задумался маг, подняв глаза к потолку. — Ну, знаете... Поговорить с человеком, который, считай, уже одной ногой по ту сторону. Что он чувствует? Что его гнетет? Пожалуй, введу это в свое расписание, — хищно улыбнулся Велизар и выпил еще несколько глотков крепленого вина. Складывалось ощущение, что алкоголь не в состоянии его перебороть — на протяжении всего вечера Велизар только и делал, что опрокидывал в себя бокал за бокалом, однако, кроме красных щек и легкого блеска в глазах, на нем это никак не сказывалось.

— Впрочем, вернемся к нашим баранам, — кивнул он на Пита. — Насколько я понимаю, господин Харман, вы были одним из первых контрабандистов, кто начал вести дела на западном направлении?

Напарник буркнул в ответ что-то утвердительное.

— Можно сказать, вы стояли у истоков формирования Крэнстаунского контрабандного пути, равно как и рынка сбыта?

Кивок.

— А вы, господин Боуен? — повернул он свое идеальное лицо в мою сторону. — Сперва работали с Питом, затем перебрались в Рочестин, наладив собственную линию провоза “сахара” повстанцам из северного предгорья. Когда их замели, были вынуждены вернуться в Крэнстаун. Все верно?

— Именно так все и было, — кивнул я, после чего налил и себе ароматного кофе из высокого кофейника. Он стоял на подставке с горячими углями, отчего всегда сохранял идеальную температуру. — К чему эти вопросы?

— Разве неясно? — фыркнул Велизар и откинулся на спинку стула. — Вы оба люди опытные. Понимаю, что Харман сделал это не в одиночку, однако его подельники уже давно отправились на покой, — показал он пальцем в небо. — Но именно на вашем веку продажа оружия и пороха из одиночных, робких попыток превратилась в налаженное дело. Считай, настоящие пути снабжения, которые могли в полной мере поддерживать восстания на севере и западе Ригиторума.

— И теперь мы снова вам нужны? — рассмеялся я, после чего обхватил голову руками, уперев локти в стол. — Мрак Солуса, никогда бы не подумал, что стану обсуждать вопросы контрабанды на званом ужине с придворным магом королевства! Да что не так с этим миром?

— Удивлены? — Велизар развел руками. — Он всегда был чокнутым. Или вы этого не замечали? Эй, Балли? — подмигнул он счетоводу. — Мир всегда был безумным местом?

— Полагаю, что да, — безэмоционально проговорил молодой мужчина.

— Вот видите? — назидательно поднял он указательный палец. — Даже счетоводам ясно, в каком дерьме мы живем. Вселенная дикая, хаотичная и непредсказуемая. Никогда не знаешь, что случится завтра.

— Что от нас требуется? — глухо сказал Пит.

— Отправиться на северо-восток, — вдруг посерьезнел придворный маг. — На дальний рубеж королевства, где начинаются земли эрветов. Королевская армия уже давно ведет борьбу на этом направлении. С переменным успехом, конечно, есть и большие победы, и разгромные поражения, — покачал он головой. — Как бы то ни было, оружия туда поставляется просто невероятное количество. А эрветы сами народ диковатый, у них нет ни замков, ни укреплений, ни нормальных доспехов. Огромное количество боеприпасов и осадного снаряжения просто пылится на складах без дела.

— И мы должны придумать, кому это все... толкнуть? — все так же безучастно проговорил Харман.

— Именно, — кивнул Велизар. — Население северо-восточных регионов недовольно войной. Согласен, приятного мало, однако Десмос, да сохранит его Солус в добром здравии, непоколебим в этом вопросе — человечество должно прийти к единению, чего бы нам это ни стоило. Нельзя терпеть агрессивных соседей, которые то и дело устраивают набеги на порубежные города и поселения, иначе и остальные почувствуют свою безнаказанность. А антивоенные выступления местных активистов, которые готовы поднять лапки кверху и жить с эрветами “в мире и согласии”? Тьфу! — Велизар не постеснялся и буквально харкнул на мраморную столешницу. — Трусы и подлецы, вот они кто! Но чтобы прижать их к ногтю, мы дождемся прямого восстания, иначе власти Ригиторума прослышат агрессором, который готов жестко подавлять мирные шествия. Это не понравится феодам в составе королевства, понимаете?

— Разумеется, — уверенно кивнул я, хотя, признаться, мне эта политика всегда была до задницы.

— Найдите их лидеров в городе Гольново, — вкрадчиво продолжил Велизар, понизив голос. — Предложите им товар. Вооружите их, дайте надежду, чтобы они собрали всех недовольных в одном месте. И лишь когда *они*, а не *мы*, сделают первый шаг... Тогда их и настигнет карающая длань правосудия. Я ясно выражаюсь?

— Предельно, — процедил сквозь зубы Харман. Жаль мужика! Мало того, что лишился единственного сына, так еще и оказалось, что вся его жизнь прошла в роли послушной марионетки, которая делает только то, что от нее ожидалось. Боюсь, он никогда не смирится с этой участью.

— Красиво сказано, босс, — ответил я и выпил свой кофе. — Единственный вопрос — что мы с Харманом получим на этом предприятии?

— Помилование? — захохотал Велизар. — Или спасения от казни на позорном столбе вам мало?

— Ну-у-у... — протянул я, поиграв остатками напитка в кружке. — Вы же и сами прекрасно понимаете, что нам двоим терять нечего. Возврата к прежней жизни не будет в любом случае, так что виселица нас не шибко пугает. Верно я говорю, Харман? — повернулся я к другу, пытаюсь сохранить невозмутимый вид, хотя сердце гулко билось по всему телу. Что я такое несу?!

Пит молча кивнул.

— Вот я и говорю, — продолжил я, стараясь сохранить ровное дыхание. — Не питаю иллюзий о том, что мы незаменимы, однако найти таких же мастеров вам будет нелегко. Сами говорите, наши товарищи по цеху уже давно... — я снизил голос и поднял глаза вверх. Велизар с умилением наблюдал за моей речью.

— И чего вы хотите? — широко улыбнулся он, как довольный кот.

— Сперва, разумеется, амнистию. После того, как антимилитаристическое движение в окрестностях Гольново будет остановлено, мы с Харманом выйдем оттуда честными гражданами Ригиторума, словно новорожденные младенцы.

— Допустим. Что еще?

— Я хочу домик в Крэнстауне, — мечтательно проговорил я, даже слегка зажмурившись от удовольствия. — В районе Берсианского собора. Верхний Лайтвур. Необязательно большой, просто приличный домик.

— Всего-то? — хохотнул Велизар. — Просто приличный домик в одном из самых дорогих районов Ригиторума?

— Я ведь не прошу жилье на Горе, — подался я вперед.

— Еще бы ты попробовал, — злобно прошипел Велизар, и вся его напускная доброжелательность мигом слетела с лица, как сброшенная маска. — Не испытывай мое терпение, Пакмут.

— Вот-вот, — улыбнулся я уголком губ. — Я прекрасно понимаю границы дозволенного, поэтому не считаю свою просьбу чрезмерной.

— Я тебя услышал, — весело проговорил Велизар и сложил руки на груди. — А ты, Харман? Чего ты хочешь взамен?

— Покоя.

— Будет тебе покой, — махнул рукой придворный маг, после чего поднялся на ноги. — Итак, господа. Было приятно провести с вами вечер, однако королевские дела не ждут.

Оставайтесь в трапезной, сколько захотите, но не забудьте хорошенько выспаться — все комнаты дома тоже в вашем распоряжении. Утром я пришлю человека, который отвезет вас в Гольново. И да, Балли введет вас в курс дела по поводу текущей обстановки на северо-востоке. Предоставит все необходимые цифры, с которыми он так ловко обращается. Ну, хорошего вечера!

— Благодарю вас, господин Велизар! — поднялся я на ноги и вновь склонил голову. Харман продолжил сидеть, сверля колдуна взглядом. Велизар кивнул, после чего молча вышел из обеденного зала.

Через пару мгновений семья счетоводов последовала за ним, оставив на столе тугую папку с документацией.

* * *

Выпьи ручьи нежились в ласковых лучах рассветного солнца. Этот небольшой городок, что служил перевалочным пунктом в северо-восточном направлении от Минакса, получил свое название в честь обитавших тут птичек. Сразу за Выпьями ручьями начинался довольно опасный участок маршрута, который проходил через густые Кривоствольные леса. Следующее надежное место для ночлега — город Колпин — располагалось лишь через три дня пути по подтопленной чаще, а идти в леса небольшим отрядом было слишком рискованно.

— Не стоит туда выходить, господин Руби. Уж точно не сегодня. — Сэр Бедилин, комендант Выпьях ручьев, нервно дергал себя за длинный седой ус.

— Что случилось, Ричи? — недовольно пробормотал рекситор, потянувшись в седле головного скакуна. — Там кто-то есть?

— Один Солус ведает, — проговорил комендант и осенил себя знаком. — Дней пять назад туда вышел караван с продовольствием, а от них до сих пор никаких вестей.

Большой отряд рекситоров с моим старым знакомцем во главе остановился на восточном выходе из Выпьях ручьев. У меня было немало вопросов к Руби, тому самому Руби, которого я представил Харману как своего друга детства, лишь бы пустить его в состав каравана. Однако быстрый темп экспедиции, равно как и обилие вооруженных рекситоров, не способствовало разговору по душам. Да и что я ему скажу? Как это ты, дорогой мой Руби, столь своевременно скрылся с места будущей расправы? В общем, мне оставалось лишь злобно скрежетать зубами и молча повиноваться приказам, пока бравый командир отряда рекситоров вел нас в славный город Гольново. Что удивительно, Пит Харман не испытывал ни ко мне, ни к вероломному рекситору никакой злобы, хотя и получалось, что Натан погиб именно по нашей вине.

Когда экспедиция добралась до окраины Выпьях ручьев, местный комендант лично вышел из своего имения, чтобы предостеречь важных гостей о нависшей над городом опасности.

— Неужто не добрались? — Руби удивленно вскинул брови. — Маршрут не самый приятный, но чтобы целый караван сгинул в этих лесах? Раньше никогда такого не было.

— Я про что и говорю, — затараторил Бэдилин. — Караван большой был, с охраной, все честь по чести! Лихому люду уж точно не по зубам, если, конечно, это не сам Варрин со своей шайкой. Так ведь он далеко! Он же в Приморье орудует, гад эдакий!

— Варрина скоро кончат, не переживай, — отмахнулся Руби. — Ты мне про караванщиков подробнее расскажи. Что за охрана?

— Наемники из “Клыкков и копий”, человек тридцать их было.

Другой боец рекситоров, сидевший по левую руку от Руби, уважительно присвистнул.

— Крепкие ребята.

— Верно. И кто же мог их перебить?

— Эй, Руби, — подал я наконец голос. — Может, переждем?

— И сколько нам тут торчать? — возмутился командир отряда. — У меня приказ, Пакмут. Сказано — доставить, значит, доставим. Тебе об этом думать не надо, за тебя все придумают.

— Я несколько не сомневаюсь в ваших способностях к мышлению, господа, однако помирать в шаге от цели тоже не хочется.

— А ну, угомонись! — прикрикнул Руби, после чего нахмурился, бросив взгляд на Ричи Бэдилина. — Людей на поиски отправляли?

— Да кого ж нам отправлять? — удивился комендант. — Нам за порядком в самих Ручьях следить еле удается, а в чашу углубляться, против чудовищ? Ну уж нет!

— А что насчет Колпина? Там гарнизон серьезный.

— Не могу знать, господин Руби.

— Где ваш маг? — резко бросил командир. — Мне нужна связь с Колпином.

— Вы лучше поезжайте пока к трактиру нашему, на центральной улице, справа от ратуши. Туда и пришло господина Найрина!

— Только поживее, слышишь? — грозно приказал рекситор. — Нам медлить никак нельзя.

— Я это уж понял, — расшаркался комендант. — Поезжайте, поезжайте!

— К трактиру, народ! — приказал Руби. — Так и быть, устроим небольшой привал!

С момента разговора с Велизаром прошел уже месяц. Все это время меня и Пита везли по дорогам Ригиторума на северо-восток. До конечной цели путешествия, города Гольново, оставалось чуть больше недели пути. Эскорт у нас получился воистину королевский — двадцать полноправных рекситоров, которых вел Руби, и почти три десятка гвардейцев. Такой крупный отряд продвигался небыстро, однако сейчас, в отличие от нашего пути из Крэнстауна в Минакс, в спешке не было такой нужды.

Мы с Харманом путешествовали, как взаправдашние вельможи. Нам не приходилось касаться лошадей, и даже более того — собственных вещей! Рекситоры взяли с собой двух работничков — бодрые парни, лет по пятнадцать, которые из кожи вон лезли, чтобы сделать наше путешествие максимально комфортным. Разумеется, ребят никто не посвящал в курс дела. Они, небось, искренне верили, что два немых контрабандиста, которые не просыхали день и ночь, на самом деле являются какими-нибудь дальними родственниками самого Десмоса, и их под шумок вывозят подальше от столицы, чтобы не портить облик королевской семьи. Эх, умора! По итогу мальчишки и скакунами занимались, и багаж носили, и даже могли выполнить какие-то личные просьбы, хотя мы этим особо увлекались. Все же что я, что Пит были выходцами из простых семей, а потому помыкать несчастными служками нам несколько не хотелось.

В дороге я часто обсуждал с Харманом стратегию по развитию дела на востоке, а рекситоры поставляли нам всю необходимую информацию о количестве свободного вооружения и пороха на продажу. В общем, времени зря не теряли, но самое главное — погрузившись в работу с головой, Пит вновь стал похож на живого человека, а не разбитого

горем страдальца. Склоняясь над очередной таблицей с расчетом цен на “сахар” за последние несколько лет, старый контрабандист будто забывал об ужасной утрате и снова тянулся мыслями к горизонту. Такие люди, как он, должны постоянно чем-то заниматься, чтобы сохранить волю. Бездействие для них равносильно смерти.

Я же, в свою очередь, пытался быть максимально полезным для него, хотя и понимал, что в сравнении с матерым контрабандистом, поднявшим свое дело с нуля, был лишь посредственным торгашом, который применял чужие схемы. Без Хармана у меня не осталось бы и шанса исполнить волю придворного мага, так что я был очень благодарен напарнику за его вклад в мое светлое будущее.

И мой домик в тени Берсианского собора.

Трактир “Выпя сыпь” стоял в самом центре поселения. Учитывая, что это был кратчайший путь на северо-восток Ригиторума, Восходный тракт всегда пользовался популярностью среди странников и водителей торговых караванов. Именно поэтому постоялый двор в Выпях ручьях оказался очень внушительным — огромное трехэтажное строение, с виду напоминавшее коробку. Такая же гигантская конюшня, где все скакуны отряда не заняли и половины мест, подпирала трактир под правый бок.

Гвардейцы прекрасно знали свою работу — они споро распрягли лошадей, задали им корма, после чего всей гурьбой завалились в главный зал. Рослый трактирщик, увидев столь внушительную толпу, не смог сдержать широкой улыбки. Махнув своим помощникам из-за стойки, хозяин мигом юркнул на кухню, чтобы начать делать заготовки основных блюд.

— Ну что, время заморить червячка? — весело осведомился я у спутников, которые заполнили чуть ли не все пространство зала.

— Ты все еще голодный? — удивленно выпучился на меня Харман и приземлился на стул за длинным общим столом, рассчитанным на пару десятков человек.

— Да я никогда не прочь пожевать, — пожал я плечами и плюхнулся рядом с другом.

— То-то ты всю дорогу от мешка с сухарями не отрывался, — хмыкнул Пит.

Тем временем рекситоры и гвардейцы подтащили еще несколько столов, расставили вокруг стулья, и в итоге весь отряд собрался вместе. Редкие утренние посетители поторопились убраться от нас как можно дальше, забившись во все углы заведения. Руби сел прямо напротив и подмигнул мне, когда я посмотрел в его глаза.

— Чего изволите? — спросила подавальщица, которая остановилась рядом с Руби, наметанным глазом определив в нем лидера группы.

— Все, что нужно, чтобы накормить такую ораву, — с улыбкой обвел он присутствующих. Девушка на секунду задумалась, потом кивнула и без лишних вопросов скрылась на кухне.

— Надеюсь, это не брюква. Только бы не брюква.

— Успокойся, Пакмут. Голодным не оставят, — сказал Нагир, рекситор и близкий друг Руби.

— Я не боюсь остаться голодным. Я боюсь остаться несчастным.

Вскоре на столе словно сами собой начали возникать глубокие тарелки и несколько гигантских кастрюль с куриным супом. Я с упоением вдохнул аромат свежего бульона, а затем набросился на еду, будто не видел ничего съестного уже несколько дней.

Рекситоры и гвардейцы последовали моему примеру. Загремели ложки, потекла неспешная застольная беседа — люди обсуждали трудности пути и перспективы прохода к

Колпину.

— Да перестаньте вы, — отмахнулся Руби от очередного вопроса кого-то из отряда дворцовой стражи. — Какие тут чудовища?

— Ну а что тогда случилось с нашими предшественниками? — не унимался лысый гвардеец, который во время разговора продолжал обглаживать куриную ножку.

— Дождемся мага ихнего и посмотрим, — пожал плечами Руби. — К чему на кофейной гуще гадать?

— Кстати, вот и он! — крикнул Ледж, старший рекситор после командира. Все присутствующие повернулись ко входу, где как раз появился сэр Бедилин вместе с молодым парнем, чьи длинные черные волосы сплетались в густую косу за спиной. Одет он был в длинный коричневый балахон, в каких обычно ходили студенты Школы Инкантиации.

Увидев огромную толпу, ждущую его прихода, маг слегка смутился, но комендант не дал ему времени собраться с духом. Бедилин просто толкнул паренька в спину и тут же растворился в воздухе, оставив парнишку одного.

— Эй, колдун! Давай сюда! — махнул рукой Руби, выведя чародея из оцепенения. — А ну сдрысни, — шикнул он на лысого гвардейца, который, пробормотав что-то неразборчивое, все же выполнил приказание. — Присаживайся, друг, — хлопнул командир по освободившемуся стулу рядом с собой.

Маг благодарно уселся.

— Как я могу к вам обращаться? — спросил он скрипучим голосом.

— Просто Руби, — сказал рекситор и протянул руку. Колдун с плохо скрытой брезгливостью аккуратно ее пожал. Харман громко хрюкнул.

— Мастер Найрин, — гордо представился чародей. — Дисциплис Экскорпалис третьего ранга.

— Очень приятно. Господин Найрин, думаю, вы в курсе возникшей проблемы на пути к Колпину?

— Пропавший караван, — кивнул колдун. — Чего вы хотите от меня?

— Нам нужна связь с ихним чародеем. Понимаете, нам тут сидеть вообще не вариант, пока не наберется больше людей для прохода. Нас ждут, понимаете? Вернее, не меня, а этих двоих, — кивнул он в нашу сторону.

— Если вы готовы рискнуть, отправляйтесь сами, — пожал плечами Найрин. — Как вам помогут люди из Колпина?

— Пусть выдвигаются навстречу. Вместе будет проще разобраться в причинах пропажи целого каравана.

— Думаете, им это нужно? — усмехнулся колдун.

— А вот это нас совсем не волнует, — Руби придвинулся к Найрину поближе. — Ваше дело — передать приказ, а уж о его выполнении я сам позабочусь. Сделаете? — спросил он и сунул в карман балахона звякнувший мешочек.

— Что конкретно я должен сказать?

— Скажите, что рекситор Руби приказал отправить отряд в сторону Выпших ручьев для соединения с его экспедицией и поиска пропавшего каравана. Задача ясна? — подмигнул он колдуну, показав на секунду рекситорский медальон. Колдун гулко проглотил слюну и энергично закивал. — Вот и чудесно! Выдвигаемся через полчаса, — бросил он остальным членам отряда и встал из-за стола.

— А ты куда? — спросил я командира, который почти и не притронулся к еде.

— Отдохнуть, — бросил он в ответ и вышел из зала в сторону конюшен. Маг Найрин посторонился, выпустив командира из зала первым, а затем и сам убежал к своим кристаллам.

— Где ж он устал, интересно, — хмыкнул Ледж.

— Что вы привязались? Оставьте человека в покое, — веско проговорил Харман. — Небось, видеть уже не может ваши рожи проклятушие.

Рекситоры с готовностью засмеялись. Все же среди них хватало нормальных мужиков, и на контакт идут охотно. Особенно если не конвоируют вас на смертную казнь.

— Доел, Пак? — повернулся ко мне Харман.

— Почти.

— Давай завязывай. Пойдем покурим.

— А, Солус с тобой. Идем.

Выйдя из-за стола и поблагодарив девушку-подавальщицу, которая мигом убрала грязную посуду, мы с Питом вышли на свежий воздух. Солнце совсем недавно показалось из-за вершин высоких деревьев, а мы еще и не ложились — экспедиция шла всю ночь без остановки.

Пит раскурил трубку и крепко затянулся, после чего выдохнул в сторону густое облачко дыма. Оно напомнило мне вид на вечерний Минакс, который открывался с Горы в тот день, когда нас пригласили на званый ужин к Велизару.

— Интересная штука — жизнь, — улыбнулся я и крепко зажмурился, подставив лицо утренним лучам солнца.

— И не говори, — пробурчал напарник и снова затянулся. — Как думаешь, на сколько еще хватит рекситоров?

— Ты о чем?

— Мы-то с тобой в повозке покемарить можем. Нас дорога вообще никак не касается — надо будет, проедем хоть неделю кряду, все равно делать ничего не нужно. А эти парни ехали в седлах весь день, всю ночь, и вот Руби опять гонит их вперед, еще и на таком опасном участке. Подозрительно это.

— Да брось. Чего подозрительного? Уж не думаешь ли ты, что он нас специально сгубить хочет?

— Кто знает? — пожал он плечами. — Насколько я знаю, рекситоры отчитываются исключительно перед королем. Велизар, может, и возомнил себя правителем мира, но разделяют ли рекситоры его точку зрения? И конкретно Руби?

— Твою мать, — выругался я. — И что нам делать? Бежать?

— Чего сразу бежать? — сказал Пит и закашлялся. — Это лишь мои домыслы. В конце концов, Руби мог нас в любой канаве по пути закопать и не мучиться. Хотя...

— Что хотя? — разозлился я.

— Может, он просто не может сделать этого при свидетелях? — опять пожал плечами Харман. — А там, в глухом лесу, под атакой не то разбойников, не то мутантов... Кто знает, что с нами может случиться.

— Иди ты в пень! — сплюнул я на землю. — Все настроение убил. А я уж думал, сейчас сяду в повозку, выплусь хорошенько. А теперь, верно, и глаз не сомкну!

— Да ладно тебе, Пак, — добродушно хлопнул он меня по плечу. — Прорвемся. Но ты все равно будь начеку, ладно?

— Хорошо.

И я действительно был начеку.

Ханнар Вирс

Сильный степной ветер выдувал мельчайшие соринки из складок местности, отчего в воздухе постоянно клубились пылевые вихри. Они то и дело налетали на одинокую группку из семи человек, да так, что становилось невозможно дышать. Люди просто падали на колени и закрывали лица капюшонами, чтобы не надыхаться грязи. Когда ветер наконец стихал, колонна продолжала движение, чтобы как можно скорее добраться до стен.

— Проклятая степь! — в который раз закричал Давур, потрясая в воздухе кулаком.

— Ори, сколько влезет, приятель, — хмыкнул наш проводник, — да только ей все равно.

— Думаю, он догадывается, — хохотнул я и с трудом поднялся на ноги, покачнувшись от веса рюкзака. — По крайней мере, я на это надеюсь.

— Пошел ты, — огрызнулся напарник и встал следом за мной. — Долго нам еще топтать?

— Несколько часов. Ничего, привыкните. Потом уезжать не захотите.

Наш проводник, Витрам Генжи, родился в этих землях еще до того, как Ригиторум прибрал их рукам. Он был высоким и тонким, как жердочка, однако прочным, как стальной трос. Говорят, что проводнику уже близился седьмой десяток, однако он все еще был бодр и крепок, словно тридцатилетний мужчина. Его узкие глаза смотрели на мир решительно, хотя и с изрядной долей иронии ко всему происходящему. По всей видимости, это было возрастным, так что и меня не минует чаша сия. Пройдет еще лет десять, превращусь в такого же саркастичного старика, который не верит в светлое будущее. Хотя, скорее всего, это будет вполне оправданно.

Витрам вырос в племени кочевников, которых в королевстве называли степняками, а потому он прекрасно знал, как выживать в здешних краях. В отличие от своих воинственных соседей эрветов, что вели более оседлый образ жизни и цеплялись за родовую землю, степняки даже не подумали сопротивляться королевской армии. Нельзя сказать, что они приняли Ригиторум с распростертыми объятиями, однако и открытой враждебности не выказывали. На землях степняков стали быстро расти новые деревни и города, где переселенцы из центральных областей Ригиторума стали мирно сосуществовать с местными жителями, которых удалось задобрить с помощью всех благ современной цивилизации.

Здесь же, на самой восточной оконечности материка — мысу Гланнерик — расположился один из корпусов Школы Инкантации, а именно главный штаб дисциплин Коммутацис. Дело в том, что сама Школа находилась в городе Авронис в центральном Ригиторуме. Именно там студенты грызли гранит науки и постигали все премудрости выбранного направления — Экскорпалис, Экцизес, Коммутацис или Кинезис. Однако каждый факультет имел собственный замок, или башню, где уже полноценные маги с пройденным обучением занимались более глубокими научными изысканиями.

Как мне объяснял за кружечкой пива один из почивших дисциплин Экцизес, что служил в Восьмом полку, маги изменения выбрали своей базой именно этот мыс в связи с каким-то удобным возмущением в магическом фоне Ригиторума. Мол, многие заклинания Коммутацис получались намного эффективнее и проще именно в замке Форг, что высился

на мысе Гланнерик — единственном местном свидетельстве о былой мощи империи великанов, что некогда простиралась и на этих землях.

Кстати, о Восьмом — к сожалению, в битве за мнимую столицу эрветских племен наш полк был действительно уничтожен под ноль. Хищники Ангрета, которые изо всех сил мчались на помощь, все же успели отступить из-под огня магов Экцизес, когда те стерли игрушечный город с лица земли.

Хотелось бы верить, что жертва наших парней не была напрасной, и этой войне когда-нибудь придет конец. Впрочем, пока что эрветы даже не думали сдаваться. У них было еще много воинов, много союзников среди других дикарских племен, что продолжали свою обреченную на поражение борьбу с превосходящими силами Ригиторума. Лорд-командир Таннер не мог оставить дело недоделанным, поэтому королевская армия продолжала полномасштабное наступление, теряя и теряя людей в бесконечных лесных стычках с партизанскими движениями аборигенов.

Нас с Давуром командование решило сперва перебросить в Шестой полк, который совсем недавно расквартировался в Гольново в качестве подкрепления северо-восточного фронта. Ригиторум неизбежно стягивал все больше и больше сил, оставляя южное направление беззащитным. Однако по данным внешней разведки, вольные приморские города сейчас были не в том состоянии, чтобы развязывать очередное противостояние за выходы к побережью.

Вместе с нами в Гольново отправились и пленные вожди эрветов, с которыми стоило провести переговоры. По крайней мере, так приказал лорд-командир Таннер, ведь он рассчитывал хотя бы попытаться прийти к мирному соглашению.

Когда мы прибыли в город, наместник — сэра Арчет — оказался озабочен совсем другой проблемой. Трех вождей, что мы с Давуром доставили в Гольново, он приказал поджарить на медленном огне прямо посреди городской площади. Наместник хотел, чтобы местные степняки, которые нет-нет, да и имели общие делишки с эрветами, передали им это предостережение — смотрите, мол, что произойдет с врагами Ригиторума, если они не сложат оружие добровольно.

Лишь один предводитель самого незначительного племени был оставлен в живых, однако Арчет разместил его в свинарнике и кормил отбросами, о чем, опять же, были прекрасно осведомлены все жители Гольново.

Когда мы с Давуром пришли в расположение Шестого полка, один из офицеров просветил нас по поводу главного беспокойства сэра Арчета. Все дело в том, что в его ведении находился и замок Форг, ставший главной резиденцией дисциплис Коммутацис. Именно Арчет получал от магов отчеты о проделанной работе, а также снабжал колдунов всем необходимым для их опытов. Скотина, масла, топливо для каминов и очагов, и, конечно, продовольствие. И все бы ничего, но буквально неделю назад связь с Форгом прервалась — колдуны перестали отвечать на призывы местного мага Экскорпалис, а почтовые голуби оттуда не возвращались.

Сэр Арчет ждал, что ситуация разрешится сама собой, однако молчание целого факультета могущественных колдунов больше нельзя было игнорировать. Он принял решение отправить к мысу Гланнерик небольшой разведотряд — человек пять-шесть — чтобы они лично разобрались в ситуации. Быть может, в замке Форг случилось что-то страшное, и магам Коммутацис нужна помощь. Либо их эскорпальный колдун подхватил

горячку, оттого и не может временно отвечать на призывы.

В сформированную экспедицию включили нас, двух новичков, которые все равно пока не притерлись к Шестому, и тройку опытных человек из разведывательного корпуса.

Также Арчет переживал, что мы вообще не найдем замок в тех негостеприимных землях, а потому нанял для нас проводника. Витрам с удовольствием согласился сопровождать отряд по степи, однако он предупредил, что последний участок дороги к мысу придется пройти на своих двоих. Все дело в том, что лошади пугались того самого магического возмущения, из-за которого маги Коммутацис вообще обосновались в тех краях. Именно поэтому нам пришлось оставить скакунов в небольшой роще в дне пути от замка Форг и продолжить путь пешком.

— И как они получают продовольствие? — поинтересовался Давур после целого дня изнурительной ходьбы. — Тоже пешком тащат?

— По-другому никак, — пожал плечами Витрам. — Ни лошади, ни даже выведенные самими Коммутацис яниты, которых так любят караванщики в центральном Лимфоле. Все степное зверье старается убраться от Гланнерика как можно дальше.

— А как же скотина местных жителей? Живут же там люди, обычные селяне?

— Живут. И скотина у них тоже есть, это факт. Быть может, привыкают со временем? Если, скажем, теленок прямо там и родился, то он просто не знает, что может быть как-то по-другому? Или цыпленок тот же. Вроде и лошади у них есть свои, для местных нужд, однако стоит скакуна оттуда вывести — назад он уже не вернется, хоть режь его.

— И так было всегда? — спросил молодой разведчик по имени Родел.

— По правде говоря, не вспомню, — задумался проводник. — В детстве мое племя редко забредало в эти земли, хотя... Какая-то охота здесь точно была.

— А может, это сами Коммутацис зверье и распугали? — спросил Давур. — Небось, чувствуют, что тут что-то неладное с ними делают.

— Звучит логично, — поддакнул я.

— Ладно, раз животные сюда идти не хотят — как насчет морского пути? — не унимался Давур. — Разве нельзя было лодчонку туда отправить по Восточной дуге?

— Очень мощные течения, — ответил за проводника Трумел, командир отряда. — Знал я одного моряка, который нередко в вольные города ходил по торговым делам. Он мне рассказывал, что морской путь был бы в разы проще, однако кораблям на дугу путь заказан. Унесет и о прибрежные скалы размажет, многие пытались. Потому так и ходят по рекам, крюки нарезают.

— Вот ведь угораздило этих колдунов проклятых так далеко забраться, — покачал головой Мальвер. — И что им мешало в том же Минаксе обосноваться?

— Так ведь нельзя же, — улыбнулся я. — Они новых зверюг выводят, мутантов исследуют. А ну как вырвется кто на волю? Опасно им рядом с городами жить.

— Да ладно. Вот уж где-где, а в Минаксе никто бы этих ваших мутантов от местных бы не отличил, — пошутил Давур, и все дружно засмеялись. Народная молва никогда не была благосклонна к жителям столицы — над любителями нищеты и смога всегда потешались, хотя что-то мне подсказывало, что любой из этих шутников с удовольствием занял бы место жителя Минакса. Пусть шанс оказаться на Горе минимален, но сам факт, что ты живешь рядом с этим чудом света и видишь его каждый день собственными глазами... Я бы точно не отказался, но говорить об этом вслух было зазорно — вряд ли сослуживцы меня поймут.

— Сейчас подниметесь вон на тот холм, — проводник вытянул палец. Я действительно разглядел довольно высокое возвышение прямо на пути, куда тянулась извилистая тропинка. — Оттуда уже будет видно ваш замок.

— Не совсем “наш”, — медленно проговорил Трумел. — Форг был построен задолго до современного Ригиторума, еще в эпоху великанов.

— Да мне в общем-то без разницы, — вяло пожал плечами Витрам. — Я вас до холма довел, а дальше уж как-нибудь сами. Встретимся здесь же, у подножия с западной стороны.

Проводник сбросил рюкзак и тяжело опустился на землю. Посмотрев на его сгорбленную фигуру, я вспомнил, что этот человек даже мне в отцы годится, хоть я и сам не молод.

— А ты что, не идешь? — удивленно спросил Мальвер.

— Зачем? — не понял Витрам.

— Тебе было заплачено, чтобы довести нас до замка Форг, — твердо проговорил командир отряда.

— Мне это известно, — мягко улыбнулся в ответ проводник. — Но и вы поймите — староват я уже стал для таких подъемов. Вы не переживайте, через степь я вас провел, дальше никаких сложностей не будет. С пути не собьетесь. Сгоняете до замка и обратно, а я, может, подремлю немного — нам всем так будет только лучше, сразу сможем назад пойти. Идет?

— Хочешь отдохнуть? Только поэтому? Или замок тебя чем-то пугает? — не отставал от проводника Давур.

— Я просто не вижу смысла в моем присутствии там, — уставшим голосом ответил Витрам. — Если заставите, я, конечно, пойду с вами. Но скажите честно — оно вам надо?

— Знаешь, что...

— Оставь, Трумел, — положил я руку на плечо командира.

— Чего? — хмуро глянул он на меня.

— В самом деле — зачем он тебе? Что мы, сами не справимся?

— Мне не нравится, что он чего-то не договаривает, — проворчал командир.

— Глупости, — махнул рукой Витрам, после чего принялся раскладывать свою нехитрую снедь из поясной сумки.

— Видишь? — хмыкнул я. — Дай старику поесть, Трумел. Разберемся.

— Я согласен с Ханнаром, — поддержал меня Давур. — Главное не медлить, а то солнце скоро сядет.

— Солус с вами, — кивнул командир. — Отряд, за мной!

С этими словами он поправил лямки рюкзака и быстрым шагом принялся карабкаться на холм. Бойцы поспешно последовали за командиром, оставив Витрама позади.

С плоской вершины открывался отличный вид на весь Гланнерский полуостров, и мыс Гланнерик был самой выступающей его частью. На слегка холмистой равнине, лежавшей перед нами, как на ладони, тут и там виднелись небольшие деревушки, в которых жили обслуживающие замок простолюдины. Все же магам не пристало самостоятельно засеивать поля и заниматься скотиной.

В паре сотен метров от крайнего домика высился круглый барбакан — мощное оборонительное сооружение, защищавшее вход в крепость. Сразу за ним начинался ров глубиной в несколько метров, причем дальняя его стена была круто срезана в два уровня по

типу эскарпа.

Вверх по склону поднимался крытый коридор, который заодно служил и мостом через ров. Сама крепостная стена начиналась лишь метров на двадцать выше от барбакана. Это высокое и мощное укрепление из темно-серого камня через каждые сто пятьдесят метров прерывалось изящными башнями с треугольными крышами.

Сама крепость была пятиугольной, поскольку дальний ее конец как раз стоял на остром мысе. Оттуда в воду вели мусорные шахты и открывались окошки данскеров. В центре внешнего кольца из стен угадывалась крыша приземистой цитадели, которая была лишь немногим выше основных укреплений.

Также вдоль всей южной стены тянулась открытая галерея, чья крыша поддерживалась грубыми, но надежными каменными колоннами. Даже на таком расстоянии я мог заметить отблески на доспехах или оружии стражников — очевидно, в замке велась караульная служба.

— Видите? — Трумел указал пальцем на открытую галерею, как раз туда, где я заметил металлический блеск. — Стража на посту! Видать, зря волновались.

— Ну, не разворачиваться же теперь, — проворчал Давур. — Давайте хоть в гости зайдём, поздороваемся.

— Это понятно, приказ есть приказ, — кивнул Трумел. — Ну что ж, вперед!

Отряд без труда спустился с противоположной стороны высокого холма и двинулся мимо тщательно окуренных полей.

— Как-то тихо тут, не находите? — спросил я, поскольку всю жизнь прожил в деревне и знал, как она должна звучать. — Ни голосов, ни скотины не слышно.

— И верно, — удивился Давур. — Отсюда-то уж точно мы должны их слышать! Как будто в деревне и вовсе никого.

— А ну-ка стоп! — Трумел вскинул кулак, и отряд послушно замер. Мы пристально всматривались в окружившие нас деревенские домики, однако ни в одной избе или землянке не было заметно движения. Улицы деревни тоже стояли пустыми, и не было видно ни работающих людей, ни играющих в пыли детишек.

— Не нравится мне все это, — пробормотал Родел и обнажил меч. Его примеру последовали все остальные.

— Что будем делать? — спросил Мальвер командира, перекладывая прочный деревянный щит из-за спины в левую руку.

— Исполнять приказ, — мрачно отозвался Трумел. — Идем вперед, медленно и осторожно.

— Если вдруг что — отступаем к холму порознь, точка сбора на месте стоянки Витрама. Пусть выводит нас обратно в Гольново! — прошипел Давур.

— Отставить панику! Все будет в порядке. Следите за флангами и прикрывайте друг друга. Вперед!

Ощетинившись клинками во все стороны, отряд плотным строем двинулся вперед, и через пару десятков шагов мы оказались внутри деревни. По обе стороны от натопанной центральной улицы тянулись унылые вереницы домиков. Повсюду виднелись следы жизни — оставленные на земле детские игрушки, корыта с водой и не достиранным бельем. Через окно в избе по левую руку я смог рассмотреть накрытый стол — полная кастрюля домашних щей и четыре тарелки. Все это стояло нетронутым, будто семья только-только собиралась отобедать, но что-то им помешало.

Или кто-то.

— Ничего не напоминает? — нервно хихикнул я, повернувшись к Давуру.

— И не начинай, — хмуро отозвался сослуживец. И верно — открывшаяся нам картина до боли напоминала фальшивую столицу племени эрветов. Те же пустые дома и жуткое ощущение заброшенности, от которого внутренности сворачивались в тугой комок.

— Тихо! — Трумел опять вскинул кулак и начал вглядываться в темноту впереди, образованную узким проходом меж двух домов.

— Что там? — занервничал Рисли, самый молодой член отряда.

— Показалось, наверное, — тихо прошептал себе под нос Трумел. — Нет, ничего! Идем, — добавил он нормальным голосом и продолжил идти по дороге, к разрыву в сплошной стене домов. Сразу за узким проходом начиналась открытая площадь, по которой можно было добраться до барбакана.

Длинные приземистые домики, которые служили деревенским сараями, стояли на расстоянии в пару метров друг от друга. Окна были заколочены, чтобы не сквозило, поэтому я не мог рассмотреть, что творится внутри.

Нам пришлось выстроиться длинной колонной по одному, чтобы протиснуться в этот проход. Я сохранял постоянную бдительность, внимательно всматриваясь в закрытые ставни и заколоченные оконные проемы, пытаюсь отследить потенциальную угрозу. Правая рука крепко стискивала рукоять короткого меча, а левой я прижимал щит к груди, готовясь к отражению внезапной атаки.

Вскоре весь наш отряд оказался заперт в пространстве между сараями, однако пока все было тихо. Я уже поверил, что мы вот-вот окажемся на площади, но у судьбы были другие планы на этот день.

Первым вскрикнул Амир — он шел на шаг позади меня, и поразивший его удар вполне мог достаться мне. Обернувшись на крик, я увидел, что ставни по правую руку от нас сорвало с петель, словно от взрыва, и из открывшегося окна прямо в Амира метнулась гипертрофированная конечность, лишь отдаленно напоминавшая человеческую. Эта “рука” играючи пробила нагрудник воина и погрузилась в тело, сломав ребра и расплющив легкие.

Амир закашлялся кровью, алые потоки хлынули из его рта, носа и рваной раны на груди. Не успев сказать ни слова, молодой воин рухнул на колени, после чего повалился на бок и свернулся калачиком, да так и затих.

Увиденное повергло меня в настоящий шок. Я замешкался и не успел ничего сделать, но Давур оказался куда расторопнее.

Не раздумывая ни секунды, мой товарищ по полку с громким выдохом-вскриком рубанул мечом сверху-вниз, перерубив уродливую конечность в районе локтевого сустава. “Рука” с влажным хлюпаньем упала на землю, рядом с телом Амира, в то время как ее невидимый обладатель издал утробное рычание откуда-то изнутри сарая.

Оправившись от удивления, я взял себя в руки и стремительным движением подскочил прямо к окошку. Коротко заглянул внутрь и тут же отпрянул. Вовремя — другая “рука” метнулась наружу и пронзила воздух в том месте, где мгновение назад было мое лицо. Стоя чуть в стороне от проема, в безопасности, я успокоил дыхание. Другие члены отряда последовали моему примеру и прижались к противоположной стене, как можно дальше от сарая с выбитыми ставнями.

— Что там? — зашипел Трумел, обращаясь ко мне.

— Тьма сплошная, не видно ни черта, — махнул я рукой. — Но одного ублюдка я все же

заприметил, он прямо у окна стоит.

— Это человек?! — повизгивающим голосом спросил Давур.

— Похож, — пожал я плечами. — Лицо человеческое.

— Быть не может! Ты видел эту руку?!

Давур мог и не спрашивать — отрубленная конечность по-прежнему валялась у нас прямо под ногами и легонько подергивались, будто насекомое. Даже отсеченная часть была длиннее, чем лезвие наших мечей, значит, вся “рука” противника сравнилась бы с копьем. Очень опасное оружие, которое не могло принадлежать обычному человеку.

— Что будем делать, командир? — спросил Рисли. — Надо убираться отсюда!

Словно в подтверждение его слов, пара приколоченных досок в стороне от уже выбитого окошка тоже полетела со своих мест. Из открытых проемов показались новые гипертрофированные руки, протянутые в наши стороны. Изнутри доносилось сдавленное рычание и бессмысленное бормотание, издаваемое десятками, если не сотнями голосов.

— Мрак Солуса! — заорал Трумел и припустил по дорожке вперед, в сторону площади. — Чего встали?! — крикнул он на бегу, обернувшись. — Тащите оттуда свои задницы!

И мы побежали. Бежали под треск сломанных окон и выбитых из стен досок. В открывшемся по ходу нашего движения проеме появилась человеческая фигура. Противник действительно был похож на обычного селянина — мешковатые коричневые брюхи, белая рубаха. Вот только рукава этой рубахи были разорваны бугрящимися под кожей мускулами, а длинные руки висели плетями и волочились за “человеком” по земле. На его лице застыло крайне озадаченное выражение, будто мужчина не понимал, как вообще оказался в этом месте и что он тут делает.

Впрочем, это не отменяло его агрессивных намерений — когда Трумел поравнялся с мутантом, тот мгновенно атаковал, буквально выстрелив обеими руками в сторону разведчика.

Командир обладал отменной реакцией, а потому в последний момент он все же успел отскочить в сторону, на полном ходу врезавшись плечом в стену сарая. Хлипкая доска не выдержала, и командир провалился внутрь помещения, исчезнув в клубах пыли.

Я удвоил усилия и мигом догнал Трумела, на ходу рубанув рукастого ублюдка. Меч со свистом рассек мягкие ткани и шейный отдел позвоночника. Голова мутанта покатила по земле, а тело, испуская фонтанчик крови из перерубленных артерий, медленно завалилось набок. Удовлетворившись результатом, я вошел в сарай через образованный командиром проем.

В темном помещении, куда едва проникали слабые лучи закатного солнца, было яблоку негде упасть. Весь сарай оказался заполнен людьми, которые будто спали стоя. Поддерживая и опираясь друг на друга, они просто тарацились пустыми глазами куда-то перед собой, никак не реагируя на нас с Трумелом.

Почти на каждом из местных жителей, запертых в сарае, я смог разглядеть следы мутаций. Гипертрофированные руки и ноги, визуальные уродства на лицах, раздутые животы. Очевидно, здесь разгулялась какая-то злая магия, которая исказила местных жителей, превратив их в чудовищных марионеток.

Ближайшие к пролому существа, разбуженные падением Трумела, начали медленно поворачиваться в сторону раздражителя. На руках молодой темноволосой девушки я увидел длинные когти, которые больше походили на кинжалы. Замахнувшись своей чудовищной

лапой, она была готова вспороть замешкавшемуся разведчику брюхо, но я успел схватить его за ноги и дернуть на себя.

Когти мутанта нашли лишь сырую землю.

Вскочив на ноги, Трумел поблагодарил меня кивком, и мы вместе ринулись наружу, оставив толпу чудовищ позади. Оглянувшись перед тем, как припустить в сторону площади, я заметил, что остальные селяне тоже начали просыпаться. Проворачивая зрачки в своих темных глазницах, они все стали смотреть на меня и медленно ковылять к выходу. От этого ужасного зрелища кровь начинала стынуть в жилах, и я решил, что медлить не стоит. Пропустив вперед себя Рисли, замыкающего строй разведчиков, я побежал следом за ним. Благо, до конца сарая оставалось лишь несколько метров.

Наконец, отряд выбежал на привратную площадь, но лишь для того, чтобы вновь замереть в ужасе.

Прямо перед входом в барбакан двумя рядами тянулись колья с насаженными на них человеческими телами. Колья выходили в области плечей или шеи, и по отполированным до блеска древкам расплывались пятна засохшей крови. Вонь на площади стояла соответствующая — шутка ли, почти три десятка трупов, что провисели на солнышке явно не один день! Несмотря на явные следы разложения и плохо сохранившуюся одежду, перепачканную кровью, одного из мертвецов Рисли узнал:

— Эй, вы только гляньте! Это же профессор Марвейс! — ткнул он пальцем в пожилого человека, чье облезлое лицо застыло в жуткой гримасе с распахнутым в немом крике ртом. На носу мертвеца остались висеть золоченые очки в тонкой оправе, а одет он был в ярко-пурпурный балахон, пропитанный багрянцем.

— Кто такой? — спросил я, поглядывая назад, на проход между сараев. Пока преследователей видно не было.

— Это ж главный колдун в этих... Как их? Коммуналис, в общем. Местных колдунов!

— Откуда ты его знаешь? — поднял брови Трумел.

— Так ведь приезжал он в Гольново не так давно! Как раз с месяц назад. Выступал на городской площади, рассказывал что-то про новый вид тягловых животных, для пахоты, мол, породу бычков выводят.

— Тебе-то в этом какой интерес?

— А чего еще делать, пока Шестой в городе расквартирован? — пожал молодой солдат плечами. — Я стараюсь ничего важного не пропускать.

— Итак, магистр Марвейс, глава дисциплис Коммутацис, насажен на кол у ворот собственного замка, в то время как жители окрестных деревень дружененько мутировали и принялись отращивать здоровенные когтистые руки. Подозрительно, не правда ли? — истерично засмеялся Давур. — Мы как будто в кошмарном сне очутились!

— Ну-ка тихо! — шикнул командир и показал знаком: пригнитесь!

Мы дружно метнулись в сторону какого-то закутка в стене барбакана, позади насаженных на колья магов. Вдруг откуда ни возьмись, с дальнего конца на площадь вышла группа полуголых людей, одетых лишь в легкие накидки и украшения из птичьих перьев.

Не может быть!

— Эрветы? — шепнул я, бросив короткий взгляд на Давура. Тот беззвучно кивнул.

Человек семь эрветов, явно не самого низкого положения в племенах, уверенно протопали прямо ко входу в барбакан. Один из них со знанием дела вошел в боковую дверцу, которая оказалась незапертой, и поднялся на самый верх, к запорному механизму.

Прокрутив поворотное колесо, он поднял железную решетку, и эрветы всем скопом прошли в крытый коридор, уходящий к замку. Все это они делали спокойно и без суеты, будто уже не раз здесь бывали.

— Солус Великий, что происходит?! — злобно зашипел я на ухо Трумелу. — Откуда тут эти ублюдки? Линия фронта как минимум в трех неделях пути на север!

— Эрветы знают свои леса и здешнюю степь как свои пять пальцев, — отозвался Давур. — Не думаю, что наши условные линии наступления играют для них хоть какую-то роль.

— Но какие дела у них могут быть с дисциплин Коммутацис? — продолжал я. — Они же враги!

— Не думаю, что маги вообще живы, — скорбно покачал головой Трумел. — Либо у них что-то вышло из под контроля, и магия стала превращать все живое вокруг в мутантов, в том числе их самих... Либо эрветы устроили диверсию и перебили их всех. В любом случае мы с вами тут больше ничего не сделаем. Надо отступать в Гольново, чтобы сэр Арчет знало творящейся тут чертовщине.

— И желательнее поскорее, — сказал Давур, указав пальцем нам за спины. Повернув голову, я увидел, что со стороны деревни на площадь выходит все больше и больше селян. В их пустых взглядах, направленных на нас, не считывались признаки жизни — будто все они уже давно были мертвы, и шагали на нас как куклы, приведенные в действие чьей-то злой волей.

— Давайте убираться отсюда! — решительно сказал Трумел. Мы последовали за ним, прочь от барбакана и проклятой деревни, чтобы вернуться к холму в обход.

По правую руку открывался вид на небольшую долину меж двух холмистых гряд. Она спокойно купалась в закатном свете уходящего солнца.

Повернув голову, я чуть не лишился рассудка.

Вся долина, насколько хватало глаз, оказалась заполнена людьми. Больше всего это походило на войсковое построение, вот только я не увидел среди них ни одного вооруженного воина. Вся “армия” состояла из измененных людей, причем, судя по остаткам одежды на их почти что обнаженных телах, когда-то они были эрветами. Сейчас все эти чудовища стояли под последними лучами, как глиняные работы слетевшего с катушек скульптора, бывшего еще и под градусом. Он вроде и помнит, как должно выглядеть человеческое тело, да только постоянно ошибается, раз за разом делая лишь что-то отдаленно его напоминающее. Потекшие складки жира и кожи, непропорциональные конечности, раздутые грудные клетки и густой волосяной покров. Не было в этой долине двух похожих существ — каждый мутант был по-своему уникален, так еще и наделен каким-то опасным оружием. Длинные руки с острыми когтями, плотные наросты на предплечьях, которыми можно было кромсать плоть и ломать вражеские кости. Длинные иглы на плечах и спине. В общем, форменный ночной кошмар, иначе и не скажешь.

Однако измененные люди — лишь полбеда. Среди целого моря мутантов тут и там попадались островки из животных.

Сумасшедший скульптор не пожалел и их тоже — в этих чудовищах с сотнями острейших клыков и мощными лапами, увенчанными заостренными копытами, едва ли угадывались добродушные сельские буренки. Были там и быки, и собаки, и даже свиньи, вот только все они выглядели как насмешка над настоящей природой. Извращенные по своей сути, переделанные в монстров зверюшки действительно внушали первобытный ужас.

Вдоль рядов этой потусторонней “армии”, которая будто сошла со страниц книжек-страшилок, неспешно прогуливались несколько человек в колдовских мантиях пурпурного цвета. Остановливаясь у разных “экспонатов”, они что-то неспешно обсуждали, активно жестикулируя.

По всей видимости, не все Коммутацис отдали Солусу души.

Понаблюдав за этой картиной лишь несколько секунд, мы предпочли убраться как можно дальше отсюда. Сэр Арчет должен знать!

Обойдя холм, перед которым мы оставили проводника, мы наконец нашли следы стоянки — затухающие угли маленького костерка и расстеленная на камне ткань.

А вот Витрама нигде не было.

Как и наших припасов.

Тарон Прайд

— Там что-то происходит! — прошептал Амилен, взглядываясь во мрак подземного зала.

— Они проводят очередной обряд! Мы должны их остановить, ординарий! — вскрикнул Фаррел.

Амилен замялся в нерешительности. С одной стороны, культистов нужно уничтожить, в этом нет никаких сомнений. И чем скорее, тем лучше. С другой — ординария наверняка распирало любопытство. Он хотел знать, что задумали эти сектанты, а преждевременная атака непременно их спугнет.

Я прокрался мимо широкой спины Амилена на галерею, которая опоясывала все помещение. Под светом гигантской люстры я разглядел собрание, в котором насчитывалась почти сотня участников. Несмотря на то, что у каждого бойца ордена был при себе лексиант, чей концентрированный солнечный свет подавлял и даже блокировал магию, схватка будет нелегкой. На такие встречи не пускали мелких сошек — готов поспорить, что здесь собрались только лучшие члены секты, наверняка владеющими одним-двумя колдовскими приемами из школы Экскорпалис.

Ну ничего, и не таких прижимали.

На импровизированной сцене выступал мастер культа, человек в вороньей маске. Рядом с ним, посреди сложнейшей магической фигуры, стоял тот самый парень, что улизнул от нас с места проведения предыдущего обряда. Вот мы и снова встретились! Посмотрим, как ты побегаешь в этот раз!

Вскоре на сцену вывели связанного старика, а сектанты принялись зачитывать непонятую литанию. Дело шло к кульминации обряда, и, кажется, я понял, что сейчас произойдет.

— Они убьют его! — шепнул я Амилену. — Почти во всех их заклинаниях требуется жертва.

— Да, но *чего* они хотят этим добиться? — спросил ординарий, даже не посмотрев в мою сторону. Все его внимание было приковано к магической фигуре, где вот-вот состоится ритуальное убийство.

— Неужели мы допустим это? — возмутился Фаррел. — Позволим человеку умереть?!

— Проклятье... — Амилен Строгий до побеления костяшек сжал кулаки, но в конечном счете он принял верное решение.

— Звено! В атаку! Остановите этих людей! Берите их живьем по возможности!

— Во имя Солуса! — закричали бойцы ордена и ринулись вперед, заполонив пространство галереи. Мы с Фаррелом ринулись направо, первыми встретив противников из числа Слуг смерти. Застигнутые врасплох, они не успели сплести даже самого простенького заклятия. Ближайший ко мне враг неловко взмахнул мечом, пытаясь просто отогнать меня подальше, но я не медлил в отличие от него.

Большой шаг вперед, перенос веса на правую ногу. Жесткий блок, которым я играючи отбросил оружие сектанта в сторону. Затем я чуть наклонил меч, чтобы острием он смотрел прямо в незащищенное горло человека, и изо всех сил толкнул рукоять.

Клинок стремительно клюнул сектанта и тут же ушел. Из колотой раны брызнула ярко-

алая кровь, говорившая о том, что я попал куда следует. Человек в ужасе схватился за горло, но сделать он ничего уже не мог — жизнь покидала его вместе с толчками красной жидкости, струившейся между пальцев.

Оставив тело поверженного сектанта позади, я побежал вперед. Обошел Фаррела, который как раз покончил со своим врагом, и сбежал по ступенькам вниз, ко входу в главный зал.

Дорогу мне преградила железная решетка, однако ее удерживал настолько хлипкий замочек, что я с легкостью разбил его одним пинком. Фаррел и Милтон догнали меня, и мы синхронно выбежали из-под прикрытия колонн галереи на открытое пространство.

Слуги смерти, как они сами себя величали, уже оправились от шока и были готовы к драке. Те сектанты, что стояли позади, начали плести боевые заклинания. Ближайшие к нам противники решили не давать бойцам ордена пространства для развертывания боевого строя, а потому ломанулись вперед, чтобы попросту завалить нас телами.

— Расступись! — рявкнул у меня из-за спины Амилен Строгий. Испугавшись его порыва, я мигом отпрянул в сторону.

Вовремя.

Разъяренный ординарий выбежал вперед, прямо навстречу хлынувшей в его сторону лавине из сектантов.

Лидер звена высоко поднял над головой полыхнувший золотым сиянием лексиант, после чего резко пригнулся к земле, вбив его в каменный пол подземелья. Ярчайшая вспышка ослепительного света распространилась по всему залу.

На короткое мгновение разбившийся фонарь превратился в настоящее солнце.

Бойцы Луцис были готовы к этой атаке, так что мы вовремя зажмурились или отвернулись. А вот незадачливые сектанты, смотревшие на Амилена во все глаза, на несколько секунд лишились зрения.

— В атаку, бойцы! В бой! — снова повторил приказ Строгий, и солдаты ордена Луцис с радостью ринулись в сечу.

Я прыгнул вперед и мощным пинком повалил ближайшего культиста на пол. Боковым взглядом увидел еще одного врага, который вслепую махал перед собой мечом. Подгадав момент, я увернулся от неловкого выпада и огрел его рукоятью меча по макушке. Человек моментально лишился чувств и упал.

Наш рывок действительно увенчался успехом, почти полтора десятка культистов оказались на земле скрюченными и безоружными. Младшие бойцы Луцис, следовавшие по пятам за ударной группой, принялись надежно связывать их веревками, в то время как мы вступили в схватку с теми врагами, что еще оставались на ногах.

Стоит отдать сектантам должное — они не ударились в панику и не начали бездумно разбегаться при виде ордена Луцис. Роли было четко распределены, каждый точно знал, что следует делать. Разумеется, мастер Слуг смерти, равно как и парень, над которым проводили обряд, моментально скрылись за сценой, а проход туда намертво перекрыл целый взвод хорошо вооруженных бойцов.

Такое же разделение произошло и среди “зрителей” ритуала — те, что стояли ближе к выходу, быстренько ретировались, и лишь немногие члены секты добровольно остались биться, чтобы прикрыть отход товарищей.

Понимая, что мы захватим гораздо меньше сектантов, если увязнем в драке с оставленным прикрытием, Амилен дал единственный приказ: прорваться. Переглянувшись с

Фаррелом и Милтоном, мы взаимно кивнули и бросились влево, в обход основной группы сопротивления.

Дорогу нам преградили четверо сектантов. Увидев, что один из них замахивается свободной рукой, я выставил перед собой лексиант. Вовремя — магическая молния, сорвавшаяся с пальцев колдуна, столкнулась с лучом чистейшего света, который испарил ее прямо в воздухе. Запахло грозой, голова заболела от мощного выброса колдовской энергии, но я был все еще жив и готов к драке.

Другие члены Слуг смерти прибегли к опутывающему чародейству. Фаррел и Милтон вдруг споткнулись и кубарем покатались вперед, потому что вокруг их ног возникли полупрозрачные колдовские лианы. Громко выругавшись, Фаррел попытался разрубить их мечом, ведь его лексиант упал далеко в стороне. К сожалению, вражеские чары были не по зубам обычному клинку.

Сектанты бросились в атаку, намереваясь пригвоздить моих сослуживцев к полу, но я не позволил им этого сделать. Рывок вперед вместе с выпадом — колющий удар проходит в опасной близости с левым врагом, однако тот успевает отскочить назад. Не останавливаясь ни на секунду, я рву руку с мечом направо, описывая клинком сверкающую металлическую дугу. Опять мимо, но и второму противнику пришлось отказаться от идеи добить лежащего бойца.

Я выиграл драгоценные секунды, чтобы Фаррел и Милтон разобрались с путами с помощью лексиантов и встали на ноги. Издав могучий боевой клич, Фаррел ринулся вперед, как разъяренный берсерк. Он принялся обмениваться ударами со своим соперником на какой-то невероятной скорости. Однако противник Фаррела тоже оказался хорошим фехтовальщиком, и пока что они бились на равных.

Мне некогда было наблюдать за поединком друга до конца — стоявший передо мной сектант совершил резкий выпад, нанеся удар наискось. Правильно рассчитав скорость, я нырнул прямо под клинок, разминувшись с лезвием на палец или два. Ледяная сталь шумно просвистела мимо правого уха, а я тем временем поднял свой меч и с огромной силой вбил его точно в центр корпуса сектанта.

Острые мягко вошло в грудь противника, видимо, проскочив как раз под грудиной. Человек по инерции сделал еще шаг вперед, глубже насадил на мой меч, да так, что уперся животом в защитную гарду. Крепко обхватив оружие обеими руками, я резко распрямился из полуприседа, дернув меч вверх.

Изо рта сектанта выплеснулась кровь, он глухо захрипел, вытянув вперед пустые руки. Острое лезвие клинка развалило грудную клетку неприятеля, сломав ребра и разрезав легкие.

Теперь я точно знал, что противник надежно выведен из строя. Сделав резкий выдох, я рванул меч на себя и выставил плечо вперед, чтобы столкнуть бездыханное тело на пол.

Истекающий кровью культист повалился на спину, врезавшись в своего приятеля, который как раз начинал атакующее движение.

Этим я и воспользовался. Увидев замешательство сектанта, я совершил отскок в сторону, во время которого вытянул клинок на всю длину руки. Самым кончиком меча я вспорол щеку запутавшегося в ногах противника, однако порез получился слишком неглубоким — человек в ярости ударил по моему мечу, да так, что я чуть было не выпустил его из рук.

— Тарон! — услышал я отчаянный крик Милтона. Бросив короткий взгляд за спину, я

увидел, что мой напарник по ночным патрулям отступает под натиском молодого сектанта. Тот наносил один удар за другим, не давая бойцу ордена ни мгновения на передышку или контратаку.

Милтон выбивался из сил.

— Иду! — отозвался я в ответ и бросился на своего противника, чтобы быстрее закончить схватку. Сектант прочитал мое движение и встретил меч умело поставленным блоком — клинок соскользнул по подставленному под углом оружию врага, будто дождевая вода по откосу на крыше, и ушел куда-то в сторону. Моя рука последовала за ним, ведь я вложил в удар много сил, что открыло мой правый бок для нападения.

Понимая, что я не успеваю вернуть оружие в защитную стойку, я наоборот решил ускориться, толкнувшись опорной ногой вперед. Сектант, ожидавший, что я напрасно попытаюсь защититься, нанес классический удар слева-направо и сверху вниз. Он резво крутанул кисть, чтобы резануть открывшийся правый бок, вот только я здорово удивил его, грамотно уйдя из-под смертельного выпада вперед.

Меч противника все равно меня настиг, однако удар пришелся по задней поверхности правой ноги, где как раз находилась вшитая в кожу брюк защитная пластина. Лезвие все равно распорол ее, оставив на ноге довольно глубокую царапину, и ослепительная вспышка боли прострелила все тело.

Однако я по-прежнему жив.

Да, мобильность снизилась, но я пока не сдаюсь.

После длительных медитаций и изнурительных тренировок ордена я мог запросто справиться с болью. Школа фехтования Луцис закаляла не только тело, но и характер, так что подобное ранение не замедлило меня и не нарушило собранность сознания.

Я не собирался отдавать противнику преимущество.

Приземлившись на левую ногу, я тут же оттолкнулся от каменного пола назад, развернулся на пол-оборота и нанес сокрушительный удар сверху. Меч рассек непокрытую голову сектанта до переносицы. Череп треснул, из-под клинка стала толчками выбиваться густая кровь, перемешанная с ликвором. Рот человека открылся в беззвучном крике, он судорожно вдыхал воздух, силясь что-то произнести, но вскоре затих окончательно, а глаза его потухли, как перегоревшие угольки.

Не без труда вырвав меч из головы сектанта, я захромал к Милтону, который из последних сил отбивал наседающего на него культиста.

Шаг, еще шаг.

Милтон отражает удар за ударом, но вот он неудачно отступает назад, ботинок скользит по забрызганному кровью полу, и меч неприятеля находит в его обороне брешь.

Клинок, несшийся на Милтона справа-снизу, без особых усилий рассекает пластины на корпусе и погружается в плоть. Милтон громко кричит, хватаясь за глубокую рану на левом боку. Между пальцев немолодого уже воина начинает бить тугой кровавый ручей.

— Падаль! — заорал я и в приступе ярости бросился вперед, забыв о поврежденной ноге.

Сектант, который так и не успел обрадоваться победе, получил клинок в спину. Острие вышло из его груди в области сердца.

Издав предсмертный хрип, человек рухнул на пол как подкошенный.

— Милтон, дружище! Держись! — я подхватил заваливавшегося на бок приятеля и медленно опустил его к земле. — Лекаря сюда! Скорее! — вопил я, бешено вращая глазами.

В гуще сражающихся я не различал никого, кто мог бы помочь, как вдруг рядом с нами на колени опустился Ардел.

— Как ты? — обратился он ко мне, взглядом указав на распоротую ногу.

— Пустяк.

Лекарь понимающе кивнул. Не теряя ни секунды, он быстро разложил перед собой все необходимое — какие-то мази и непонятные склянки, над которыми Ардел принялся колдовать, смешивая содержимое разных пузырьков в одном маленьком стаканчике. Лекари ордена не боялись никого и ничего, они запросто могли начать оказывать помощь пострадавшему прямо посреди горячего боя, зная, что братья по оружию их прикроют.

Да и не было нужды оттаскивать Милтона подальше от линии столкновения — сектанты спешно ретировались, из последних сил удерживая бойцов ордена от дороги во внутренние помещения Большой Клоаки, по которым сейчас отходили самые важные шишки Слуг смерти. Никакой внезапной контратаки не последует.

— Держись, брат! — сказал я Милтону, покрепче сжав его руку. Боец ордена, которого уже начали активно пичкать лекарствами, глуповато улыбнулся в ответ.

— Все будет хорошо, я знаю, — прохрипел он, с трудом удерживаясь на самой границе сознания. — Возьмите их всех!

— Сделаем! — заверил я друга и поднялся, чтобы продолжить наступление.

Фаррел, который наконец расправился со своим врагом, махнул мне рукой. Вместе с Видиком они бросились наперерез целой группе сектантов, что попытались улизнуть через боковую дверь в дальнем конце сцены. Заработали клинки, Фаррел уверенно вошел в центр вражеского отряда, точно нож сквозь масло, раздавая во все стороны грамотные выпады и подсечки. Враги гурьбой покатались по полу, не ожидая такой эффективности и прыти лишь от одного человека.

Подоспело подкрепление, молодые бойцы ордена принялись связывать сектантов, а я, доковыляв до друзей, побежал с ними к охраняемому проходу по центру, где в начале схватки скрылся мастер.

Дверь сторожили около десяти-пятнадцати бойцов культа, вооруженных длинными мечами и прямоугольными щитами. Они стояли насмерть, сдерживая наседавших на них бойцов ордена Луцис, и пока никому не удалось пробить их глухую стену.

— Давай, как на Ольховой! — крикнул на бегу Фаррел, и, не дожидаясь ответа, отбежал чуть назад.

Нужен разгон.

Я поднял вверх большой палец, прыгнул вперед, чтобы остановиться в нескольких шагах от линии сражающихся сектантов, и присел на одно колено.

Фаррел быстро набрал скорость и на полном ходу прыгнул прямо на меня. Я подсадил его в полете, подставив руки, и изо всех сил подтолкнул напарника повыше.

Лексиант на поясе друга ярко вспыхнул.

Получилось — смелый прыжок Фаррела принес моментальный результат. Пущенный как снаряд воин перелетел через линию щитов и с громким грохотом свалился прямо на головы защитников, внося в их ряды смуту и хаос. Раздались громкие проклятья и ругательства, оставшиеся на ногах культисты попытались затянуть брешь, однако сражаться единым фронтом они уже не могли.

Бойцы ордена Луцис хлынули в образовавшуюся дыру. Несколько вспышек лексиантов прикрыли атаку, ослепив защитников, и через каких-то полминуты все было кончено.

Щитовики либо лежали поверженными, либо их уже связывали по рукам и ногам, чтобы предать справедливому суду.

Путь в служебные коммуникации был открыт.

— Живой, Фаррел? — весело бросил на бегу Видик, и, дождавшись ядовитого ругательства друга, первым вошел в дверной проем.

Раздался оглушительный грохот выстрела, который в ограниченном пространстве подземелья чуть не выбил мне барабанные перепонки.

Повернувшись на звук, я увидел, как из затылка Видика вылетел большой фрагмент кости, а с ним и содержимое черепной коробки.

Пуля защитника, который сидел в глубине тоннеля и сторожил проход, вошла Видику прямо в середину лба. Молодой боец, опрокинувшись на спину, так и умер с улыбкой на лице.

— Мерзкие твари!!! — заорал Фаррел и метнулся внутрь. Увидев в дальнем углу сектанта, который принялся судорожно запихивать в ружье новый заряд, боец в два прыжка оказался рядом и вырвал у того оружие из рук.

Культист, который жалобно захныкал, как маленький ребенок, попытался убежать, однако Фаррел был неумолим. Перехватив ружье наподобие дубины, он огрел врага прикладом по голове. Тот упал на колени и попытался защититься, но Фаррел нанес еще один удар.

Ломались пальцы. Трещали кости в предплечьях. Не в силах выдержать эту боль, культист наконец поддался, опустив руки, и следующий удар опять пришелся ему по голове. Кожа на лбу лопнула, обнажив голый череп, куда и обрушился очередной выпад. Кровь брызгала во все стороны, но боец ордена продолжал и продолжал бить, пока не превратил лицо убийцы в кровавую кашу.

После этого он изо всех сил швырнул изломанное ружье в сторону, отчего оно треснуло пополам.

Фаррел упал на колени и громко закричал.

— Тарон! Беги вперед! — злобно зашипел он, когда я подошел поближе. — Поймай всех, кого сможешь. Я останусь здесь, — всхлипнул он и медленно побрел в сторону Видика, над которым уже хлопотали младшие бойцы ордена.

— Я уничтожу их всех, — заверил я друга и поковылял в тоннель в сопровождении других бойцов ордена.

Вскоре нас догнал Амилен Строгий. Весь мокрый от пота и крови, он уверенно обошел уставших бойцов и устремился вперед, следуя за своим животным чутьем.

— И откуда в нем столько силы? — непонимающе спросил незнакомый мне боец из звена ординария Девиса, который уже начал задыхаться от бега.

— Он никому не позволит забрать у него славу победителя Слуг смерти, — хмыкнул я, однако в словах моих не было осуждения. Я считал, что ординарий нашего звена, со всей его приверженностью делу, действительно заслуживал этих почестей, хотя победа далась нам нелегко.

Извилистый проход вскоре привел нас к очередному широкому коллектору, где под небольшим наклоном стекала вонючая жижа. В освещенном лишь нашими лексиантами пространстве мы разглядели жуткую картину.

Звено ординария Трегони Каньедо, который должен был обойти зал собрания и отрезать сектантов от путей отступления, оказалось тут в полном составе. Разорванные тела с

отрубленными конечностями, залитые в крови сточных водах большого города, валялись там вперемешку с трупами сектантов. Их было немало, но еще многим наверняка удалось ускользнуть.

В середине побоища валялась расколота маска с вороньим клювом, но ее носителя нигде не было видно. Единственным человеком, кто по-прежнему стоял на своих двоих, был молодой парень со знакомым мне лицом.

Да, это точно он — тот самый культист, который сбежал от нас из подвала.

Тот культист, который стоял на сцене, и именно над ним мастер Слуг смерти проводил свой черный обряд.

Сейчас этот парень стоял в окружении мертвых людей, а с его меча стекала свежая кровь.

Он улыбался, глядя на учиненный хаос. Он смеялся, видя, как раненый боец ордена Луцис ползет от него прочь, волоча за собой выпущенные кишки.

В двух шагах от нас стоял на коленях Амилен Строгий. Его грудь пересекал глубокий порез, однако ординарий был все еще жив. Он тяжело дышал, сверля убийцу Каньедо глазами, а в его вытянутой руке слабо мерцал лексиант. По всей видимости, только его свет не позволял этому ублюдку приблизиться, чтобы завершить дело.

Увидев, что к Амилену подошло подкрепление, парень вновь рассмеялся, после чего спокойно повернулся к нам спиной и быстро исчез в лабиринте подземных тоннелей. Кто-то из бойцов Луцис помчался было вперед, но Амилен поднял сжатый кулак вверх, сделав знак остановиться.

— Там его уже не взять, — покачал он головой, после чего зашипел от боли. — И вас слишком мало. Не губите зря свои жизни.

Сказав это, он упал лицом вперед и потерял сознание.

— Что же нам делать? — спросил боец из звена Девиса, опускаясь рядом с Амиленом и пытаясь прижать ему рану чистой тряпкой. Кровь продолжала идти. — Вы двое! Приведите лекаря!

Молодые бойцы ордена отрывисто кивнули и убежали в обратном направлении.

Солдат посмотрел на меня, лицо его побагровело от злости.

— Как теперь найти беглеца? Сложно представить, на что он способен, если уцелел в этой мясорубке!

— Есть у меня одна идея, — проговорил я, глядя на фонарь Солуса, все еще сжатый в окровавленной руке ординария. — Думается, экзогитаторы с удовольствием посмотрели бы на лексиант, который запечатлел тонкий образ этого ублюдка.

— Думаешь, они смогут взять след?

— Пусть хотя бы попытаются.

Сказав это, я аккуратно разжал пальцы Амилена и взял еще теплый лексиант в руку.

Ты не уйдешь от меня, слуга смерти. Тебя найдут, и очень скоро.

С этими мыслями я медленно побрел в обратную сторону. Мне навстречу выбежал Ардел вместе с другим лекарем. Увидев Амилена, они тут же принялись оказывать ему помощь.

Хотелось верить, что наш ординарий выкарабкается. Без него будет туго.

Рональд, сын Даррена

В душной камере смердело мочой и кровью. Пот стекал по моему телу не просто каплями, а настоящими потоками. И это странно, ведь я не пил со вчерашнего вечера, и жидкости по идее было просто неоткуда взяться.

Однако я продолжал потеть, пропитывая грязные простыни под собой. Их не меняли уже две недели, и в складках постели пировали клопы. Они приходили ко мне не только по ночам, но и днем, а мне не доставало сил, чтобы их прогнать.

Я просто лежал и позволял им пить мою кровь, надеясь, что скоро я закрою глаза и уже никогда не проснусь.

Первая неделя моего заточения на острове Луцис, в застенках святого ордена, была еще терпимой. Да, меня почти не кормили и не давали питья, постоянно задавали вопросы и даже били, но дознаватели ордена никогда не переходили черту.

День за днем я просыпался от тяжелых шагов смотрителя, который волоком тащил меня по тюремному коридору в крохотную комнатку, где из предметов мебели был лишь плохонький деревянный табурет.

Меня приковывали к нему цепями, после чего в комнату входили бойцы ордена. Я пытался убедить их, что произошла ошибка, что обряд переселения, который пытался провести Симеон в подвале того злосчастного дома, не увенчался успехом. Я рассказывал им всю свою жизнь от рождения вплоть до ареста в трактире на улице Десмоса Десятого, но все было тщетно.

Бойцы ордена не могли поверить, что зверства, которые творила госпожа Энерис в моем теле, совершил не я. Мои показания виделись им сказкой, выдуманной историей, которую я сочинил, чтобы снять с себя вину. Когда я поведал им об обряде переселения душ, что в меня вселилась древняя “богиня”, которой и поклоняются слуги смерти, они откровенно рассмеялись.

Доводы и доказательства убийцы какого-то там ординария разбивались о ледяную стену непонимания и обиды, которую уже не удастся растопить. Обиды за погибших боевых братьев, что костями полегли ради ареста верхушки Слуг смерти, а заодно и меня.

Бойцы ордена Луцис приходили ко мне, чтобы излить куда-то свою злость, чтобы найти виновного, кого можно смело ненавидеть всей душой.

Сперва солдаты пытались вытянуть из меня информацию самостоятельно. Они просиживали в этой комнатке долгие часы, задавая вопросы и постукивая за то, что я пытался все отрицать. После целой недели бесплодных попыток выбить из меня признание, бойцы ордена Луцис сдались.

Они обратились к дознавателям. С этого момента я попал в настоящий ад на земле, и единственное, чего мне хотелось — спокойной смерти.

Однако такой роскоши мне не предлагали.

Помимо того, что дознаватели мучили меня голодом и жаждой, они начисто лишили меня сна. Каждый раз, когда я только начинал закрывать глаза, дознаватели кололи мою

кожу раскаленными иглами, или вырывали клоч волос.

В их арсенале было так много методов причинить страдание, что я вряд ли вспомню и половину тех вещей, что эти ублюдки со мной проделывали. Профессиональные мучители, что запросто заткнут за пояс любого душегуба, наверняка могли заставить любого человека признаться даже в самом тяжком преступлении.

Проведя целую неделю без сна, я совсем лишился понятия времени. Дни и ночи смешались в единый круговорот боли и страданий. Я рыдал, я умолял о помощи, я обещал сделать все, чего они только пожелают, протягивая окровавленные пальцы с вырванными до мяса ногтями, но они не слушали.

Разумеется, я сдался.

Я признал, что я действительно совершил все повешенные на меня злодеяния.

Я хотел, чтобы меня повесили за шею, как безродного убийцу, ведь я на самом деле заслуживаю подобной участи.

Но хуже всего то, что мне было просто нечего предложить дознавателям.

Да, я взял на себя ответственность за убийство целого отряда бойцов ордена вместе с их командиром, но что дальше? Я не знал ни остальных членов Слуг смерти, ни где они живут, ни мест встречи этого проклятого Солусом культа.

К несчастью, именно эта информация и была им нужна, а потому пытки не прекращались.

Единственный человек, которого я мог сдать, был Тарл, ведь я знал, где он остановился. Однако как раз его судьба дознавателям ордена была известна — Тарла я и сам видел несколько раз, когда меня тащили по коридору мимо его камеры. Такой же разбитый и раздавленный, с лохматыми волосами, застывшими от стусившейся крови — его участь была столь же незавидна, как и моя.

Спустя сколько-то недель жизни в аду, я начал понимать, что рассудок меня покидает. Я переставал различать людей, для меня они превратились в одинаковые безликие силуэты, которые существуют лишь для того, чтобы вызывать мучения.

Я путался в воспоминаниях. Они все перемешались, и события, которые происходили со мной еще в детстве, казались столь близкими, будто это было вчера.

В конечном счете все пришло к тому, что я перестал чувствовать боль — измученный бессонницей мозг стал отключаться прямо во время пыток, и в забытии я находил спасение от самых мерзких и неприятных вещей, которые они со мной делали.

За время пребывания в этом ужасном месте я сильно исхудал, ноги перестали меня держать, а руки не слушались. Как бы то ни было, несмотря на все причиненные мне страдания, палачи будто жалели меня, не нанося действительно непоправимого вреда здоровью. Все их пытки были направлены лишь на достижение максимальных болевых ощущений, но в этом они действительно достигли небывалого мастерства.

Не знаю, сколько еще прошло времени, неделя, месяц или два месяца.

В один из дней, невероятно похожий на все предыдущие, в комнате пыток меня встретили не обычные дознаватели, а боец ордена Луцис. Один из тех, кто пытался поймать меня еще в подвале Симеона.

Солус великий, почему я не сдался тогда, когда у меня был шанс отделаться лишь парой тяжелых разговоров и несколькими днями в обычной камере? Зачем я вообще ввязался в эту

авантюру, послушавшись Тарла и не убежав от него?

Хотел помочь Мариссе, спасти ее из рабства, и что теперь?! За время моего заточения с ней могло произойти все, что угодно! Она уже может быть мертва!

Либо ее все-таки отпустили, но как она изменилась? Простит ли она меня, что я так и не пришел ей на помощь? Ах, проклятье... Какая теперь разница, если я так и не выберусь отсюда? А судя по всему, отпускать меня никто не собирается. Так я и умру за преступления, которые не совершал, в застенках ордена Луцис. Святого ордена Луцис, призванного защищать людей от ужасов ночи.

Прости меня, Марисса.

— Что, прости? — переспросил меня боец, который сидел перед табуретом на корточках. С трудом разлепив веки, я непонимающе уставился на человека, пока не понял, что последнее предложение произнес вслух.

— Неважно, — хрипло произнес я. — Это уже не имеет значения.

Мне давно не приходилось разговаривать вслух. Голос меня не слушался, но с каждым следующим словом он становился громче и тверже.

— Как ты? Живой? — участливо поинтересовался боец ордена. Я бы рассмеялся ему в лицо, если бы у меня были силы на смех. Вместо этого я лишь натянуто улыбнулся и промолчал.

— Что тебе нужно?

— Я просто хочу поговорить, — аккуратно сказал человек и доверительно приблизился. — Меня зовут Тарон. Тарон Прайд.

— Очень приятно познакомиться, — не смог я сдержать желчь. — Мое настоящее имя Рональд. Сын Даррена.

— Мне нужна правда, Рональд. Скажи мне ее, и я обещаю, что обойдусь с тобой по справедливости.

— Какую правду ты хочешь? Выбирай любую! Да, я убийца, глава Слуг смерти и просто подонок. Убиваю стариков и по утрам ем маленьких девочек. Доволен?

— Почему ты до сих пор не сдался? — проигнорировал он сарказм. — После всех этих пыток... Разве может человек это выдержать?

— Хочешь попробовать? Давай поменяемся.

— Я говорю серьезно, Рональд.

— А мне уже на все плевать. Лучше убей меня, и покончим с этим. Чего вам это стоит? Вам нужен виновный? Вот он я! Убейте, казните, сбросьте с Горы в кучу дерьма в данскере, как это уже со мной проделывали! Мне все равно! Только прекрати это!

— Послушай, — положил он руку мне на плечо, и даже обычное касание обожгло меня, словно огонь. — Мне очень жаль. Остальные бойцы ордена... Они готовы сгрызть тебя живьем за то, что ты сделал со звеном Трегони, что ты сделал с Амиленом. Не говоря уже о телах в подвале трактира на улице Десмоса Десятого. И все же... Я уверен в том, что если бы ты что-то знал, ты бы уже давно это выложил. Если бы ты и правда был тем человеком, что носил личину Мортеда Льюиса, а потом переселился в эту оболочку в злосчастном подвале дома на Складочной, ты бы сломался под пытками. Этого никто не выдержит. Так почему же ты молчишь?

— Потому, что я не виновен? Потому, что единственная моя ошибка заключалась в том,

что я испугался вас, бойцов света, которые с оружием наголо ворвались к Симеону и видели, как я перерезал ему глотку куском битого стекла?

— Солус Великий... — прошептал Тарон и понурил голову. — Я верю тебе, Рон. Я верю. Я не знаю, как донести это остальным членам ордена. Амилен хочет, чтобы ты за все ответил, и он ни перед чем не остановится, чтобы вытянуть из тебя информацию об уцелевших Слугах смерти. И он готов пытаться тебя, пока ты окончательно не лишишься рассудка.

— Зачем ты пришел сюда и говоришь мне все это?! — брызжа слюной, спросил я Тарона, тщетно пытаясь вырваться из цепей. — Если ты не можешь ничего сделать, просто уйди! Если боишься убить, так оставь меня в покое!

— Как раз об этом я и думаю! — резко ответил боец ордена. — То, что я хочу сделать, называют предательством. Меня самого могут судить, и это будет справедливо. Но я не могу допустить, чтобы на острове Луцис невинного человека замучили до смерти.

— Неужели ты готов вывести меня отсюда? — недоверчиво поднял я одну бровь.

— Я сделаю все, что в моих силах. Я должен был убедиться, что ты говоришь правду, и что бы ни думал Амилен или Фаррел, я поверил тебе.

— Ты сможешь это сделать?

— Мне нужно подумать, как все обставить. Дай мне несколько дней. Сможешь продержаться?

— А что мне остается? — пожал я плечами настолько, насколько позволили тяжелые кандалы. — Скажи, чего ты хочешь взамен? Мне нечего предложить.

— Справедливости. Это единственное, чего я хочу. Ты должен быть на свободе, и только после этого я смогу сосредоточиться на поимке тех, кто ответственен за все это. Если, конечно, хоть кто-то из них уцелел.

Мы немного помолчали. Где-то вдалеке забрезжил слабый огонек надежды, но я не позволял ему разгореться — слишком многое мне пришлось пережить, и призрачный шанс на спасение не мог перекрыть весь тот ужас, который преследовал меня последний месяц.

— Держись, Рональд, — вновь повторил Тарон. — Мы что-нибудь придумаем. Держись.

Прошло еще три дня. Дознаватели приходили реже, однако суть их визитов несколько не изменилась. Те же вопросы, прогоняемые по кругу. Те же опостылевшие уже попытки, от которых я благополучно сбегал в измененное состояние сознания и оставался в беспомощности. К вечеру третьего дня мне даже принесли ужин — пара вареных яиц и какая-то каша на воде, которые я смолотил в считанные мгновения, даже не почувствовав вкуса.

Само наличие аппетита убедило меня в том, что я еще поживу. Значит, оставалось лишь дожидаться исполнения плана Тарона. Учитывая, что от меня в этом вопросе ровным счетом ничего не зависело, я молча сидел в своей камере и кормил клопов, думая о том, что сделаю первым делом, как окажусь на свободе.

Во-первых, нужно было сходить домой, поговорить с соседями. Быть может, Мариссу все же отпустили? Ведь не изверги они какие-нибудь, чтобы невинную девушку хладнокровно убивать? Небось отправят восвояси, может, и заплатят за молчание... Хотя не думаю, что Велизар боится общественного поругания — с его возможностями и влиянием он запросто отмахнется от любого обвинения, как от клеветы, и доказать у жертвы ничего не выйдет.

Что ж, если Марисса будет там, я сразу же схвачу ее в охалку, не вырвется. Мы уедем

отсюда прочь, на самый край Ригиторума, и пусть все это останется лишь страшным сном, который мы больше никогда не будем вспоминать. Только бы с ней все было в порядке! Солус, если ты меня слышишь, пусть Марисса будет жива...

Но что я буду делать, если от нее так и не будет никаких вестей? Хватит ли мне сил, чтобы подняться на Гору в поиске ответов? Если раньше я мог рассчитывать на помощь Слуг смерти, то теперь от них осталась лишь жалкая горстка, да и то разрозненная, залегшая на дно от ищек ордена Луцис.

А, неважно. Если с моей Мариссой что-то случилось, если она до сих пор не вернулась домой в добром здравии...

Велизар умрет.

Я знаю это так же точно, как и то, что мой разум трещит по швам. Но я обещаю, что сохраню рассудок хотя бы до того момента, пока не буду стоять над остывающим трупом придворного мага.

С этими мыслями я провалился в поверхностный сон, который в любой момент мог прерваться очередным болезненным ударом, хотя в последние несколько дней даже чертовым дознавателям наскучило постоянно за мной следить.

В конечном счете мне даже удалось немного поспать.

Следующее “утро” началось с привычного стука по глухой двери камеры. Смотритель, которого вроде звали Фран, со скучающим видом отворил смотровое окошко и заглянул внутрь. В его заспанных глазах с прожилками сосудов я не мог прочесть ничего, кроме всепоглощающей скуки.

— Вставай, Рональд, — проговорил он, нарочно сделав акцент на моем имени. Мол, ври, что хочешь, но я-то точно знаю, что никакой ты не Рональд.

Не ответив ни слова, я привычным движением встал с лежанки и вытянулся в полный рост. Не скажу, что мне это легко далось — мышцы болели как после тяжелого трудового дня в шахтах Угольных гор, а голова гудела, будто церковный колокол.

— Поживее! — раздраженно повысил голос надзиратель и отворил дверь, а сам отошел чуть в сторону. В его руке многозначительно покачивалась дубинка, которой он не стеснялся прохаживаться по моим измученным бокам, если я вдруг плелся слишком медленно или делал не то, что от меня требовалось.

— Иду, иду, — буркнул я и побрел вперед, как покорный агнец. Было время, когда я пытался сопротивляться, кричал и вырывался из цепких лап смотрителей. Кусал их за пальцы и пинался, однако исход всегда оставался тем же. Я быстро понял, что смысла в сопротивлении никакого, и дознаватели в любом случае получают то, что хотят. И хотя сейчас надзиратель был всего лишь один, я даже не думал о побеге — шансов вырваться из главного храма Луцис посреди Минакса было просто невозможно. Особенно такому израненному и слабому.

— Сегодня как обычно? — грязно ухмыльнулся надзиратель, когда я подошел к нему и протянул руки, чтобы он защелкнул кандалы. Тесные металлические обручи когда-то больно впивались в кожу. Впрочем, сейчас я сильно исхудал, и запястья свободно болтались в наручниках, оттого я не испытывал никаких неудобств. — Надеюсь, тебя хорошенько отоварят, падаль.

— А я надеюсь, что ты сдохнешь, — процедил я сквозь зубы. Смотритель плотоядно улыбнулся, уже заноса кулак, чтобы покарать меня за дерзость, но в этот момент на его

голову приземлилась деревянная дубинка, какими пользовались местные стражники. Раздался глухой стук, глаза Франа раскрылись от удивления, но как-то ответить на дерзкое нападение он уже не сумел. Ноги надзирателя дали слабинку, и он рухнул на бок, как подрубленный молодой дубок.

— Быстрее! — шепнул Тарон. Он отбросил дубинку в сторону и расстегнул кандалы, воспользовавшись позаимствованным у Франа ключом.

— Ты? — удивился я, глянув на своего внезапного спасителя. — Не может быть!

— Думал, у бойцов ордена Луцис совсем нет совести? Нет чести? — даже как-то обиженно проговорил он.

— Я был уверен, что наш разговор мне привиделся. А может, я и сейчас сплю?

— Отбрось сомнения. Нужно поторопиться!

С этими словами он схватил меня за руку и потащил по длинному тюремному коридору мимо закрытых наглухо дверей камер. По пути нам не попалось больше ни одного надзирателя — по всей видимости, в этот час на этаже дежурил лишь один человек, который сейчас лежал на полу без сознания.

— Как только появятся сменщики, поднимется тревога. К этому времени тебе лучше бы оказаться как можно дальше от Минакса. Но боюсь, что я успею вывести тебя только из храма ордена. Как только весть о сбежавшем пленнике дойдет до примаса Валианта, он спустит на тебя всех собак. Доберемся до конюшни, дам тебе пару самых быстрых скакунов, и мчись отсюда во весь опор. Солус защитит.

— Я не могу просто уехать отсюда, — покачал я головой на бегу.

— Что значит — не можешь?! — гневно повернулся ко мне Тарон. — Хочешь сказать, что я зря жертвую своей свободой? Неужто уже соскучился по своей родной камере? Так к ней привык, что и расставаться не хочешь?!

— Не в этом дело. Я должен кое-кого найти. И я не покину Минакс, пока не отыщу этого человека.

— Мрак Солуса! — прорычал Тарон, однако с шага не сбился. Он по-прежнему уверенно вел меня по лабиринту тюремного подвала ордена Луцис, безошибочно выбирая направление и открывая потайные двери, которые вели к поверхности кратчайшим путем. — Что ж, я должен был ожидать чего-то подобного. Сам виноват.

— Прости, Тарон.

— А, ничего. Делай, что считаешь правильным. Идти хоть можешь? — только сейчас поинтересовался он, смерив меня оценивающим взглядом с ног до головы.

— Как-нибудь справлюсь, — хмуро отозвался я. Мышцы по-прежнему гудели от натуги, колени тряслись, однако одной лишь ярости хватало, чтобы заставляя ослабшее тело переставлять ноги.

— Ну и отлично. Идем!

Отворив последнюю дверь, Тарон вывел меня под открытое небо. Я готовился увидеть спящее утреннее солнце, однако небо было темным, а полная луна, тусклая от городского смога, висела у нас прямо над головами. Да уж, мое внутреннее ощущение времени действительно сломалось.

— Погоди здесь, я их заговорю! — сказал Тарон и оттеснил меня к стене гигантского Храма, который возвышался над всем островом Луцис. Слившись с тенью между выступами на фасаде храма, я молча наблюдал, как боец ордена прогулочным шагом добирается до приземистой одноэтажной постройки в полсотне метров от нашей позиции. Наконец Тарон

вошел внутрь через небольшую калитку, и я перестал понимать, что происходит.

Прошла минута, две, три, а от спасителя не было никаких вестей или знаков. Из одежды на мне была лишь засаленная набедренная повязка, и на пронизывающем до костей ночном ветру я быстро начал стучать зубами. Кожа покрылась мурашками, я стал дрожать всем телом, тщетно пытаюсь обнять всего себя, чтобы закрыться от холода. Время шло, луна перемещалась по небосводу, но Тарон до сих пор не появлялся.

Что же делать? Попытаться счастья и пойти вперед самому? А вдруг ему нужна моя помощь?

Или лучше послушаться прямого приказа и ждать здесь, мало ли, какая трудность возникла на пути бойца ордена?

Итак, я решил выждать еще несколько минут, а затем плюнуть на все и прорываться с острова Луцис в одиночку, и будь что будет. Иначе я просто замерзну здесь насмерть, и тогда дерзкий план Тарона Прайда действительно окажется пустой затеей.

— Кажется, они пошли сюда... — услышал я глухой голос из коридора, откуда мы вышли. Затем появился звук шагов как минимум нескольких человек — тяжелые ботинки гулко стучали по каменным плитам. Люди шли быстро, и через полминуты они выйдут на свежий воздух и, разумеется, сразу увидят полуголого мужчину даже в бледном свете луны.

— Неужели он нас предал? — возмущался кто-то из преследователей. — Я ж верил Тарону, как собственному брату!

— Не ты один, — хмуро добавил кто-то еще.

Я решил, что надо срочно делать ноги. Наплевав на осторожность, я оторвался от спасительной стены и бегом припустил по направлению к лошадиным стойлам. Хотя это сложно было назвать бегом — я еле ковылял по утопанной земле рядом с храмом, волоча побитую правую ногу, как неудобный костыль. Когда до дверей конюшни оставалось лишь несколько шагов, я услышал окрик, который стеганул меня в спину, словно бич.

— Эй, ты еще кто такой?

— Он здесь! — заголосил противным голосом кто-то из бойцов ордена Луцис, и все они дружно побежали в мою сторону.

— Мрак Солуса! — вырвалось из моего сдавленного удушьем горла, но я не оставил попыток добраться до конюшни.

Шаг, другой, третий...

О Боже, как глупо будет вновь попасть к ним в руки, когда до спасения было лишь рукой подать! Ну же, Рональд! Вперед! Ради Мариссы!

Всем весом навалившись на дверь, я с трудом распахнул ее и оказался во внутреннем помещении конюшни. Перейдя порог, я тут же закрыл ее, и вовремя. С той стороны послышался мощный удар, будто кто-то из преследователей на полном ходу врезался в неподатливое дерево.

Заперев дверь на засов, я обернулся и осмотрел конюшню изнутри.

Помещение освещалось лишь двумя масляными лампами. По бокам тянулись стойла с лошадьми, которые закрывались высокими одностворчатыми дверьми. В дальнем конце я увидел раздвижные ворота, которые как раз были открыты, а, значит, я мог прыгнуть на любого скакуна и устремиться прочь.

Вот только прямо передо мной на коленях стоял Тарон Прайд. Из уголка его губ стекала струйка крови, нос был разбит, а вокруг собрались трое бойцов ордена Луцис. Раньше я не видел никого из них, а, значит, они были не из звена Тарона. Да и одежда их отличалась, я

разглядел странные вставки в области наплечников глубокого зеленого цвета, в то время как накидки рядовых бойцов ордена всегда оставались монотонно серыми.

— Вот и доказательство, — облегченно усмехнулся один из бойцов ордена, тот, что стоял прямо за спиной моего спасителя и держал обнаженный клинок у его шеи. — Что теперь скажешь, предатель?

— Проклятье, неужели вы настолько глупы? — уставшим голосом проговорил Тарон. — Как вы можете этого не понимать?!

— Закрой свой рот! — У бойца не выдержали нервы и он замахнулся, чтобы огреть Прайда тяжелой рукоятью по голове, но тот был готов к подобной выходке. Тарон резко ударил головой назад, врезав своему пленителю затылком в живот. Боец ордена, не ожидавший такой прыти, громко вскрикнул и не успел завершить удар, чем Тарон не преминул воспользоваться. Распрямившись на ногах, как на тугих пружинах, он мигом выхватил у противника меч, а заодно изо всех сил вмазал тому кулаком в подбородок. Боец громко лязгнул зубами и грохнулся на спину, да так и затих, будучи уже не в силах подняться.

— Что ты творишь?! — заверещал другой солдат, обхватив голову руками.

А вот его напарник стал действовать куда решительнее. Он бросился вперед, широко размахивая перед собой клинком, явно намереваясь прикончить Тарона.

— Предатель! — крикнул атакующий боец и сделал мощный выпад, нацеленный прямо в грудь моему спасителю. Прайд сделал отскок и оказался сбоку от врага, после чего ударил с разворота. Его меч оцарапал плечо человека, хотя рана оказалась совсем неглубокой.

— Чего стоишь, Рон?! Беги! — рывкнул Тарон и махнул в сторону ближайшего стойла, после чего снова схлестнулся в поединке с раненым бойцом. Я понимал, что совсем скоро остальные члены ордена Луцис додумаются обойти конюшню и войти внутрь через распахнутые двойные ворота. Либо просто выбьют захлопнутую мной дверь, ведь она уже держалась только на честном слове.

Счет шел на секунды. Отвернувшись от Тарона, на которого теперь уже наседали два неприятеля сразу, я открыл стойло с пегой лошадью и впрыгнул в седло. По всей видимости, Тарон все уже успел приготовить кобылу к скачке перед тем, как его вычислили.

Плотно схватив поводья, я стукнул пятками по бокам лошади, и она быстро поскакала вперед, в сторону ворот. Боец ордена попытался преградить мне путь, но Тарон буквально бросился на него со звериным рыком, отбросив меч в сторону. Они кубарем покатались по полу, и лошадь чуть было не наступила на них подковами, но мне удалось потянуть ее в сторону, чтобы избежать столкновения.

В воротах появились новые бойцы ордена, и я сильнее пришпорил скакуна, чтобы прорвать их заслон. Оглянувшись на ходу, я увидел, что лежавшего в грязи Тарона жестоко избивают.

Прости меня, брат. Ты сделал очень много, и я никогда тебя не забуду.

А вот на совести Велизара появилось еще одно деяние. Ведь если бы я не оказался в этой ситуации изначально, то и Тарон Прайд до сих пор оставался бы на хорошем счету в своем ордене.

Ты слышишь, Велизар?

Я скоро приду, и ты ответишь за свои грехи.

Пакмут Боуен

Кривоствольные леса оправдывали свое название на все сто — именно так и хотелось обозначить местный зеленый массив, который раскинулся на несколько дней пути между Выпшими ручьями и городом Колпин. Видимо, сказывалось плохое качество местных почв. Либо на природу восточных районов Королевства давил повышенный магический фон этих земель.

Все дело в башне Экцизес, резиденции магов одноименного направления, также известных как “Отнимающие жизнь”. Боевые колдуны годами оттачивали свое мастерство даже после окончания своей Школы, чтобы поставлять на фронт только самых подготовленных бойцов. Видимо, именно эти остатки колдовской энергии, просачивающиеся в окружающую действительность, заставляли стволы деревьев закручиваться в причудливые формы. Передвигаясь по этому лесу, постоянно испытываешь приступы паранойи — все эти изломанные ветвистые фигуры напоминали страшных чудовищ, которые вот-вот прыгнут на тебя из густой листвы.

Однако Руби уверенно гнал отряд вперед, и тягловые лошади без труда провозили наши крытые фургоны по извилистым лесным тропинкам. И хотя мы знали, что совсем недавно здесь пропал вооруженный караван, я почему-то совсем не испытывал страха. Непрошибаемая уверенность рекситоров в собственных силах оказалась заразной. Не прошло и получаса размеренной дороги под убаюкивающий скрип тележных осей, как я начал клевать носом.

— А ну, стоять! — крикнул вдруг Нагир, рекситор, который замыкал колонну. Его зычный бас раскатился на сотню метров вокруг, и я уверен, что его волевому приказу последовал даже самый мелкий муравей, тащивший какую-нибудь веточку.

— Что там? — напряженно спросил я и приблизился к окну. Люди снаружи нервно переглядывались. Ледж обнажил оружие — длинный клинок рекситора, слегка изогнутый по ребру, чья рукоять могла быть вложена в специальный паз на металлическом древке. Древко это рекситоры носили на спине, и в сложенном виде их одноручный меч превращался в длинное копьё с острым режущим краем, которым они могли как колоть, так и рубить, держа противника на расстоянии. В левой руке Ледж сжимал овальный щит с выемкой для копья с правой стороны. Сделан он был из очень легкого металла, чей секрет изготовления строго охранялся. Невероятная прочность, сопряженная с легкостью, делала оружие и щиты рекситоров крайне надежными. В то же время ими было очень легко управлять. Именно поэтому исполнители воли короля оставались самыми смертоносными и быстрыми воителями Ригиторума. Никто не мог бросить им вызов.

— Нагир, доложи обстановку! — распорядился подоспевший из головы колонны Руби.

— Нас кто-то преследует, сэр, — отдал честь младший рекситор.

— Сколько их?

— Один всадник, сэр. Я слышу перестук копыт. Нагонит через минуту.

— Думаете, он мог в одиночку перебить пару десятков “Клыков и копий”? — фыркнул Руби. — Отставить панику. Встретим этого наездника и выясним, чего он хочет.

— Держите оружие наготове, — произнес Ледж, обращаясь к гвардейцам, которые

трусливо отступали подалее от хвоста отряда. — И не скулите, как побитые псы! — добавил он, после чего сплюнул на землю.

Подул ледяной ветер. Он запросто нашел дорогу даже сквозь плотное полотно фургона. Я зябко повел плечами и заметил, что даже рекситоры поежились, вглядываясь в переплетение искривленных стволов деревьев вокруг.

— Уже скоро, — тихо проговорил Нагир. Воины крепче сжали рукояти мечей, а я сильнее прислонился к окну, чтобы видеть как можно больше дороги на повороте.

Секунды тянулись целую вечность, сердцебиение гулко отдавалось в голове. Кажется, в эти мгновения я забыл о том, что нужно дышать.

Наконец, вдали показалась фигура — действительно лишь один всадник, который галопом догонял наш отряд. Увидев готовых к бою рекситоров, человек резко натянул поводья, и его скакун прокатился по дороге, оперевшись копытами. В мягкой земле остались длинные следы.

Всадник поднял правую руку с открытой ладонью вверх в приветственном жесте. Руби ответил тем же.

Незванный гость хлопнул коня по бокам и приблизился к нам на расстояние удара копьем.

— Добрейшего вам денечка, путники! — громко крикнул путник, привстав в стременах. — На Колпин путь держите?

— И тебе не хворать, — кивнул Руби. — На Колпин, куда ж еще в этой глухомани идти?

— И то верно, — хмыкнул гость, озарив всех лучезарной улыбкой. Он был еще молод, точно не старше тридцати. Узкое лицо человека обрамляла аккуратно постриженная русая борода, а яркие зеленые глаза смотрели вперед прямо, ничего не утаивая. От него я не почувствовал никакой угрозы. — Меня возьмете с вами?

— А ты откуда такой красивый скачешь?

— Из Гранекса. Гостил там у брата, а сейчас домой, в Колпин. Проезжал Ручьи, там говорят, что дорога опасная, но вот как раз пару часов назад большой караван выдвинулся в дорогу. С вами-то всяко спокойнее, чем самому продираться, верно? — хмыкнул он, выразительно кивнув на обнаженное оружие гвардейцев и рекситоров. — Так как? Возьмете?

— Отчего же не взять? — пожал плечами Руби. — Ты главное в хвосте не плетись, со мной поедешь, во главе колонны. Я с тебя глаз не спущу.

— Прекрасно понимаю, — примирительно поднял руки гость. — Если в западню приведу, первая же стрела — моя, верно?

— Все так, — без улыбки сказал лидер отряда. — Твое имя?

— Дарнел.

— Можешь звать меня Руби. Добро пожаловать в наш дружный отряд, Дарнел. Гвардейцы весело заулыбались, но командир не дал и минутной передышки.

— Выдвигаемся!

Вместе с Дарнелом они быстро ускакали в голову отряда. Солдаты короля, немного поворчав, повели коней следом за неугомонными рекситорами.

— Бедолаги, — сказал Харман, зевнув. — Руби сильно рискует, так нещадно погоня бойцов. Ладно рекситоры, они парни крепкие. Не удивлюсь, если они месяц смогут на ногах провести, с их-то подготовкой. А вот гвардейцы, что и врага живого у себя во дворце ни разу в жизни не встречали, такой выносливостью вряд ли могут похвастаться.

— Да не скажи, — недоверчиво покачал я головой. — Думаешь, в личную стражу Десмоса наберут каких-то слабаков? Я слышал, что и в дворцовую гвардию тоже попадают только лучшие из лучших.

— Ну вот и смотри на своих лучших, — хохотнул Пит, ткнув пальцем в гвардейца, который задремал на ходу и чуть не свалился с лошади. — Эта спешка еще выйдет Руби боком, помяни мое слово.

— Небось, и нас под шумок прирежут, да? — зло пробормотал я в ответ. Пугающее предсказание Хармана, мол, Руби просто хочет от нас избавиться, начисто выбило меня из равновесия. Спасибо, Пит!

— Да ладно тебе, — с философским спокойствием поджал он губы. — Убьют, так убьют. Какая разница?

— Слушай, брат. Я понимаю, как тебе тяжело. Однако жизнь не стоит на месте. И лично я не намерен подыхать в Кривоствольных лесах где-то на краю Ригиторума! У меня впереди еще долгая история, и я бы уж точно хотел бы одним глазком взглянуть на свой домик в Крэнстауне. Так что будь добр, не хорони нас раньше времени, лады? Ради меня.

— Ладно-ладно, — примирительно поднял он руки. — Я и сам не против еще побарахтаться на этом свете. Возраст, конечно, у меня уже не тот, но кто знает? Может, еще предоставится шанс оставить здесь след.

— Думаешь снова жениться?

— А что? С деньгами Велизара жену-то я найду. Хватило бы здоровья!

— Куда ты денешься, чертяка. Думаешь, я не видел, как ты смотрел на служанку в “Выпшей сыпи”? — подмигнул я старому сатиру.

Пит немного покраснел, после чего расхохотался.

— А что, очень даже недурная девчушка.

— Она тебе во внучки годится, дед. Дай дорогу молодым!

— Сами отыщите, — фыркнул он и откинулся на спинку своего кресла.

Я улыбнулся и попытался устроиться поудобнее. На удивление, мне это даже удалось — подложив мягкий пухик под левый локоть, я лег на бок и расслабился.

Да, повозка, выделенная нам королевской гвардией, была одной из лучших в Ригиторуме. Учитывая, что мы не должны были привлекать лишнего внимания, снаружи она выглядела как обычный крестьянский фургон, наверняка забитый нехитрыми пожитками. Однако на самом деле внутри нашлось много пустого пространства, так что мы спокойно могли встать и размять ноги, вытянувшись в полный рост.

В противоположных концах повозки тянулись два ряда набитых пухом кресел, а между ними стоял небольшой круглый столик, на котором то и дело сменялись бутылочки разбавленного вина. Да, в грузовом отсеке, доступ к которому открывался через небольшой люк в полу, стояли кувшины с винным концентратом. Виноградари Ригиторума долго выпаривали вино и сгущали специальным веществом, агаром, если мне не изменяет память. Делалось это для того, чтобы напиток долго хранился и не кис в дороге. В общем, перед употреблением мы хорошенько размешивали густую винную кашу в кубках с водой, и когда она хорошенько размокала, поднимали тосты за короля Десмоса. Странное дело, но захмелеть в дороге решительно не получалось — возможно, сказывался стресс и вечное ожидание смерти. Ну, либо мы немного перестарались с водой, ведь никто не учил нас правильным пропорциям.

Главное, что вино здорово скрашивало долгую дорогу и было чертовски вкусным.

— Знаешь, эта поездка напоминает мне о детстве, — вдруг проговорил Харман. — Мой отец водил караваны по всему Ригиторуму, так что мы не раз бывали и в этих краях.

— Чем он, говоришь, торговал?

— Всем, чем придется, — пожал он плечами. — Из Колпина обычно везли золотые украшения. Там прямо через город протекает река, Искрящаяся, что ли. Так вот лет тридцать назад золотоискатели прямо из нее намывали кучу самородков. Сейчас, насколько мне известно, там и песка золотого не осталось, иссякла жила. Однако колпинцы не растерялись, быстро нашли, чем заменить добычу золота.

— Древесина?

— Именно. Лесопилки на каждом шагу. Это со стороны Выпых ручьев тут все такое изломанное, а на север от Колпина начинаются шикарные хвойные леса. Стволы толстенные, что вчетвером не обхватишь. А прямые, так и просятся на доски. Ель, сосна, лиственница, кедры...

— Что-то нам за всю дорогу ни одного каравана с доской не попало.

— Ты что, дурак совсем? — хихикнул Харман. — Древесину сплавляют по рекам к приморью, а дальше уже кораблями по всему Ригиторуму. Оно так-то дольше получается, но проще в разы. И дешевле, ясное дело. Кто будет по кривым лесным дорожкам тащить тонны досок? Никаких янитов не хватит.

— Звучит разумно.

— А какая там дичь вкусная! — Харман аж облизнулся от нахлынувших воспоминаний. — Нигде такой вкусной дичи не пробовал. Целого кабанчика на вертеле запекают. Или кабарга! Пробовал когда-нибудь кабаргу?

— Что это вообще такое?

— Вроде оленя, только без рогов, и мясо нежнее. Ох, если все же доберемся до Колпина в целости, плевать, как Руби будет торопиться, а в какой-нибудь кабачок мы обязательно наведаемся. Я угощаю!

— Меня спрашивать не придется!

Мечты об ароматном жаркое из дичи оказались прерваны громким хлопком с улицы.

— Да что они никак не уймутся? — раздраженно проговорил я и выглянул в окно, чтобы как раз увидеть, как к фургону на полном скаку приближается Руби из головы колонны. Вид у него был разъяренный, глаза налились кровью, а сжатые в оскале зубы словно готовы были выскочить наружу.

— Отделение, готовьтесь к бою! Засада! — надрывался Руби.

— Что случилось? — крикнул Нагир.

— Все так, как я и думал! Дарнел оказался лазутчиком. Прошел через всю колонну, оценил наши силы, а затем наверняка подал своим людям какой-то знак, чтобы они атаковали. Проклятье! Мы тут как на ладони!

Словно в подтверждение его слов, в стену нашего фургона врезалось несколько горящих стрел. Промасленная ткань, обмотанная вокруг наконечников, быстро подпалила стену повозки.

Во внутреннем помещении вдруг стало очень жарко.

— Ледж, выведи гостей из повозки, живо! Уходим в сторону от дороги, собьем им прицел!

— А как же кони, командир? — спросил гвардеец, который только что принял на щит шипастую стрелу с синим оперением. — Они в буреломе не пойдут!

— Бросьте их к чертям! — распорядился командир и первым спешил.

Когда Ледж открыл дверь фургона, мы с Харманом уже были готовы — наши нехитрые пожитки всегда были под рукой в удобных узелках, а я еще и успел прихватить кувшин с винным концентратом, который как раз стоял на столе. Не пропадать же добру!

Когда мы выбрались наружу, вокруг тут же сомкнулось кольцо из рекситоров. Исполнители воли короля объединили клинки с древками из-за спин, после чего оцетинились собранными алебардами во все стороны и принялись спешно отступать в сторону леса, ведя нас под прикрытием щитов. Огненные стрелы то и дело врезались в броню бойцов, стволы деревьев вокруг. Вонзались они и в землю, однако пока что так и не причинили никакого вреда.

— Поживее, мать вашу! — гаркнул Руби дворцовой гвардии, которая замешкалась с тем, чтобы слезть с лошадей и приготовить оружие. Кто-то из солдат запутался ногой в стремя, и когда в круп коня вонзилась стрела, несчастное животное понесло по дороге. Гвардеец громко орал, собирая по пути все кочки. В конечном счете он скрылся из виду, однако его крик долго затихал вдали, пока не смолк совсем.

Когда рекситоры убрались с открытого пространства и оказались в переплетении ветвей, держать строй оказалось невозможно — мешали торчавшие повсюду кривые стволы местных деревьев. Однако опытные солдаты не поддавались панике. Они без слов понимали друг друга, и отточенными на сотнях тренировок маневрами разделились на несколько групп по три-четыре человека, прикрывая друг друга со всех сторон. Мы с Харманом оказались в центре отряда, и Руби строго приказал Леджу:

— Головой за них отвечаешь!

Рекситор коротко кивнул и повыше поднял щит.

В этот момент показались первые враги — они словно выросли из-под земли в нескольких шагах от позиций отряда. Я так испугался, что выронил кувшин с вином, который вдребезги разбился о торчавший из земли валун.

Атака противника вышла очень внезапной, мне даже почудилось, что среди них затесался эскорпальный колдун, до поры скрывавший врагов от наших глаз. Хотя скорее всего в лесу просто была очень плохая видимость, оттого разбойники смогли подобраться так незаметно.

Волна атакующих разбилась о передовые группы рекситоров, как о каменный утес. Опытные бойцы не отступили ни на шаг, напротив, встретили врага ответным выпадом. Щиты ударились в щиты, клинки солдат Руби на длинных древках зашли далеко в гущу врагов, вдоволь напившись кровью.

Я не раз был свидетелем драк и поножовщин, но в такой жесткой заварушке оказался впервые. Как бы то ни было, я сильно удивился, не услышав боевых кличей и мучительных криков, которые неизбежно следуют за жестокими ранениями.

Я понимал, почему рекситоры бились беззвучно — их вообще вряд ли можно было назвать обычными людьми. Все же исполнителей воли с малых лет растили как машины для убийства, их учили не замечать боль.

Но что насчет разбойников? Я своими глазами видел, как алебарда Нагира вонзилась прямо в брюхо одного из атакующих, после чего рекситор провернул ее в ране и дернул вверх и на себя, распотрошив бедолагу, как рыбешку. Кишки вперемешку с содержимым желудка вывалились наружу, в ноздри ударил отвратительный аромат крови и дерьма. Однако человек упал на колени молча, и на лице его я не увидел ни страха смерти, ни

страдания. Более того, бандит продолжил ползти вперед на коленях, чтобы нанести обидчику хоть один удар в ответ. Он поскользнулся на собственных внутренностях, пережимал кишечник, выдавливая из него недопереваренную вонючую кашу, и остановился, лишь когда алебарда Руби начисто снесла ему голову.

— Какого лешего?! — выругался командир, отступив от тела с торчащим из шеи основанием позвоночника. — Это вообще люди?

— Они и на разбойников-то не похожи, — буркнул Вар, крупный рекситор в тяжелых доспехах. Лицо воителя наискосок пересекали брызги вражеской крови, а густая борода слиплась от влаги в алые сосульки.

Молчаливая битва продолжалась. Я не слышал ничего, кроме жестоких ударов металла о металл и тяжелого дыхания рекситоров. Страх перед неизбежным подобрался ко мне максимально близко, я от всей души болел за исполнителей воли короля, чтобы они справились с этой угрозой. Однако по их уставшим лицам и натруженным рукам я видел, как тяжело им дается эта битва. Врагов не становилось меньше, они продолжали атаковать сплошным потоком, оставляя на земле все больше и больше тел. Я в ужасе вцепился в руку Хармана, который закрыл глаза и беззвучно двигал губами, сидя на корточках. Вокруг нас в землю вонзилось еще несколько стрел, одна из них угодила в мальчика-прислужника, который протяжно взвыл от боли.

Я постарался абстрагироваться от ужасов схватки, целиком и полностью уповав на мощь рекситоров.

Тем временем отряд королевской гвардии наконец смог перегруппироваться и отойти с простреливаемого участка глубже в лес. Они понесли потери, однако по-прежнему были готовы биться, распаяя себя боевыми кричалками и ударами мечей в щиты. Именно этот звук, единственный громкий ободряющий звук, который должен присутствовать во время любой схватки, вернул меня в подходящее расположение духа. Очнувшись от кошмара, в который я позволил соскользнуть своему разуму, я уверенно поднялся на ноги и осмотрелся. Только полная осознанность и готовность реагировать на изменение боевой ситуации может сохранить мне жизнь, и я приложу все усилия, чтобы выбраться отсюда и таки увидеть свой домик в верхнем Лайтвуре!

Подоспевшее подкрепление гвардейцев навалилось на правый фланг “разбойников”. Неожиданная атака нарушила шаткий баланс сил, и атакующие попятились вглубь леса, из которого и явились. Королевские гвардейцы не были так хороши в бою, как люди Руби, однако им удалось смешать ряды неприятеля и развязать руки зажатым в угол рекситорам. Разумеется, исполнители воли короля не упустили эту возможность — лихо свистнув, Руби совершил могучий рывок вперед, попросту повалив парочку незадачливых бойцов неприятеля. Алебарда в его руках оглушительно свистнула, закончив свой разбег в груди очередного разбойника.

— А ну-ка, вперед! — крикнул Ледж, подтолкнув меня в спину. Я успел зацепить Хармана за локоть, и мы вместе побежали в образовавшийся среди рядов неприятеля проход. Нагир и Ледж двигались справа и слева от нас, сдерживая врагов, пока мы не объединились с подступившим отрядом гвардии.

Дворцовые стражи были перепачканы в крови, своей и чужой. Некоторые из них подволакивали порезанные ноги, в задних рядах бойцы тащили тяжело раненых бойцов, но в целом отряд был готов сражаться и дальше. Руби подскочил к командиру гвардейцев и приветливо протянул ему руку.

Однако у офицера были свои мысли на этот счет. Не колеблясь ни секунды, он изо всех сил рубанул полуторным мечом. Кисть Руби была моментально отсечена с точностью профессионального ампутолога.

Из культи ударил фонтанчик яркой крови, которая забрызгала все вокруг.

Увиденное повергло меня в настоящий шок.

Я развернулся и кинулся бежать сквозь схватку, не дожидаясь, чем все закончится.

— Погрил! Во имя Солуса, что ты наделал?! — завопил за моей спиной Ледж. Вместо ответа раздались новые удары, отвратительный железный скрежет и крик раненого. Обернувшись на бегу, я увидел, как Руби баюкает пораженную конечность на груди, пытаюсь сдержать рвущий его грудь крик. Ледж и Нагир прикрывали командира с боков, отбиваясь от наседавших гвардейцев.

— Какого дьявола?! — спросил я у Хармана, которому удалось избежать гвардейских мечей. — Я думал, это рекситоры решат нас прикончить под шумок, а уж никак не телохранители короля! Зачем им это нужно?!

— Присмотрись внимательнее, — прохрипел Пит, задыхаясь после утомительного бега. — Они же спятили!

Отбежав на несколько шагов от группы рекситоров, упорно сражавшихся с разбойниками, я вновь посмотрел на гвардейцев. Еще минуту назад эти бойцы весело улюлюкали, вступая в схватку. Они грамотно поддерживали боевой дух, громогласно оглашая окрестности воинственными кличами и синхронными ударами оружия об щиты. Теперь же они словно превратились в двойников напавших на нас “разбойников” — те же потухшие взгляды и угрюмая сосредоточенность на схватке. Бойцы бились и умирали молча, не издавая криков боли и предсмертных стонов.

— Чертовщина какая-то, — сокрушенно опустил Харман голову, неловко пятясь подальше от схватки. — Нужно уносить отсюда ноги, и поживее!

— Согласен! — тут же подхватил я и побежал куда-то в лесную чащу, лишь бы между нами и сражающимися было как можно больше густых зарослей. Впрочем, через пару минут бега по раздирающим в кровь колючим кустам, что заполняли все свободное пространство между кривыми стволами местных деревьев, мы с Харманом перестали слышать звуки схватки.

Битва затихла, как костер, в который никто не подбрасывал свежих дровишек. Лес погрузился в тишину, и в этой мертвой тишине я с трудом разбирал собственное дыхание.

Харман остановился, напоровшись на высокий холм, чьи склоны покрылись непроходимой растительной стеной. Закашлявшись от нагрузки, мужчина упал у возвышения на землю. Я присел рядом с ним на корточки, озираясь по сторонам.

— Как думаешь, рекситоры победили? — задал я глупый вопрос, как только смог поймать небольшую паузу между собственными тяжелыми вздохами.

— Черта с два, — сплюнул Харман вязкой слюной. — Скоро они придут за нами.

— Пойдем дальше! — толкнул я друга в плечо, но тот лишь отмахнулся.

— Мне не хватит сил, Пакмут. Я выдохся. Дальше беги сам.

— Но... Пит! Как же я без тебя? Ты ведь понимаешь, что у меня не будет шанса наладить пути контрабанды в одиночку!

— Ты хочешь жить?! — разозлился друг, приподнявшись на локте. — Тогда не мели чепухи и убирайся отсюда, пока можешь!

— Боюсь, уже поздно, — зло прошипел я сквозь зубы, глянув на утопающие в сумраке стволы деревьев. Среди них появились неподвижные фигуры солдат, которые молча смотрели на нас из темноты.

— Это разбойники? — испуганно спросил Харман. Его дыхание участилось, будто он страдал от приступа удушья. Признаться, я и сам захлебывался воздухом, а сердце сумасшедшим образом билось в груди, будто пойманный в клетку орлан.

— Неужто... Руби?! — вскрикнул я, глянув на приближающийся силуэт командира рекситоров. Грузный мужчина медленно шел вперед, безучастно глядя себе под ноги, в то время как из его наспех перемотанного жгутом запястья продолжала сочиться кровь. Внезапно стало холодно, будто из середины Месяца посадок мы оказались в студенном преддверии зимы. Из приоткрытых губ Руби с каждым вздохом выбивались облачка пара.

Остановившись в паре шагов от нас, командир резко вскинул голову, заглянув мне прямо в глаза.

Вертикальный как у волка зрачок был окружен густой сетью набухших сосудов. В его глубине я увидел ледяные кристаллы.

Руби, вернее, то существо, что поглотило его разум, ослабилось. Однако улыбка вышла отнюдь не дружелюбной — лицо рекситора выражало только неумную ярость.

Не выдержав нервного напряжения, я бросился в атаку, вцепившись этому ублюдку в горло.

Если мне и было суждено заключить лишь одну успешную сделку, то пусть я подороже продам свою собственную жизнь!

Ханнар Вирс

— Твою мать!.. через колено! Так его и рас-так! — психовал Мальвер, держась за голову обеими руками. — Проклятый степняк! Да чтоб его кишки сгнили, и пусть он их высрет через свой гниющий зад!

— Отставить! — грозно крикнул Трумел, судорожно размышляя. — Мы не можем быть уверены, что он нас бросил!

— А как еще это объяснить, командир?! — разъяренный разведчик крепко сжал кулаки. Складывалось ощущение, что если бы Витрам оказался сейчас рядом, Мальвер просто зубами перегрыз бы ему глотку. — Он даже припасов не оставил, собрался не спеша, да побрел обратно к лошадям!

— Теперь мы умрем здесь, — покачал головой Рисли. — Без лошадей у нас не будет ни шанса.

— Видели этих чудовищ? Они растерзают нас живьем, не успеем мы и половину степи преодолеть!

— Отставить панику! — рявкнул командир, стукнув кулаком по стволу молодого деревца. — Никто не собирается умирать, ясно вам? Ханнар!

— Да, командир? — отдал я честь.

— Насколько я знаю, у тебя в рюкзаке был продуктовый запас на экстренный случай.

— Так точно. Пару дней протянем, не вопрос.

— Вот и чудно. Все слышали? Еда есть, а как уберемся подальше от Гланнерика, сможем разжиться свежей дичью. Родел?

— Да, командир?

— Ты ведь хорошо стреляешь из лука, боец?

— Лучше всех в роте.

— Чудно. Выслеживай птиц, попробуй подстрелить кого-нибудь по дороге.

— Какой смысл? — с напором проговорил Мальвер, подойдя на два шага к Трумелу. — Те создания из долины... Я прямо сейчас чувствую, как они идут по нашему следу! Очень скоро они выследят нас и перебьют!

— Захлопни пасть, Мальвер! — разозлился командир. — Я уже начинаю терять терпение!

— Солнце уходит, — сказал вдруг Давур, глядя из-под прислоненной ко лбу руки козырьком. Последние отблески светила сверкнули на металлических частях нашего обмундирования, после чего свет померк. Тут же стало холоднее, и я зябко повел плечами.

— Вот видите? Это сыграет нам на руку, — с жаром сказал Трумел, хотя я понимал, что ему самому очень страшно. — В темноте мы будем не так заметны. Самое главное не медлить. Чем скорее преодолеем расстояние до роци на краю степи, тем скорее прыгнем в седла и уберемся отсюда прочь.

— Если они там стоят, эти лошади, — хмуро пробурчал Мальвер.

— Если их там нет, значит, будем идти до ближайшего поселения пешком! — вскипел командир. — Но мы будем идти! Или у тебя другие предложения, рядовой?!

— Никак нет.

— Тогда вперед, марш! — гаркнул Трумел, и мы дружно двинулись на запад, как можно дальше от увиденных кошмаров полуострова.

Сперва все шло хорошо. Мы споро двигались по открытой степи, кутаясь от постоянных пыльных бурь в плотные дорожные плащи. Пыль эта оседала в небольших складках местности, затрудняя движение, ведь сапоги увязали в ней, как в топком болоте. Песок скрипел на зубах, забивался в одежду, однако мы продолжали тащиться вперед.

Облака закрыли не только путеводные звезды, но и свет луны, так что приходилось полагаться на собственное чувство направления и интуицию, чтобы не сбиться с верного курса. Первым шел Трумел, который всегда славился отменными способностями к ориентированию, оттого разведчики доверяли ему без лишних вопросов.

Через пару часов пути раздался резкий щелчок. В абсолютной тишине ночи этот звук был сродни раскату грома. От испуга я подпрыгнул на месте и чуть было не крикнул, нарушив маскировку отряда, однако в последний момент все же смог сдержаться. Вглядываясь в непроглядную тьму впереди, я пытался понять, что стало его источником, как наконец раздался тихий шепот Родела:

— Я ее подстрелил, командир.

— Мрак Солуса! Что это было? — недовольно пробурчал Трумел, подходя ближе к лучнику. — Это твоя тетива?

— Так точно. В нас никто не стрелял, можете расслабиться.

— Проклятье, — выдохнул сквозь зубы Давур, после чего покачал головой, отгоняя шок. — Я уж думал все, накрыли...

— Не говори, — поддакнул я, утерев проступившую на лбу испарину.

— Отставить разговорчики! — шикнул командир. — Кого ты подстрелил, сынок?

— Птицу, — произнес Родел и ткнул пальцем куда-то во тьму.

— Какую птицу? — непонимающе прищурился Трумел. — Что можно разглядеть в такой ночи?

— Ни зги не видно, — проворчал Рисли.

— Вы что, не видите? — лучник вскинул брови. — Идите за мной! Только тихо! Боюсь, она тут не одна.

Заговорщически подманив нас рукой, Родел медленно побрел куда-то в сторону от выбранной отрядом тропы. Нам ничего не оставалось, кроме как последовать за стрелком, продолжая до боли в глазах вглядываться в окрестности. Мне так и не удалось разглядеть ничего, кроме редких столбов лунного света, которые иногда появлялись в разрывах облачной завесы.

Наконец, пройдя почти сорок шагов, мы остановились у раскидистого кустарника. Родел уверенно просунул обе руки в переплетение колючих ветвей и принялся шуршать сухой листвой.

— Ты точно в порядке, сынок? — сказал Трумел, и скудного освещения как раз хватило, чтобы рассмотреть его выразительно изогнутую бровь.

— Вот она! — весело хмыкнул Родел и вытащил из-под куста что-то пернатое. По рукам лучника потекла свежая кровь.

— Едрить твою налево! — выругался Мальвер, отпрыгнув на шаг назад и закрыв рот рукой. — Это еще что за страхопучело?!

Я был полностью согласен с Мальвером. С виду тушка подстреленной Роделом птицы была похожа на ворону, однако ее оперение казалось хаотическим нагромождением перьев

разной формы и длины, больше напоминая старый потрепанный веник. Но хуже всего выглядела голова животного — почти вся ее поверхность оказалась покрыта глазами. Десятками глаз, некоторые наполовину прикрыты опухшими веками, а некоторые, наоборот, были их лишены. Эти пересушенные и воспаленные глаза казались красными от потрескавшихся внутри сосудов, и один взгляд на это безумие заставлял желудок содрогаться в рвотных позывах.

— Святое Сияние! — смог выдавить из себя Трумел, когда оправился от первого шока. — Как ты ее разглядел в этой тьме, парень?

— Увидел отблеск луны в глазах, — самодовольно кивнул Родел. — Ну так что? Пожарим ее, или как?

— Ты совсем спятил, родной? — со страдальческим выражением лица промолвил Давур. — Ты хоть представляешь, что они с ней вытворяли?

— Кто — они? — хмыкнул Рисли. — Маги Коммутацис?

— Не эрветы же, — покачал я головой. — Кто еще мог сотворить подобное с живым существом?

— Но самое главное — зачем? — задумчиво протянул Родел.

— Соглядатай, тут и думать нечего. Вон как лупит во все стороны! — уверенно кивнул Трумел.

— Хватит ли такой малютке мозгов, чтобы что-то запомнить, а потом еще и рассказать об увиденном? — с сомнением покачал головой Мальвер.

— А вдруг кто-то смотрит *ее* глазами? — предположил я, и от этих слов повеяло могильным холодом. Зябкая ночь становилась все менее уютной. Я поежился, когда по спине пробежал озноб.

Помолчав какое-то время, Родел вырвал из обмякшей тушки свою стрелу, бросил птицу на землю и раздавил ее череп каблуком. Раздался мерзкий хруст, и из сплюсненной головы во все стороны брызнула вонючая сукровица.

— Давайте убираться отсюда, — процедил сквозь зубы Трумел и большими шагами двинулся дальше, безошибочно определив первоначальное направление отряда. Мы поплелись следом, то и дело испуганно оборачиваясь через плечо.

На горизонте замаячили огни Гольново. В предрассветной заре я смог разглядеть длинные ряды ветряных мельниц, которые лениво крутили лопастями под гнетом крепкого равнинного ветра. Даже на таком расстоянии от города я слышал скрип работающих водяных колес и первые петушиные крики.

— Слава Солусу, — тяжело проговорил Давур, чьи перепачканные в засохшей крови руки из последних сил держали поводья. Лошадь, измученная даже сильнее, чем всадник, с трудом держалась на натруженных ногах.

— Давайте покончим с этим, — проговорил я и тронул своего коня. Мы неспешной рысью двинулись по направлению к восточным воротам крупнейшего оплота Ригиторума на границе негостеприимных степных земель.

Осевшая за ночь пыль выбивалась из-под копыт, после чего ветер вновь разносил ее по окружающему разнотравью. Вскоре мы преодолели низенький мост через речушку, которая лениво влачила свои воды мимо городской стены, и оказались у сторожевого поста.

Задремавший охранник проснулся от перестука копыт. Недовольно заворчав, он грузно поднялся от выступающего из стены бревна, что служило ему лавкой, и громко приказал:

— А ну, стоять! Кто такие?

— Шестой полк, отряд разведки.

Трумел на ходу показал стражнику подорожную грамоту, и тот мигом отворил створку ворот.

— Не смею задерживать, господа! Проходите, проходите, — услужливо покивал он и пропустил нас, после чего поспешил закрыть проход.

Гольново медленно просыпался ото сна. Город пытался стряхнуть ночное оцепенение, и первые работники уже вышли на дороги, подметая улицы от скопившегося сора. По левую руку от мощеной булыжниками улицы тянулись приземистые складские помещения и сараи, а справа — хиленькие хибары бедняков, которые могли себе позволить жилье лишь на самой окраине.

Вскоре дорога вывела нас к городской ратуше. Когда со всеми необходимыми формальностями было покончено, нас пригласили в главный зал, где каждую неделю заседал совет управления. Сейчас гигантский круглый стол был пуст, равно как и кресло председателя, которое обычно занимал сэр Арчет.

На отполированной до блеска столешнице стояли пустые графины и перевернутые кружки.

— Наместник скоро поднимется, — заверил нас подслеповатый слуга, который держал в руке пятиместный подсвечник. Указав нам на свободные сиденья у входной двери, он принялся методично обходить комнату и зажигать привинченные к стенам светильники. — Сэр Арчет никогда не уклоняется от своих обязанностей! Не то, что наш бывший мэр, зачеши его опарыш... Арчета вот посреди ночи разбудишь, а от него ни пивом, ни спиртом не разит, и голова всегда свежа, как у юнца! Вот это хороший хозяин!

Мы молча сидели на мягких бархатных креслах, никак не реагируя на хвалебную тираду прислужника. Пустая болтовня старика начала меня здорово раздражать, и я его перебил:

— Не найдется ли у вас чего выпить?

— Ох, простите меня великодушно! — всплеснул руками слуга. — Вы ведь с дороги, небось, не спали по-человечески, и поесть было некогда... Сейчас, сейчас распоряджусь! Стол накроем! — крикнул он и поспешно засеменял к выходу из комнаты, так и не запалив половину светильников.

— Не нужно этого, отец, — покачал Давур головой. — Просто воды, будь добр.

— Это я мигом!

Как только седая голова прислужника скрылась в дверном проеме, я поднялся на ноги и начал мерять кабинет шагами, разминаясь после долгой езды в седле. Не успел я пройти его из конца в конец, как старик вернулся, держа в правой руке графин.

— Вот, угощайтесь, гости дорогие! — поклонился он и брякнул графин на круглый стол. Благодарно кивнув, я здоровой рукой перевернул ближайшую кружку и до краев наполнил ее свежей водой. Влага приятно опустилась по пересушенному пищеводу и будто вдохнула в тело немного жизни. Довольно крякнув, я набрал еще порцию.

— Вот вы где! — раздался мощный бас наместника. Двинув кружку в сторону, я поднялся на ноги, но Арчет лишь досадливо поморщился. — Отставить! В казарме будете честь отдавать, здесь вы мои гости.

По всей видимости, в противовес восхищенным речам прислужника, Арчет все же паршиво себя чувствовал после такого внезапного пробуждения. Под глазами виднелись темные круги, а веки явно удерживались в открытом положении лишь благодаря

неимоверной силе воли их хозяина. Тонкие губы Арчета были сложены в подобии легкой улыбки, однако уголки рта слегка дрожали.

Подавив зевок, командир Шестого полка приложился к металлической фляге, которую он всегда носил на поясе своего стеганого жилета. Сделав два глотка, он мельком глянул на нас одним глазом. Жидкость пошла не в то горло, и сэр Арчет поперхнулся. Какая-то часть содержимого его фляги вылилась на пол, и комнату наполнил аромат свежескошенной травы.

— Мрак Солуса! Что с вами стряслось, парни? И почему вас всего трое?!

Отряд разведчиков залег в небольшой складке местности. Крепкий ветер обтекал наше импровизированное убежище сверху, поэтому здесь мы хоть ненадолго смогли избежать иссушающего воздействия степной пыли. По моим расчетам, солнце скоро поднимется над горизонтом, однако из-за густых облаков я не видел даже намека на утреннюю зарю.

Натянутый лук в руках Родела звенел от натуги, и я боялся, что тетива может сорваться в любой момент. Впрочем, опытный стрелок не подавал признаков усталости, и рука его была тверда.

Незванный гость остановился примерно в десяти метрах от нашего укрытия. Здоровое и бесформенное животное, которое в темноте походило на валун размером с крестьянскую хибару.

Оно замерло в неподвижности. Единственный звук, который достигал моих ушей — сиплое, тяжелое дыхание зверя. Будто воздуху приходилось продирается через толстый слой мокроты и комья густой слизи.

Прошло уже несколько минут, но животное не собиралось уходить. Близость потенциальной добычи держала его на месте, а складки местности не позволяли здоровяку такой комплекции пойти и лично проверить, не обманывает ли его нюх. Именно поэтому тварь пыталась взять нас измором, будто осаждала замок по всем правилам военной стратегии.

— Что будем делать? — одними губами прошептал Рисли, обращаясь к Трумелу. — Не думаю, что оно уйдет.

— Мы ведь не можем дать этому гаду отпор, — так же тихо ответил командир. — Будем ждать столько, сколько понадобится, пока он не утратит интерес.

— Знать бы хоть, что это за зверюга, — недовольно пробормотал я, разминая затекшие плечи. Но, подумав еще раз, я отказался от собственного желания — сомневаюсь, что мне действительно хотелось знать, как на самом деле выглядит наш таинственный гость. Особенно после увиденного в долине неподалеку от замка Форг.

“Валун”, перекрывший нам путь к свободе, наверняка был кем-то из чудовищного зоопарка эрветов, либо же это неудачный эксперимент Коммутацис, вырвавшийся на свободу. Как бы то ни было, в открытом столкновении с этой тварью нам точно конец. Будь тут Восьмой полк в полном составе! Со всеми его боевыми машинами и артиллерийскими установками, взводами аркебузирова, в конце концов! Такая мощь остановила бы любого врага, не то, что кучка истощенных разведчиков!

— Вы слышите? — спросил Мальвер, подняв указательный палец. — Что-то изменилось!

Я постарался напрячь слух, и действительно! Тяжелое дыхание чудовища как будто стало немного тише, да и темп его слегка ускорился. Не веря своему счастью, я аккуратно

приподнял голову над кромкой нашей ложбины. Пока что “валун” оставался на месте, однако я заметил в темноте какое-то шевеление — будто эта тварь пытается аккуратно развернуться, не соскользнув лапой в многочисленные овражки.

— Тихо, тихо... — еле слышно приговаривал Трумел, держа руку на уровне груди ладонью вниз. — А ну, убирайся отсюда, жирный ты ублюдок... Вали подобру-поздорову, нечего тебе тут делать... Во так, молодец...

Родел по-прежнему целился наконечником стрелы куда-то в центр неповоротливого “валуна”, однако теперь он все же ослабил натяжение тетивы. Рисли и Мальвер подались вперед, готовясь в любую секунду либо аккуратно продолжить движение вперед хотя бы ползком, либо вскочить на ноги и бежать от опасности как можно быстрее. Я последовал их примеру, перенеся вес на носки. Давай, “валун”, катись куда подальше. Мы уже достаточно здесь насиделись...

Тишину ночи разорвал истошный вопль. Крик был настолько громким, что у меня чуть кровь не полилась из ушей. Испугавшись внезапного звука, я вскочил на ноги и побежал вперед, сам не понимая, что делаю. Опомнившись, я остановился и повернуть голову чуть влево. В мелькнувшем в разрыве облаков неверном лучике света я увидел Родела. Его лицо скривило судорогой, а между сжатых в тризме зубов текли струйки темно-вишневой крови.

— Мрак Солуса! — только и выговорил я, когда увидел, что именно случилось с лучником.

Прямо на его спине оказалось другое существо — судя по всему, бывший сторожевой пес, которого с помощью изоощренной магии превратили в настоящую гончую смерти. Пасть животного не могла закрыться из-за обилия острых клыков. Они выпирали наружу, словно инструменты из переполненного ящика. Шерсть животного была грязно-серого цвета, однако сохранилась она лишь частично, обнажая тут и там покрытую язвами бледную кожу.

Отдельного упоминания заслуживают лапы зверя — сейчас они больше напоминали человеческие руки, вот только гораздо тоньше и длиннее. И передние, и задние конечности мутанта заканчивались мощными когтями, которыми он не преминул воспользоваться, вцепившись в спину моего сослуживца.

Легкий кожаный доспех Родела не смог справиться с натиском чудовища. Когти вонзились в человеческую плоть на всю глубину. Уверен, они пронзили кишечник и почки Родела, а скорее всего повредили и позвоночник.

Жуткая боль заставила лучника забиться в конвульсиях, и с одного лишь взгляда было ясно, что он уже не жилец.

Понял это и Трумел. Опытный боец не стал тратить драгоценное время на бесполезные сантименты — одним точным ударом меча он пригвоздил мутанта к разведчику, поразив оба сердца.

Родел и гончая упокоились навсегда.

— Проклятье! — заорал Рисли, указывая на целую лавину чудовищных псов, которые с громким ревом приближались с востока. Парочка собак уже бросилась в атаку, но Мальвер и Давур встретили их уверенными взмахами мечей. Животные с раззявленными пастьями шлепнулись на дно оврага и жалобно заскулили, истекая черной кровью.

— Уходим отсюда! — рявкнул Трумел, пытаясь перекричать возгласы разведчиков. Весь отряд мигом оказался на ногах и побежал следом за мной, ведь я рванул на запад самым первым, как вдруг дорогу нам вновь перегородил “валун”.

Мутные глаза исполинского зверя были больше похожи на суповые тарелки. Морда

чудовища состояла из двух вздутых бугров, которые расходились и сходились, обнажая усеянную зубами пасть. Она никогда не закрывалась до конца, и поэтому складчатая шея и грудь животного оказались перепачканы в вытекающей оттуда бурой слизи.

Несмотря на внушительные размеры, “валун” оказался очень даже подвижным. Оттолкнувшись задними лапами, существо прыгнуло вперед, приземлившись в паре шагов от нас. Земля содрогнулась, лапы чудовища увязли в мягкой степной почве, однако его это нисколько не смутило — зверь толкнулся еще раз, разбив отряд надвое. Нас с Давуром и Трумелом отбросило направо, а Рисли и Мальвер оказались слева.

Все произошло настолько быстро, что сперва я даже не почувствовал боли. Однако теперь, пытаясь подняться из образовавшейся от моего приземления ямки, я ощутил, что всю левую поверхность тела жгло, будто огнем. Более того, левая рука повисла плетью, и я не был уверен, сломал я ее или просто вывихнул.

Впрочем, некогда было разбираться — схватившись за чудом уцелевший колючий кустарник, я буквально затащил себя наверх здоровой рукой и выпрямился в полный рост. Давур, который тоже смог укрепиться на ногах, пытался помочь оглушенному Трумелу. В конце концов, командир отряда пришел в себя, и, не забыв подобрать выпавший при падении меч, быстро побежал на запад.

— Не стойте столбом! Бегите! — бросил он на ходу.

— Но как же остальные? — недоумевал Давур, хотя по раздававшимся с другой стороны необъятной туши “валуна” было понятно, что от них мало что осталось. Чудовище громко чавкало, перемалывая своими мощными челюстями человеческие кости, а повизгивание подоспевших гончих не оставляло Рисли и Мальверу ни единого шанса.

— Проклятье! Бежим скорее, или вскоре разделим их судьбу! — рывкнул я и со всей возможной для своего состояния поспешностью заковылял следом за Трумелом. Командир уже растворился в этих бесконечных сумерках, и я мог лишь надеяться, что выбрал правильное направление.

Давур, который сперва чуть было не вырвался вперед, подбежал ко мне и подставил плечо. Сперва я хотел возразить, но потом понял, что сам поступил бы так же. Поймав взгляд Давура, я благодарно кивнул.

Вместе мы заковыляли прочь от жуткого пиршества, устроенного мутантами с Гланнерского полуострова. Крики гончих, сперва затихавшие вдали, начали вновь нарастать. Я испугался, что с моим ранением мы не успеем сбросить их со следа, как вдруг нам прямо навстречу бросился всадник.

В поводу он привел еще двух лошадей.

— Прыгайте в седла! — весело крикнул Трумел.

— Кони?! Они были на месте? — воскликнул Давур, который без промедления схватил ближайшего скакуна и помог мне на него вскарабкаться.

— Да! Я нашел их на привязи у того самого дерева, где мы их и оставили.

— Значит, Витрам не предавал, — слабым голосом проговорил я, после чего зашипел от боли, вставив больную ногу в стремя.

— Теперь это все не имеет значения, — отрезал Трумел. — Скачите, друзья, как никогда не скакали в своей жизни. Известия о замке Коммутацис должны дойти до Ригиторума. Но! — прищипил он коня и устремился на запад, не особо заботясь, последуем ли мы за ним.

Впрочем, этот человек только что спас наши жизни, и я не мог на него обижаться.

Я переглянулся с Давуром, после чего мы вместе устремились в сторону Гольново.

Становилось очевидно, что увиденное нами воинство — не игра воспаленного сознания и уж точно не массовая галлюцинация.

Эрветы задумали что-то ужасное.

Пока не знаю, как им удалось одолеть магов из дисциплис Коммутацис и занять их замок, но теперь они всю пользовались колдовскими инструментами по изменению жизни.

Конечно, у этих проклятущих дикарей не было ни малейшего представления о запретах, которые Школа Инкантиции накладывала на своих адептов. В цивилизованном Ригиторуме такие жуткие издевательства над человеческим телом ни за что бы не произошли, однако теперь население всего полуострова превратилось в безмозглых убийц, подвластных спятившим шаманам и язычникам эрветов. Сэр Арчет должен знать, что Ригиторум стоит на пороге жуткой войны, которая камня на камне не оставит от восточных земель королевства. Главное, чтобы мы добрались до своих, и тогда у армии будет время, чтобы подготовиться к вторжению.

Как только король Десмос XVII узнает о творящемся тут беззаконии, мы обязательно откроем второй фронт.

В конце концов, Ригиторум воевал с самого основания, и даже жуткой армии мутантов не напугать Орден Рыцарей-Башен и Артиллерийский легион.

Мы выстоим.

Но будет ли это моя война? Теперь я могу заявить это с полной уверенностью: нет. Я достаточно крови пролил во благо Ригиторума, проходя службу в рядах королевской армии с самого своего совершеннолетия. Пора бы и мне хоть немного отведать мирной жизни, разве нет? Хочется посмотреть, как растет сын, и как девушки начнут кружиться вокруг него щебечущими стайками.

Я улыбнулся собственным мыслям. Рука по-прежнему не слушалась, а по левой половине тела разливались волны жара. Впрочем, преследователи остались далеко позади.

Сражайтесь, воины Ригиторума. Но только без меня.

Тарон Прайд

Содержание в крохотной комнатке, где невозможно было даже выпрямиться в полный рост, наверняка могло сломить даже самых крепких людей. Просто находиться здесь — жуткая пытка, не говоря уже о скудной кормежке и постоянных допросах.

Заключенный и надзиратель поменялись местами. Какой хитрый переворот устроила судьба! Теперь я отбывал наказание в камере ордена Луцис, в то время как возможный убийца и сектант свободно разгуливает по улицам Минакса. Конечно, вся городская стража, равно как и звенья бойцов ордена, встали на уши и выискивали его на каждом углу. Однако насколько мне было известно, Рональду удалось надежно скрыться, иначе мы бы с ним сейчас сидели буквально в соседних камерах и весело смеялись над всей этой историей.

— Ладно, теперь-то мне уж точно не до смеха, — зачем-то сказал я вслух. Впрочем, услышать меня все равно некому, ведь надзиратель заходит в помещение с камерами только пару раз в день. Я мог хоть вытошнить собственные внутренности, заходясь в раздрающих глотку криках, — никому не было до этого дела.

Тяжело вздохнув, я повернулся на другой бок, раздавив еще нескольких наевшихся от пуза клопов. Небольшая набедренная повязка — вот и вся одежда, которой я мог похвастаться. Этого явно недостаточно, чтобы защититься от наглых кровопийц. Повезло хоть, что я оказался в заточении в теплое время года — говорят, зимой камеры ордена промерзают насквозь, и даже недельная выживаемость заключенных остается под большим вопросом.

Я провел здесь уже три.

— Тарон, ты здесь?

Знакомый голос! Вот так приятный сюрприз.

Я мигом вскочил на ноги, совершенно забыв об истощении. Голова сильно закружилась, но я смог устоять, оперевшись на выступающие из двери металлические детали.

— Милтон? Как ты сюда попал, чертяка? — сдавленно проговорил я.

Голос прозвучал очень слабо. Даже непривычно слышать обычную речь, ведь последнее время со мной общались только посредством громких приказных криков.

— Фран мой друг, — услышал я приглушенный закрытой дверью шепот.

— Что за Фран?

— Надзиратель, которого ты тюкнул по башке.

— Извини, — после небольшой паузы проговорил я.

— Все в порядке. Он ведь и тебя теперь сторожит, — хохотнул мой бессменный напарник. — Я ему объяснил ситуацию, рассказал, что к чему. Подмазал, опять же, кое-чем. Одним словом, порядок. Зла он на тебя не держит.

— Рад это слышать, — с облегчением выдохнул я.

— Так как у тебя дела?

— Ну, жить можно, — неуверенно проговорил я. — Не кормят, конечно, ни черта, и клопы уже заели. Однако, думаю, другим заключенным здесь куда хуже приходится.

— И не говори.

— Я видел, что они делали с Рональдом, Милтон. Это ужасно.

— Рональд — преступник, брат.

— Ты и сам знаешь, что это не так, — проговорил я. — За последние три недели я уже несколько сотен раз объяснял свою версию произошедшего дознавателям из городской стражи, из ордена Луцис, и даже дворцовой гвардии. Боюсь, у меня не хватит сил на еще один спор с тобой.

— Ладно, оставим эту тему, — охотно поддержал Милтон.

— Скажи лучше, какие вести с полей? Что по Слугам смерти?

— Пока глушняк. Всех, кого смогли взять по горячим следам, уже взяли. Приговоры приведены в исполнение.

— Отлично.

— К слову, перед смертью многие из них подтвердили, что видели того парня первый раз, и от него не веяло единством.

— Вот видишь? — довольно осклабился я. — Даже у этой гнили хватает совести, чтобы сказать правду.

— Ну, как сказать... — протянул Милтон. — Они сделали признание только лучшим дознавателям ордена. А тем пришлось здорово поработать, чтобы добиться от них содействия.

— Значит, и от них бывает какая-то польза, — уверенно добавил я.

— Как бы то ни было, твой Рональд в розыске, но я сильно сомневаюсь, что он до сих пор остается в Минаксе. По крайней мере, будь я на его месте — уже давно умотал бы куда-нибудь в Приморье и взял первый попавшийся корабль до Вольных городов.

— Наверняка именно так он и поступил, — кивнул я сам себе. — А что насчет меня?

— А что насчет тебя, Тарон? — я услышал, как зашуршала одежда Милтона, когда он пожимал плечами. — Признаться, примас в растерянности. В истории ордена Луцис таких случаев еще не было. По-хорошему, им следовало тебя казнить как нарушителя присяги.

— Ну, спасибо... — буркнул я.

— Не обижайся, это не мои слова, а Амилена. Не зря он прозван Строгим.

— Но? — робко добавил я, когда пауза неприлично затянулась.

Ведь должно быть какое-то “но”?

— Но с другой стороны, ты один из лучших наших бойцов, Тарон, и ты сам это знаешь. Ни один из ординариев не поддержал идею отправить тебя к Солусу, как остальных культистов. Да и кардинал Шосс не поверил, что ты можешь каким-то образом быть с ними связан.

— Хоть у кого-то остался здравый смысл.

— Ты бы не язвил так, — вздохнул Милтон. — Люди в ордене очень за тебя переживают. Не их вина, что ты чуть не убил Краса.

— Кончай драматизировать! Чуть не убил, спаси меня Солус... Слегка плечо оцарапал! Ничего ему не будет!

— И слава Солусу! Если бы Крас погиб, ты бы уже давно был мертв. Это даже не обсуждается. И вообще, если ты считаешь, что в вооруженном нападении на сослуживца нет ничего страшного, то, может, тебя справедливо держат в этой клетке?

— Завязывай, а, Милтон? — недовольно пробурчал я. — Я думал, мы друзья.

— Мы и есть друзья. Вот только ты наделал глупостей, и теперь никто не может придумать, как тебе помочь. Рекситоры знают, что орден Луцис упустил ценного пленника.

Кто-то должен понести за это наказание. Примас Валиант обязан сохранить лицо, иначе у всего ордена будут большие проблемы.

— Я понимаю, Милтон. Но почему я должен быть козлом отпущения? Почему я, а не дознаватели, которые так и не смогли выбить из Рональда то, что было им нужно? Неужели они настолько плохо работают, что им не удалось расколоть обычного паренька? Или, может, ему было просто *нечего* сказать? Как считаешь, Милтон?

— Я тут ничего не решаю, брат. Будь моя воля — я бы уже давно выпустил тебя на волю, и гори оно все синим пламенем. Но рекситоры... Эти парни так просто не отступятся. Они должны во всем разобраться.

— И сколько еще времени это займет?

— Кто знает?

— Прошел уже почти месяц.

— Может, еще месяц? Или два? Я не знаю, Тарон. Держись. Я постараюсь навещать тебя время от времени.

— Милтон, я...

— Что?

— Спасибо тебе.

— Будь здоров, Тарон. Знай, что ты не один.

Я слышал, как удаляются звуки шагов.

Вновь наступила тишина.

Через пару дней после встречи с Милтоном за мной, наконец, пришли. Трое старших бойцов ордена Луцис молчаливо вывели меня из камеры и нацепили тяжелые кандалы, стянув руки в запястьях. Я хотел спросить, куда меня ведут, однако никто из пленителей не проронил ни слова. Сосредоточенные лица людей были устремлены вперед, к выходу из душной тюрьмы.

Открытое пространство около Храма Луцис встретило меня яркими лучами солнца и дивными запахами цветов. За время, проведенное в камере, глаза совсем отвыкли от дневного света, и теперь они сильно болели. Впрочем, я был счастлив увидеть лик Солуса, пусть и в последний раз в своей жизни.

Мощная камнем тропа вела из дальней оконечности острова Луцис, где и располагалась башня для заключенных, к жилым корпусам. Приземистые казармы рядовых бойцов вскоре сменились добротными двухэтажными домами для ординариев, и в конце концов мы подошли к высокому забору с металлическими решетками. За ним стояла резиденция примаса Валианта, действующего главы всего ордена.

Переглянувшись, мои надзиратели уверенно отворили здоровенную калитку и провели меня во внутренний двор.

Какое необычное место для публичной казни!

— Вы уверены, что нам сюда? — переспросил я бойца, который следовал прямо за мной.

— Закрой рот, — грубо ответил на удивление молодой парень, впервые нарушив тишину с момента нашей встречи.

— Не думаю, что примас обрадуется преступнику, повешенному на своей любимой яблоне.

На этот раз надзиратели проигнорировали колкость, и я лишь безучастно пожал

плечами. Будь, что будет! Однако где-то в уголку сознания все равно забрезжил свет надежды — а вдруг все-таки обойдется?

Миновав ухоженный фруктовый сад, где в это время года не увидишь ни одного фрукта, мы подошли напрямик к позолоченной двери жилища Валианта. У входа нас уже поджидал посыльный, который никогда не покидал примаса и был готов в любой момент исполнить все просьбы главы ордена Луцис.

Сухо приветствовав бойцов, посыльный принял меня из их рук и повел на второй этаж особняка, к рабочему кабинету Валианта. Признаюсь честно, я бывал здесь лишь один раз, когда Амилен Строгий приказал сообщить примасу о нашей победе над бандой Гракса — колдуна-самоучки, что кошмарил жителей южного Сатуарка. Это было... Лет шесть лет назад, однако с тех пор “скромное” жилище Валианта нисколько не изменилось — все те же золоченые барельефы под потолком, каменные скульптуры в нишах вдоль стен и накрытая мягким ковром парадная лестница, по которой было так приятно ступать.

— Лунгрэн, правильно? — обратился я к посыльному. — Скажи, к чему это все? Неужели примас решил переговорить со мной лично?

— Я лишь исполняю поручение своего мастера, — мотнул он головой. — Сказано было доставить тебя в кабинет — и мы тебя доставим. Что будет дальше, известно лишь самому примасу.

— Спасибо за ответ, — благодарно кивнул я.

Что ж, значит, у меня действительно еще будет шанс предстать перед суровым, но справедливым магистром ордена Луцис! Посмотрим, сумею ли я выторговать свою жизнь.

Посыльный остановился. Мы пришли.

По традиции ордена, примас никогда не должен оставаться без охраны, так что всех предыдущих руководителей Луцис сторожили как минимум двое старших бойцов. Впрочем, примас Валиант не нуждался в защите — он как был могущественным бойцом в молодости, что в совершенстве владел лексиантом, так и сейчас не боялся никого и ничего, предпочитая иметь под рукой лишь одного помощника.

Деликатно постучавшись, Лунгрэн отворил дверь и впустил меня внутрь.

— Приветствую вас, господа. Проходите, — раздался бархатный голос Валианта.

Кабинет примаса оказался полной противоположностью всего остального жилища. От скромной каморки счетовода в какой-нибудь захудалой купеческой гильдии его отличал лишь размер — все же в рабочей комнате Валианта можно было разместить целое звено ордена Луцис, а если постараться, то и два. Сам примас сидел за письменным столом из темного дерева, перед которым нашлось место двум примитивным табуретам. Именно туда Лунгрэн и отвел меня, после чего щелкнул замком, и кандалы открылись.

Подняв глаза, я хорошенько рассмотрел хозяина кабинета. Годы шли, но Валиант поразительным образом сохранял чуть ли не юношескую свежесть лица и тела. Его широкие плечи все так же держали гордую осанку, а на крепком лице, едва тронутым морщинами, читались лишь сила и упорство. Одет примас был в свое боевое облачение, причем, как и всегда — воинственная натура Валианта отвергала монашеское одеяние, которое следовало носить главе ордена.

— Здравствуй, Тарон, — вновь повторил примас и отложил в сторону писчее перо.

— Приветствую вас, примас Валиант.

Наступила неловкая тишина. Валиант тщательно рассматривал меня, как интересную букашку, которую стоило занести в каталог интересных букашек. Я заерзал под его взглядом,

пытаясь унять возникшую в теле дрожь.

— Вы хотели меня видеть? — я решился первым нарушить молчание.

— Как видишь, — приподнял он ладони над столом, после чего опять положил. — В первую очередь позволь поинтересоваться, как ты выдержал заточение. Все в порядке?

— Благодарю, жаловаться не на что. Били не больно, помои приносили по расписанию — что еще нужно арестанту?

— Что ж, я доволен, — кивнул примас и глубоко вздохнул, после чего придвинулся поближе. — Думаю, ты и сам понимаешь, старина, в какой вязкой каше ты оказался. Так просто не расхлебаеть. А я уже давно пытаюсь, можешь мне поверить.

— И я благодарен вам за попытки, — подался вперед и я. — Но будьте со мной честны — что меня ожидает? Рекситоры настаивают на казни?

— С чего ты взял, что рекситоры вообще имеют в этом какой-то интерес? — удивленно вскинул он брови, и на какое-то мгновение я даже ему поверил.

— Догадался, — пожал я плечами. — Слуги смерти давно мешают этому городу, и я уверен, что не только мы пытались прижать их к ногтю. А теперь главный, и, пожалуй, единственный подозреваемый с ценными сведениями вновь на свободе. И я всему виной. В жизни не поверю, что рекситоры не мечтали увидеть меня на суку.

— А ты воображаешь, Тарон, — примас сложил руки на груди. — Пожалуй, я укрепился в своем решении сохранить тебе жизнь.

У меня перехватило дыхание. Взяв небольшую паузу, я аккуратно продолжил:

— Значит... Меня действительно хотят казнить?

— Хотят. И даже очень. Ты совершил большую ошибку, старина. Меня не интересует, был ли сбежавший заключенный виноват в своих преступлениях, но ты виноват в нарушении прямых приказов своих командиров. Орден Луцис выставлен в дурном свете, и мне пришлось долго и мучительно отстаивать наши права в глазах королевского совета. Ну и рекситоры, куда без них, — фыркнул Валиант. — Эти прохвосты давно хотят заменить собой чуть ли не все органы управления Ригиторума. Но пусть даже не мечтают! Есть еще в этой стране люди, которые не станут плясать под дудку их таинственного лидера, и пусть они это знают. Короче, Тарон, — сменил он тему, — я не могу отдать им тебя. Считаю это моей личной прихотью, хотя тебе, по большому счету, должно быть все равно. Я прав?

— Абсолютно. Я еще хочу пожить, господин Валиант.

— А кто бы не хотел? Так вот, Тарон... Просто отпустить я тебя тоже не могу — сам понимаешь, как это будет выглядеть не только для рекситоров, но и для твоих же сослуживцев. Многие в ордене не захотят вновь работать с тобой в одном звене, поэтому нам нужно тебя спрятать.

— Только не говорите, что опять в тюрьму, — закатил я глаза.

— Есть и другой способ. Как тебе идея отправиться на юг? Подальше от столицы?

— Все лучше, чем гнить в четырех стенах.

— Чудно. Поедешь в Димсдейл, город-государство на островах Тахири.

Я присвистнул.

— Разве там есть представители ордена?

— Теперь будут. Ригиторум хочет наладить отношения с вольными городами. Первым шагом сближения станет помощь нашим дражайшим союзникам в борьбе с еретиками и магами-отступниками, что прячутся там от правосудия королевства. Я формирую новое звено, которое отправится в Димсдейл, и ты его возглавишь. Готов к такой ответственности?

— Признаться, я удивлен, господин Валиант. Но... Почему я?

— Во-первых, потому, что ты действительно хорош, Тарон, — пожал он плечами. — Я слышал о твоих...

Снаружи кабинета раздался громкий вскрик, после чего дверь кабинета распахнулась.

На пороге стоял Лунгрэн.

Беднягу всего трясло, кожа побелела, как сервизный фарфор, а глаза наоборот были красными от лопнувших сосудов. Челюсти бедняги свело судорогой, и сквозь сжатые зубы он смог пробормотать:

— Господин Велизар...

В этот момент порог переступил незнакомый мне человек в колдовской мантии с золотым отливом. Мужчина был разъярен, он двумя широкими шагами преодолел половину комнаты и остановился у письменного стола.

— Можешь себе это представить, Валиант?! — зарычал незваный гость, плюхнувшись на свободный табурет. Его лицо покраснело от еле сдерживаемого гнева, а руки беспокойно шарили по коленям. — Он прямо так и сказал!

— Велизар! — крикнул в ответ примас, хватив кулаком по столу. — Где твои манеры, старина?

— Этот червь, Кустос, просто взял и...

— Велизар! Немедленно прекрати! — Валиант начал выходить из себя и вскочил на ноги. Его лицо побелело от напряжения и, возможно, страха. Я не смог прочитать всю палитру эмоций, которые промелькнули в облике главы ордена Луцис, вот только его командный тон заставил наконец успокоиться даже разъяренного колдуна.

— Ты о чем?

— Отпусти Лунгрэна! — холодно проговорил примас. Переведя взгляд на посиневшего от нехватки воздуха посыльного, гость вяло отмахнулся.

Лунгрэн упал на колени. Жесточайшая судорога, которая не пощадила ни одной его мышцы, наконец отступила. Прислужник принялся часто-часто дышать, высунув язык, как побитая собака.

— Ну, извини, — пожал плечами колдун, после чего неловко прокашлялся. — Совсем забыл о нем.

— Оставь свои фокусы для Горы, старина, — все таким же ледяным тоном проронил примас. — Здесь тебе не дворцовая гвардия.

— Забудь, — недовольно поморщился колдун, после чего бросил на меня презрительный взгляд. — Выйди отсюда, нам с примасом нужно переговорить.

— Прошу прощения, — сделав легкий кивок головой, я поспешно поднялся со стула и двинулся в коридор, уступив Лунгрэну дорогу. Оказавшись снаружи, посыльный тут же закрыл дверь, вытянувшись у порога по струнке, точно королевский гвардеец.

— Дружище, не подскажешь, где тут у примаса Валианта уборная?

Лунгрэн осмотрел мои лохмотья придирчивым взором, словно взвешивал, как сильно я могу испачкать личные комнаты хозяина. Впрочем, не обнаружив во мне ничего опасного, он махнул рукой в сторону лестницы, откуда мы пришли:

— Подойди к ступеням и поверни налево.

— Премного благодарен!

Именно в этом направлении я и хотел прогуляться. Козырнув преданному посыльному, я дошел до красиво убранной парадной лестницы и свернул за угол, после чего мигом

прильнул ухом к стене.

Сперва я решил, что перегородки в доме главы ордена Луцис оказались слишком толстыми. Однако, если хорошенько затаить дыхание, можно услышать не просто обрывки отдельных слов, но даже целые предложения! Ну-ну, о чем же вы беседуете?..

“...прямо так и сказал?” — это Валиант, узнаю его глубокий голос.

“Ага. Совсем страх потерял... — ответил раздраженно хриповатый колдун. — ...и тогда я и заставил его заткнуться. В нашей работе без уважения долго не проживешь”.

“Как заставил?”

“Совсем, примас. Он больше ничего не скажет”.

“Мрак Солуса! — Валиант был явно рассержен. — На каком основании ты принимаешь такие решения в одиночку?!”

“Успокойся, Валиант. Такое нельзя прощать. Кустос знал слишком много, и еще больше стал себе позволять. Раньше или позже — какая разница? Он уже был ходячим трупом, и ты это знаешь”.

“Но мы еще не готовы! Как мы заменим Кустоса?”

“Во имя Света, неужели ты думаешь, что он так необходим? Да любой сопливый чародей сможет справиться куда лучше! Ишь, чего выдумал? Слуги смерти...”

“Сбавь голос! — зашипел Валиант.”

“Да плевать я хотел. Что это изменит? Ладно, забудь. Найдем новую мартышку”.

“Придется вновь начинать с чистого листа... Проклятье! Сколько времени это займет?”

“Не переживай. Протянешь до следующего...”

— Ты чего тут трешься? — раздался у меня над ухом угрожающий голос Лунгрена. Отлипнув от стенки, я неловко улыбнулся.

— Да вот... Ослаб я совсем в заточении, не носят уж меня ходули, — указал я рукой на тонкие ноги, которые действительно выглядели истощенными. — Потерял равновесие, вот и припал к стенке, ждал, пока силы вернуться.

— В уборную уже сходил?

— Так точно.

— Тогда возвращайся к кабинету. Валиант может пригласить тебя в любой момент, не задерживайся.

— Иду-иду.

Следуя за Лунгреном, я прокручивал в голове разговор примаса с неизвестным мне колдуном. Господин Велизар, да? Уж не тот ли это Велизар, который является придворным магом самого Десмоса? В таком случае дело плохо. Неужели то, что они говорили о Слугах смерти, правда? “Новая мартышка”? А что, если весь этот культ, что занимался человеческими жертвоприношениями и Солус ведает чем еще, дело рук придворного колдуна?!

Но зачем ему это нужно? С какой целью верховный чародей Ригиторума занимается столь грязными делами, так еще и с молчаливого согласия главы ордена Луцис?

Погоди-погоди, Тарон. Не гони лошадей. Быть может, я делаю слишком поспешные выводы, и на самом деле все совсем иначе. Но вдруг...

Что, если все те годы, что мы гонялись за фанатиками и религиозными убийцами, прошли напрасно? Что, если мы воевали с призраками? Пустыми фантомами, выпущенными Велизаром для собственной потехи? В таком случае, Видик погиб напрасно! И ординарий Трегони Каньедо, равно как и все его звено!

Приступ ярости накрыл меня с головой. Я пошатнулся, чуть не потеряв равновесие, на этот раз уже взаправду. Проклятье! Я обязан найти ответы! И видит Солус, если я узнаю, что во всех этих смертях повинен Велизар, я заставлю его понести справедливое наказание. Даже не посмотрю, что он придворный маг, даже мысль об убийстве которого может привести незадачливого заговорщика на виселицу.

Меня таким не испугаешь.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и Велизар стремительным шагом двинулся в сторону выхода, не удостоив нас ни малейшим взглядом. Обернувшись на ходу, он крикнул Валианту:

— Отправляюсь сегодня вечером. Как только будут вести, сразу дам знать. Бывай!

Сказав это, чародей удалился, оставив резиденцию примаса позади.

— Тарон, найди, старина. Мы не закончили.

Повинуясь приказу главы ордена Луцис, я вновь вошел в кабинет, аккуратно притворив за собой дверь.

— Господин Валиант, позвольте один нескромный вопрос.

— Слушаю.

— Если не секрет — куда отправится господин Велизар?

— Какой тебе в этом интерес? — нахмурил он брови.

— Он говорил тревожно, — пожал я плечами. — Вдруг что-то случилось?

— Пока что ничего серьезного, — отмахнулся примас. — Велизар отправляется в Димсдейл, чтобы проверить заявление дисциплин Экскорпалис.

— Что за заявление?

— Говорят, они ощутили там мощный выброс силы. Велизар хочет лично разобраться, что произошло. Колдуны Димсдейла не чета выпускникам нашей Школы, и подобные силы не должны быть им подвластны. И да, Тарон, ты, как глава исследовательской группы ордена Луцис, окажешь Велизару полное содействие в его поисках. Тебя это устроит?

Я не мог видеть себя со стороны, однако готов поспорить, что в этот момент в моих глазах промелькнул хищный огонек.

— Да. Да, господин Валиант. Сочту за честь.

— Чудно! Тогда Лунгрэн проводит тебя в гостевой домик, где ты сможешь восстановить силы и подготовиться к далекому путешествию. Со дня на день приведу новобранцев, которые будут тебе служить.

— Я могу рассчитывать на полное звено?

— Да. В твоём распоряжении будет два десятка бойцов Луцис.

— И я получу звание ординария?

— Не торопи события, Тарон, — хмыкнул примас, хотя было видно, что вопрос ему понравился. — Впрочем, если все пройдет хорошо, станешь и ординарием. Главное — не ударь лицом в грязь перед придворным магом. Договорились?

— Договорились.

Попрощавшись с примасом Валиантом, я медленно развернулся и вышел из кабинета.

Как круто меняется жизнь! От осужденного на казнь до офицера ордена Луцис за пару минут!

Однако все это меркнет на фоне возможного предательства со стороны Велизара. Что ж, сама судьба подкинула мне возможность поработать с ним вместе. Это мой шанс выяснить, действительно ли Велизар виноват в смертях моих братьев.

Да и что это за магическое возмущение в вольных городах, раз верховный маг Ригиторума отправляется туда лично?

Ох, и влип я в историю. Ну ничего, удача на моей стороне. По крайней мере, до этих пор. А что будет дальше, лишь одному Солусу известно.

Сейчас я мечтаю лишь об одном — сочном куске жирной свинины, пожаренной на сковороде. Надо будет сказать об этом Лунгрону, пусть озаботится.

Улыбнувшись своим мыслям, я ускорил шаг, чтобы скорее оказаться в своем новом доме с настоящей кроватью, пускай и лишь на время.

Больше книг на сайте - Knigoed.net